

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Колесниченко Владимир Алексеевич

**ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ
В ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ**

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации
Терещенко Людмила Константиновна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ КАК СФЕРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ.....	20
1.1. Специфика объекта информационных правоотношений	20
1.2. Субъектный состав информационных правоотношений	33
1.3. Содержание информационных правоотношений	42
ГЛАВА 2. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ.....	54
2.1. Сущность и характеристика злоупотребления правом. Особенности злоупотребления правом в информационных правоотношениях	54
2.2. Виды злоупотреблений правом в информационных правоотношениях	86
ГЛАВА 3. СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ	129
3.1. Общеправовые способы противодействия злоупотреблению правом	129
3.2. Способы противодействия злоупотреблению правом в информационных правоотношениях	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	162

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена тем, что согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации «информационная сфера играет важную роль в обеспечении реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации (...) Реализация национальных интересов в информационной сфере направлена на формирование безопасной среды оборота достоверной информации и устойчивой к различным видам воздействия информационной инфраструктуры в целях обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, стабильного социально-экономического развития страны, а также национальной безопасности Российской Федерации»¹.

С учетом интенсивного роста присутствия в Российской Федерации информационных технологий (в 2022 г. 89% жителей – пользователи сети Интернет, а практически 73% – активные пользователи различных медиасервисов²; при этом имеется положительная динамика по сравнению с 2021 г.³) формирование полноценной безопасной среды в информационных отношениях невозможно без разрешения на теоретическом и практическом уровне вопроса о реализации прав в рамках правоотношений, возникающих по поводу информации.

Использование права как форма его реализации имеет определенные пределы, границы, за которыми поведение управомоченного субъекта нельзя назвать правомерным.

¹ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утверждена указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50, ст. 7074. П. 7, 9.

² См.: Чуранов, Е. Статистика интернета и соцсетей на 2022 год – цифры и тренды в мире и в России: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).

³ См.: Сергеева, Ю. Интернет и соцсети в России в 2021 году – вся статистика. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/> (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).

Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что информационные права «не являются абсолютными и могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты иных конституционно значимых ценностей, включая права и законные интересы других лиц, а также безопасность государства (...) в силу общеправового принципа недопустимости злоупотребления правом при реализации указанных прав не должно допускаться ущемление прав и свобод иных лиц»¹.

В каком случае право распространять информацию из правомерного и общественно полезного явления может превратиться в противоправное и общественно вредное (или даже опасное)? При каких условиях субъект информационного права из реализующего право может превратиться в злоупотребляющего им или вовсе – в правонарушающего?

Правотворческие органы отчасти дают ответ на данные вопросы, переводя часть проявлений вредного для общества поведения в статус правонарушений.

К примеру, в 2019–2020 гг. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – *КоАП РФ*) дополнен нормами, направленными на пресечение распространения заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений².

Впоследствии нормы о запрете так называемых фейк-ньюс использовались в борьбе с заведомо ложными сведениями о коронавирусной инфекции³.

¹ По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 235 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ИЗИ ЧАЙНА КОРПОРАЙТ»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 22-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 19, ст. 3519. П. 2.

² См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 27-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12, ст. 1217 (далее – *Федеральный закон № 27-ФЗ*); О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14, ч. I, ст. 2029; 2024. № 1, ч. I, ст. 2 (далее – *Федеральный закон № 99-ФЗ*).

³ См., напр.: Жителя губернии привлекли к ответственности за фейк о прививке от COVID-19. URL: https://samara.aif.ru/incidents/scene/zhitelya_gubernii_privlekli_k_otvetstvennosti_za_feyk_o

В качестве другого примера возможно привести законы «об оскорблении власти», направленные против распространителей информации, выражающей в неприличной форме явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации, органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации¹.

Кроме того, в условиях специальной военной операции на Украине крайне необходимым является установление юридической ответственности за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации².

Государство постепенно устанавливает границы правопользования в информационных правоотношениях, однако это нельзя назвать системным мероприятием, нацеленным на обеспечение состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз.

privivke_ot_covid-19 (дата обращения: 11 февраля 2024 г.); Жителя Курганской области оштрафовали за фейки о вакцинации в соцсетях. URL: <https://iz.ru/1194936/2021-07-19/zhitelia-kurganskoi-oblasti-oshtrafovali-za-feiki-o-vaktcinacii-v-sotssetiakh> (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).

¹ См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 28-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12, ст. 1218 (далее – *Федеральный закон № 28-ФЗ*); О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 30-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12, ст. 1220 (далее – *Федеральный закон № 30-ФЗ*).

² См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10, ст. 1388; 2022. № 29, ч. III, ст. 5257 (далее – *Федеральный закон № 31-ФЗ*); О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10, ст. 1389 (далее – *Федеральный закон № 32-ФЗ*); О внесении изменений в статьи 8.32 и 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 25 марта 2022 г. № 62-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 13, ст. 1951 (далее – *Федеральный закон № 62-ФЗ*); О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 13, ст. 1952 (далее – *Федеральный закон № 63-ФЗ*).

Напротив, наблюдается точечный характер действий правотворческих органов по запрещению конкретного проявления превышения пределов дозволенного поведения, трансформирующегося в общественно вредное поведение (правотворчество *ad hoc*), что может быть объяснимо в целом пробельностью темы пределов, границ правопользования, их нарушения, в том числе в виде злоупотребления правом в информационных правоотношениях.

Следовательно, изучение проблемы злоупотребления правом с использованием теоретико-правовых разработок и методологических подходов юридической науки актуально как в силу того, что в настоящее время проблема правомерного обращения с информацией является важной для безопасности Российской Федерации, так и в силу того, что позволяет существенно заполнить пробелы в знании пределов, границ применения субъективного права в информационных отношениях, что позволит органам публичной власти более системно подойти к противодействию злоупотреблению правом в информационных правоотношениях.

Вышеизложенные обстоятельства в своей совокупности повлияли на авторскую мотивацию в выборе темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы. Злоупотребление правом изучается в различных отраслях права, прежде всего серьезное внимание уделено в теории права. Среди исследователей в данной сфере научного знания можно назвать С.С. Алексеева, О.Н. Бармину, Н.А. Дурново, С.Г. Зайцеву, С.Н. Кожевникова, В.И. Крусса, В.Н. Кудрявцева, А.А. Малиновского, А.Е. Наумова, Е.А. Одегнал, И.Е. Сенникова, В.А. Толстика.

Еще больше исследователей злоупотребления правом – в науке гражданского права (может быть объяснено тем, что еще с советских времен в гражданском законодательстве имелись нормы о запрете злоупотребительного поведения). К исследователям в данной области следует отнести М.М. Агаркова, Г.Т. Бекназар-Юзбашева, А.Ю. Белоножкина, А.В. Волкова, В.Л. Вольфсона, В.П. Грибанова, Т.В. Дерюгину, В.И. Емельянова, М.В. Ибрагимову,

П.А. Избрехта, А.Я. Курбатова, М.Ф. Лукьяненко, О.А. Поротикову, С.Д. Радченко, И.В. Сазанову, Я.А. Смирнову.

Значительно реже, чем в частном праве, встречаются работы по злоупотреблению правом в отраслях публичного права. Данному явлению уделяется внимание в арбитражном (И.В. Ильин, А.А. Ноянова), гражданском (О.В. Аксенова, А.В. Юдин) и уголовном (М.О. и О.Я. Баевы, О.И. Даровских) процессах.

Изучается указанный феномен также в науке административного (Т.В. Казина, Е.Н. Крымова, О.Н. Хужина), земельного (Э.Р. Вагизова), избирательного (М.Ю. Куликов, И.В. Советников) и конституционного (Е.С. Зайцева) права.

Кроме того, имеются работы, посвященные злоупотреблению правом, в науке международного (Е.В. Рябцева, А.К. Соболева), налогового (Н.А. Фомина, Е.А. Цикунов), трудового (М.В. Лушников, Е.М. Офман), уголовного (Н.А. Егорова, В.Г. Пономарев) права.

При этом феномен злоупотребления правом в информационных правоотношениях, как отмечалось выше, в настоящее время является практически неисследованным. Так, об отдельных проявлениях злоупотреблений правом в информационных правоотношениях говорят в своих диссертационных исследованиях лишь Е.В. Знамеровский и А.А. Малиновский.

Отдельные аспекты злоупотреблений информационными правами освещают А.С. Агеев, Р.В. Амелин, И.Л. Бачило, О.А. Городов, Г.Г. Камалова, М.М. Китайчик, Н.Н. Ковалева, В.А. Копылов, М.В. Короткова, А.В. Минбалеев, П.С. Настин, Д.В. Огородов, И.М. Рассолов, А.А. Стрельцов, Л.К. Терещенко, В.С. Хижняк, М.Е. Черемисинова.

Вместе с тем вышеназванные исследователи не рассматривали злоупотребление правом как комплексную проблему, в связи с чем в науке информационного права в настоящее время отсутствует исследование, посвященное изучению сущности и видов злоупотребления правом, способов

противодействия злоупотребительному поведению в информационных правоотношениях.

Настоящее диссертационное исследование может способствовать восполнению указанного пробела.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, содержанием которых является поиск, получение, передача, производство, распространение информации, ограничение доступа третьих лиц к информации без согласия управомоченного лица, а также ограничение получения информации от третьих лиц (информационные отношения).

Предмет диссертационного исследования – совокупность нормативных правовых актов, регулирующих информационные отношения, а также научные публикации российских и зарубежных ученых, посвященные исследуемой проблематике, статистические и аналитические данные, судебная практика в части проявления злоупотребления правом в информационных отношениях и способов противодействия таким проявлениям.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке теоретических положений и обосновании особенностей информационных правоотношений как сферы проявления злоупотребления правом, в формировании основных положений о злоупотреблении правом в информационных правоотношениях, а также в определении способов противодействия злоупотреблению правом в информационных правоотношениях.

Для достижения указанных целей поставлены и решены следующие **научные задачи**, которые определили логику диссертационного исследования и его структуру:

- определить специфику объекта информационных правоотношений, являющегося применительно к диссертационному исследованию также объектом злоупотребления правом;

- установить правовой статус субъектов информационных правоотношений, являющихся применительно к диссертационному исследованию лицами, злоупотребляющими своими правами;

- охарактеризовать содержание информационных правоотношений, важным структурным элементом которого являются субъективные права, используемые злоупотребляющим лицом во вред третьим лицам;
- раскрыть сущность злоупотребления правом как общеправового явления и выявить особенности злоупотребления правом в информационных правоотношениях;
- определить и классифицировать на основе различных критериев виды злоупотреблений правом в информационных правоотношениях;
- установить общеправовые способы противодействия злоупотреблению правом;
- охарактеризовать применение общеправовых способов противодействия злоупотреблению правом в информационных правоотношениях.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют обще- и частнонаучные (специальные неюридические и юридические) методы.

При изучении заявленной темы выбрана адекватная объекту, предмету, целям и задачам исследования совокупность научных методов.

Так, из общенаучных методов в диссертационном исследовании использованы общелогические методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение), которые необходимы в первую очередь для формулирования позиции по определенной проблеме на основе имеющихся данных, в том числе для определения свойств отдельных элементов информационных правоотношений, а также свойств злоупотребления правом в таких правоотношениях.

Кроме того, общелогические методы способствовали обобщению правоприменительной практики, формулированию новых научных определений (например, дефиниция злоупотребления правом), классификации по определенным критериям видов злоупотреблений правом и т.д.

Следующий общенаучный метод – материалистической диалектики – позволил выяснить возможные причины злоупотребления правом и, как

следствие, предложить способы противодействия злоупотребительному поведению (рассматривается в диссертационном исследовании как синоним явленному вовне злоупотреблению правом) в том числе в информационных правоотношениях.

Посредством применения системно-структурного метода установлено, что содержание информационных правоотношений может быть представлено как триада прав на информацию, на защиту информации, на защиту от информации с корреспондирующими им обязанностями субъектов правоотношений. Кроме того, данный метод позволил исследовать взаимосвязь злоупотребления правом и других правовых явлений – правомерного и противоправного поведения, правонарушения.

Также использованы специальные юридические методы – сравнительно-правовой и формально-юридический.

Сравнительно-правовой метод позволил выявить специфику злоупотребления правом в информационных правоотношениях по сравнению со злоупотреблением в правоотношениях в иных отраслях права.

При этом в целях прослеживания изменений в подходах законодателя и правоприменителя к регулированию вопроса о злоупотреблении правом использовано не только синхронное, но и диахронное сравнение.

Формально-юридический метод исследования позволил подробно изучить отдельные положения действующего законодательства Российской Федерации, а также нормы международного права, посвященные реализации прав на информацию, на защиту информации и на защиту от информации, выявить проблемы применения норм о злоупотреблении правом, предложить способы противодействия злоупотребительному поведению.

Кроме того, использованы в рамках диссертационного исследования также специальные неюридические методы, среди которых возможно назвать социологический, позволивший собрать эмпирический материал (новости правового характера) о восприятии в обществе некоторых проявлений злоупотребительного поведения в информационных правоотношениях.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили труды российских ученых в сфере общей теории правоотношений (М.М. Агарков, Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, Н.А. Бутакова, О.С. Иоффе, В.Н. Кудрявцев, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров, Ю.К. Толстой, Р.О. Халфина), а также исследователей, посвятивших свои работы проблемам объектов (Е.В. Ермолаева), субъектов (С.Н. Братусь, Н.И. Матузов, В.Е. Чиркин, О.А. Ястребов), а также содержания правоотношений (О.В. Аксенова, Ю.В. Барзилова, И.Н. Васев, И.В. Коршунова, О.А. Красавчиков, Л.А. Лунц, С.Т. Максименко, И.Б. Новицкий, А.А. Рудаков, О.Ю. Селиванова, И.Е. Сенников, Т.А. Солодовниченко, Н.И. Тюрина, В.А. Федосенко, Е.М. Хохлова).

Значительную роль в исследовании также сыграли посвященные феномену злоупотребления правом работы таких ученых, как М.О. и О.Я. Баевы, О.Н. Бармина, Г.Т. Бекназар-Юзбашев, А.Ю. Белоножкин, Э.Р. Вагизова, А.В. Волков, В.Л. Вольфсон, В.П. Грибанов, Т.В. Дерюгина, Н.А. Дурново, В.И. Емельянов, С.Г. Зайцева, М.В. Ибрагимова, П.А. Избрехт, В.И. Крусс, Е.Н. Крымова, А.А. Малиновский, А.Е. Наумов, Е.А. Одегнал, Е.М. Офман, О.А. Поротикова, С.Д. Радченко, И.В. Сазанова, Я.А. Смирнова, И.В. Советников, Н.А. Фомина, Е.А. Цикунов, А.В. Юдин и т.д.

Кроме того, диссертационное исследование было бы немислимым без обращения к трудам таких ученых в сфере информационного и конституционного права, как А.С. Агеев, Р.В. Амелин, И.Л. Бачило, В.М. Боер, Е.А. Войниканис, М.В. Бундин, Ю.В. Волков, Д.В. Гавришов, З.Р. Гаджиева, О.А. Городов, А.К. Жарова, Е.В. Знамеровский, Е.А. Зверева, Н.Н. Ковалева, В.А. Копылов, М.В. Короткова, П.У. Кузнецов, Д.А. Ловцов, А.В. Минбалеев, А.В. Морозов, Д.В. Огородов, О.Г. Павельева, Т.В. Пашнина, М.А. Погорелова, Т.А. Полякова, И.М. Рассолов, В.Ю. Рогозин, А.А. Стрельцов, Л.К. Терещенко, А.А. Фатьянов, Л.В. Филатова, В.С. Хижняк, М.Е. Черемисинова, С.Н. Шевердяев, М.В. Якушев.

Нормативную основу диссертационного исследования составили регулирующие информационные отношения, а равно устанавливающие юридические последствия злоупотребления правом и способы противодействия

такому поведению общепризнанные принципы и нормы международного права, положения международных договоров, Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, а также актов федеральных органов исполнительной власти.

Эмпирическая основа диссертационного исследования представлена правоприменительными актами Европейского суда по правам человека (*далее – ЕСПЧ*) (до выхода Российской Федерации из Совета Европы¹), Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, а также судов общей юрисдикции и арбитражных судов всех инстанций.

В вышеназванных актах зафиксировано поведение субъектов информационных правоотношений, выражающееся в нарушении пределов и границ субъективного права.

В силу изменяющейся судебной практики акты судов общей юрисдикции и арбитражных судов взяты за период начиная с 2012 г. При этом практика ЕСПЧ, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации анализировалась без привязки к какому-либо временному интервалу (с учетом вышеназванного ограничения в отношении ЕСПЧ) ввиду того, что в их актах фиксировались наиболее существенные проявления злоупотреблений правом в информационных правоотношениях.

Также значительную часть эмпирической основы исследования составили материалы официальных информационных источников органов публичной власти и иные источники, позволившие выявить реакцию субъектов информационных правоотношений на те или иные действия органов власти.

Научная новизна диссертационного исследования определяется поставленными целями и задачами, теоретическим осмыслением проблемы

¹ То есть до 16 марта 2022 г., см.: Resolution CM/Res(2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe / Adopted by the Committee of Ministers on 16 March 2022 at the 1428th meeting of the Ministers' Deputies. URL: <https://rm.coe.int/0900001680a5da51> (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).

злоупотребления правом в информационных правоотношениях и полученными в результате проведенного исследования выводами.

Так, впервые на монографическом уровне проведено исследование злоупотребления правом в информационных правоотношениях на основе накопленных теорией права и отраслевыми юридическими науками знаний.

В частности, научная новизна нашла выражение в ряде новых научных результатов, к которым возможно отнести:

- авторское определение информационного правоотношения через выделение его объекта, субъекта и содержания, которые отличаются от объекта, субъекта и содержания правоотношений в иных отраслях права;
- авторское определение злоупотребления правом как общеправового явления, одной из главных характеристик которого названо нарушение пределов субъективного права, но в границах такого права;
- установление особенностей злоупотребления правом в информационных правоотношениях, вытекающих из специфики таких правоотношений, по сравнению со злоупотреблением правом в правоотношениях иных отраслей;
- классификация видов злоупотребления правом в информационных правоотношениях по критериям, которые вытекают из предложенных дефиниций информационного правоотношения и злоупотребления правом;
- квалификация способов противодействия злоупотреблению правом в информационных правоотношениях.

В результате проведенного диссертационного исследования на защиту выносятся следующие обладающие научной новизной **основные положения**:

1. Предложено под информационными понимать такие правоотношения, в которых единственным объектом является информация, субъектами выступают производитель, потребитель, распространитель информации, а содержанием – права на информацию, на защиту информации, на защиту от информации с корреспондирующими им обязанностями субъектов правоотношений.

Установлено, что специфичность объекта, особый состав субъектов и характерное содержание информационных правоотношений позволяют рассматривать данные правоотношения в качестве самостоятельного вида правоотношений, а злоупотребление правом в них – в качестве специфического вида злоупотребления правом.

2. Выделены признаки злоупотребления правом, применимые к злоупотреблению правом в информационных правоотношениях:

- наличие соответствующего субъективного права у субъекта правоотношения;
- деяние в форме действия или бездействия (если лицо уклоняется от исполнения обязанности, ссылаясь на имеющееся субъективное право);
- умышленный характер деяния (лицо знает о наличии субъективного права и сознательно использует его во вред другим субъектам);
- вредоносность деяния (независимо от того, причинен ли вред в результате злоупотребления правом или создана лишь угроза его причинения);
- нарушение пределов субъективного права – общих (добросовестность и разумность), специальных (соблюдение отраслевых норм-принципов и норм-целей), но в границах такого права, устанавливаемых запретительными нормами права (за границами права лицо совершает правонарушение);
- незаконный интерес, нацеленный на нарушение общеправовых принципов, в том числе принципа недопустимости использования субъективного права в ущерб другому лицу.

3. На основании специфики информационных правоотношений выделены отличия злоупотребления правом в информационных правоотношениях от злоупотреблений в иных видах правоотношений:

- объектом злоупотребления выступает информация, в связи с чем злоупотребление правом возникает при ее поиске, получении, передаче, производстве, распространении, ограничении доступа третьих лиц к ней без согласия управомоченного лица и ограничении ее получения от третьих лиц;

- злоупотребляющим субъектом является обладатель, потребитель или распространитель информации (одно и то же лицо может выступать в качестве обладателя, потребителя и распространителя информации, в связи с чем возможно злоупотребление правами в различных статусах);

- содержательно злоупотребление правом выражается в использовании права на информацию, на защиту информации и на защиту от информации таким образом, что субъект, используя свое информационное право, нарушает аналогичное или иное информационное право другого лица;

4. В связи с тем, что в каждой отрасли права может быть выделен собственный специальный предел субъективного права, установлено, что в информационных правоотношениях злоупотребляющий, как правило, нарушает специальный предел субъективных прав, установленный Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – *Федеральный закон № 149-ФЗ*), который в общем виде может быть сформулирован как соблюдение всеми лицами установленных правовых режимов информации – общего (режим открытой, доступной информации) и специального (режим, при котором правообладатель устанавливает ограничения при обращении с информацией).

5. Предложено пять критериев классификации злоупотреблений правом в информационных правоотношениях и виды злоупотреблений, выделяемые на основании таких критериев:

- информационное право, используемое во вред другому лицу; виды злоупотреблений – злоупотребления правом на информацию, на защиту информации и на защиту от информации;

- правовой режим информации, нарушаемый при злоупотреблении; виды злоупотреблений – злоупотребления правом, посягающие на установленный общий либо на специальный правовой режим информации;

- предел субъективного права, нарушаемый при злоупотреблении правом; виды злоупотреблений – злоупотребления, нарушившие общий предел

субъективного права без нарушения специального предела, и злоупотребления, нарушившие специальный предел субъективного права;

- причиняемый злоупотреблением вред; виды злоупотреблений – злоупотребления правом, которые могут причинить моральный, психический, имущественный вред физическому лицу, репутационный, имущественный вред – юридическому лицу, нравственный вред – обществу, политический, экономический вред – государству;

- субъектный состав участников правоотношений; виды злоупотреблений – злоупотребления правом, совершаемые обладателем информации, ее потребителем и распространителем.

6. К общеправовым способам противодействия злоупотреблению правом (наряду с правовым воспитанием и обеспечением значительного уровня профессионализма правоприменительных органов) отнесена правотворческая деятельность органов публичной власти.

Выделено три направления такой деятельности:

1) закрепление правовых последствий злоупотребления правом, которые могут применяться как по отдельности, так и совокупно:

- отказ в признании за злоупотребляющим субъективного права (к примеру, возможность органа власти отказать в рассмотрении по существу обращения гражданина, содержащего нецензурную брань);

- применение мер административного реагирования (например, направление органом власти владельцу новостного агрегатора предписания о незамедлительном прекращении распространения недостоверной общественно значимой информации);

- применение мер судебного воздействия (к примеру, ограничение на основании решения суда доступа к информационным ресурсам, на которых размещена информация, обрабатываемая с нарушением законодательства Российской Федерации в области персональных данных);

2) установление границ субъективного права посредством закрепления публично-правовых запретов на совершение определенных действий под угрозой привлечения к юридической ответственности в целях общей и частной превенции наиболее общественно вредных проявлений злоупотребления правом (к примеру, установление ответственности за распространение так называемых фейк-ньюс и за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации);

3) введение норм, которые позволяют презюмировать «непозволительно» уменьшившуюся заинтересованность злоупотребляющего субъекта в реализации субъективного права при наступлении определенных событий, истечении установленных сроков реализации субъективного права (например, презумпция «непозволительно» малого интереса акционера на требование предоставить документы акционерного общества десятилетней давности, дающая возможность обществам отклонять такие требования).

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена развитием теоретической базы информационного права об объекте, субъектах и содержании информационных правоотношений.

Проведенное исследование позволяет расширить научные знания о злоупотреблении правом как общеправовом явлении применительно к информационным правоотношениям, чему способствуют как авторский подход к определению злоупотребления правом и выявлению характерных черт злоупотребления правом в информационных правоотношениях, так и классификация видов злоупотреблений в информационных правоотношениях по различным критериям.

Кроме того, теоретическая значимость исследования заключается в квалификации способов противодействия злоупотреблению правом в информационных правоотношениях.

Выводы, сформулированные в диссертационном исследовании, могут лечь в основу дальнейших исследований злоупотребления правом в информационной сфере, а также могут быть применимы в таких отраслях публичного права, как конституционное и административное право.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в применимости полученных результатов в правотворческой деятельности органов власти при совершенствовании информационного, конституционного и административного законодательства, а также в правоприменительной деятельности органов власти при применении нормативных правовых актов в целях противодействия злоупотреблению правом в информационных правоотношениях.

Кроме того, диссертационное исследование может быть использовано при подготовке общих и специальных курсов в юридических учебных заведениях, при разработке учебных программ, пособий и методических изданий по таким учебным дисциплинам, как «Информационное право», «Административное право», «Конституционное право».

Апробация результатов диссертационного исследования. Работа обсуждена и одобрена на заседании отдела административного законодательства и процесса ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации».

Теоретические положения диссертации, полученные в результате исследования, основные выводы и предложения представлены в шести публикациях автора в ряде научных журналов, в том числе указанных в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (пять публикаций).

Кроме того, материалы диссертационного исследования докладывались автором на научных конференциях и круглых столах, в частности на XV Международной школе-практикуме молодых ученых-юристов (г. Москва, 27 мая – 5 июня 2020 г.), научно-практическом семинаре «Эволюция административной ответственности в России» (г. Москва, 29 октября 2020 г.), X Международной научно-практической конференции «Право в цифровую эпоху» (г. Москва, 15 октября 2021 г.), VII Международной научно-практической конференции «Бачиловские чтения» (г. Москва, 6–7 февраля 2024 г.), а также

Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса» («Лазаревские чтения – 2024») (г. Москва, 15 февраля 2024 г.).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, содержащих семь параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ КАК СФЕРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

1.1. Специфика объекта информационных правоотношений

В юридической литературе имеются зачастую полярные позиции о существе и месте объекта правоотношений в структуре правоотношений.

Так, Р.О. Халфина отмечала, что структурным элементом правоотношений не могут быть предметы материального мира, а отказ от восприятия объекта в качестве обязательного элемента правоотношения полезен для теории права. По ее мнению, правоотношения являются актами поведения, не связанными с каким-либо конкретным, существующим вне правоотношения объектом¹.

Отдавая должное работам Р.О. Халфиной, не согласимся с исходной посылкой ее рассуждений: к примеру, объектом договора и, соответственно, правоотношения по уборке помещения является услуга по ее проведению (вопреки замечанию Р.О. Халфиной²). Следовательно, проблемы «безобъектных» правоотношений не существует: в любом правоотношении имеется объект, то есть то, на что направлено правоотношение³.

В этой связи полагаем методологически верным отнесение объекта к структурным элементам правоотношения. Однако в научной среде единодушие в том, что относить к объекту правоотношения, не достигнуто.

Традиционно выделяются две концепции объекта правоотношения – монистическая и плюралистическая.

¹ См.: Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 212–214.

² См.: Там же. С. 212.

³ См. о проблеме: Ермолаева, Е.В. Объект правоотношения: историко-теоретическое исследование : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Казань, 2004. С. 19–22; Каташук, Д.В. Объект правоотношения и его понимание на современном этапе // Актуальные проблемы гражданского права. 2014. № 1. С. 205–211.

Большинство представителей первой концепции понимают под объектом человеческое поведение, поскольку только оно способно реагировать на воздействие правоотношения (лишь часть причисляла к объектам вещи)¹.

При этом Ю.К. Толстой выделяет общий («фактическое общественное отношение, на которое правоотношение воздействует») и специальный (благо, на получение которого нацелено лицо при установлении правоотношений) объекты².

Представляется справедливой критика монистической концепции: ее представители в желании свести к единому объекту все правоотношения создали двухуровневую систему с единым объектом и разнообразными специальными, непосредственными объектами³, чем усложнили без существенной надобности понятие объекта правоотношений.

Плюралистическая концепция зиждется на множественности объектов правоотношения: объектом могут быть материальные (например, вещи) и нематериальные блага (жизнь, здоровье, честь и достоинство и т.п.), продукты духовной деятельности (объекты исключительных прав), результаты действия субъектов отношений и т.д.⁴

Так, классическим стало разделение правоотношений на вещные и обязательственные (в первых объект — вещь, во вторых — действие или воздержание от действия)⁵.

Придерживаясь плюралистической концепции в той части, в какой объект правоотношения не может быть сведен к поведению субъекта, отмечаем, что за

¹ См. об этом: *Иоффе, О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 81–84; *Магазинер, Я.М.* Объект права // Очерки по гражданскому праву : сборник статей. Л., 1957. С. 65–78.

² См.: *Толстой, Ю.К.* К теории правоотношения. Л., 1959. С. 53–66.

³ О критике монистической концепции см.: *Ермолаева, Е.В.* Указ. соч. С. 15–16.

⁴ См.: *Агарков, М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 23–25; *Брауде, И.Л.* К вопросу об объекте правоотношения по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1951. № 3. С. 56–58; *Красавчиков, О.А.* Теория юридических фактов в советском гражданском праве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1950. С. 4; *Новицкий, И.Б.* Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 43–45; *Яичков, К.К.* К учению о гражданском правоотношении // Вестник Московского университета. 1956. № 1. С. 130, 140.

⁵ См.: *Новицкий, И.Б.* Указ. соч. С. 44.

основу в настоящем исследовании положено определение объекта, данное С.С. Алексеевым: «то реальное благо, на использование или охрану которого направлены субъективные права и юридические обязанности»¹.

Рассмотрим специфику объекта информационных правоотношений.

Как отметил С.С. Алексеев, «в тех отраслях права, где в правоотношениях результат действий обязанного лица неотделим от самой действительности и где объект не получает специальной нормативной регламентации, вряд ли необходимо искусственно “вымучивать” особую проблему объекта»².

Безусловно, информационному праву с объектом повезло больше, чем «банно-прачечному»³: специфичность объекта информационных правоотношений не нуждается в том, чтобы ее «вымучивали».

Среди большинства исследователей в области информационного права сложилось единое мнение, что объектом информационных правоотношений является, по крайней мере, информация⁴.

При этом выделяются и иные объекты, как то: «информационные ресурсы»⁵, «документированная информация и информационные системы»⁶, «государственные и муниципальные (публичные) базы данных»⁷, «информационная деятельность, возникающая по поводу поиска, производства,

¹ Алексеев, С.С. Теория государства и права : учебник для вузов. М., 2005. С. 314–315.

² Алексеев, С.С. Проблемы теории права : курс лекций в двух томах. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 340.

³ См. об этом: Суханов, Е.А. Стенограмма вводной лекции для слушателей Российской школы частного права. URL: <https://pandia.ru/text/77/433/26006.php> (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).

⁴ См., напр.: Венгеров, А.Б. Информационные отношения в управлении народным хозяйством как объект правового регулирования // Ученые записки ВНИИСЗ. 1973. Вып. 29. С. 46; Амелин, Р.В. Правовые отношения в сфере создания и использования государственных информационных систем // Административное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 44.

⁵ Актуальные проблемы информационного права : учебник / под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. М., 2016. С. 60; Бачило, И.Л. Информационное право : учебник. М., 2011. С. 27–29.

⁶ Информационное право : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / авт.-сост. В.Ю. Рогозин, С.Б. Вепрев, А.В. Остроушко. М., 2017. С. 38–39.

⁷ Бояринцева, О.А. Государственные и муниципальные (публичные) базы данных как объекты информационных правоотношений : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.13. М., 2019.

хранения, передачи, распространения и использования информации»¹, «нематериальные блага (к примеру, честь, достоинство и деловая репутация)»², «информационные продукты и услуги, исключительные права, элементы информационной безопасности, информационные технологии, средства их обеспечения»³, «средства обеспечения автоматизированных информационных систем, компьютерные программы»⁴, «библиотечно-информационный ресурс и библиотечный фонд»⁵, «электронный документ»⁶.

Вместе с тем мы не можем согласиться с таким разнообразием объектов в информационных правоотношениях и отмечаем, что таким объектом является лишь информация независимо от формы ее представления⁷.

Так, информационный ресурс является, по сути, массивом зафиксированной на материальном носителе информации (такое понимание закладывалось в Федеральном законе от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – *Федеральный закон № 24-ФЗ*))⁸.

Аналогичное замечание относится к информационной системе как совокупности содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее

¹ Кузнецов, П.У. Информация как объект правоотношений в сфере обеспечения информационной безопасности // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 3. С. 51–52; Ловцов, Д.А. Информационное право : учебное пособие. М., 2011. С. 16; Информационное право : учебник / отв. ред. И.М. Рассолов. М., 2015. С. 119.

² Ковалева, Н.Н. Информационное право России : учебник. М., 2007. С. 45.

³ Копылов, В.А. Информационное право. М., 2002. С. 127.

⁴ Морозов, А.В. Информационное право и информационная безопасность. Часть первая : учебник для магистров и аспирантов / А.В. Морозов, Л.В. Филатова, Т.А. Полякова. М., 2016. URL: <https://www.iprbookshop.ru/72395.html> (дата обращения: 11 февраля 2024 г.). С. 48–50.

⁵ Пашина, Т.В. Объекты информационных правоотношений в сфере библиотечного дела // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 151; *Ее же*. Правовое обеспечение доступа к информации в библиотечной сфере : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.13. М., 2020.

⁶ Бородин, М.В. Признаки электронного документа как объекта информационных правоотношений // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2014. № 3. С. 66–70.

⁷ См. об этом также: Минбалева, А.В. Теоретические основания правового регулирования массовых коммуникаций в условиях развития информационного общества : автореф. ... дисс. докт. юрид. наук : 12.00.14. Челябинск, 2012. С. 18–19.

⁸ См.: Об информации, информатизации и защите информации : Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 8, ст. 609; 2003. № 2, ст. 167. (далее – *Федеральный закон № 24-ФЗ*). Ст. 2. Абз. 7; Бачило, И.Л. Указ. соч. С. 27–29.

обработку информационных технологий и технических средств, а также самим информационным технологиям как процессам, методам поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способам осуществления таких процессов и методов¹.

Поведение же субъектов правоотношений является не чем иным, как материальным содержанием правоотношения, то есть «реализуемым в соответствии с правами и обязанностями фактическим поведением»².

В науке нет единого подхода к тому, что такое информация, в том числе как объект правоотношений. Мы не стремимся найти общенаучное определение информации, поскольку не считаем это невозможным. Имеющиеся же знания об информации в точных науках и философии малоприменимы в праве³.

Определение информации в Федеральном законе № 149-ФЗ через синонимы («сведения», «сообщения», «данные») неидеально и свидетельствует о логической ошибке (дефиниция определяется через дефидент, а дефидент через дефиницию⁴).

Впрочем, П.У. Кузнецов полагает, что сведения «отражают содержательный компонент информации»⁵, сообщение «показывает коммуникативный компонент информационной сферы человеческой деятельности»⁶ (с этим согласны

¹ См.: Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. I, ст. 3448; 2023. № 51, ст. 9161 (далее – *Федеральный закон № 149-ФЗ*). Ст. 2. П. 2, 3.

² См.: *Алексеев, С.С.* Общая теория права : в двух томах. М., 1982. Т. 2. С. 114; *Его же.* Проблемы теории права. С. 265; *Халфина, Р.О.* Указ. соч. С. 213–214.

³ См.: *Травников, Н.О.* Информация как правовая категория // Государство и право. 2016. № 3. С. 78–79.

⁴ См.: *Александрова, З.Е.* Словарь синонимов русского языка. М., 2001. С. 164, 444, 472; *Кириллов, В.И.* Логика : учебник. М.: Проспект, 2015. С. 50–51; о критике законодательного определения см. также: *Фатьянов, А.А.* Основные правовые системы ограничения в доступе к информации в Российской Федерации : учеб. М., 2022. С. 12–13.

⁵ *Кузнецов, П.У.* Основы информационного права : учебник для бакалавров : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция». М., 2015. С. 40.

⁶ Там же. С. 40.

Т.А. Полякова и А.А. Стрельцов¹), а данные – «сведения, созданные и обработанные с помощью ЭВМ»².

Однако отмечаем, что такое разграничение из содержащегося в законодательстве определения не следует. Понятие же «данные» в литературе в принципе воспринимается неоднозначно³.

Если грамматически толковать вышеупомянутую дефиницию, то очевидно, что слова «сообщения», «данные» раскрывают значение слова «сведения», а значит, независимость от формы представления должна относиться и к словам «сообщения», «данные». Но форма представления данных определена и не допускает вариативности.

Также резонен вопрос, почему государственная тайна определяется как сведения, а коммерческая тайна и персональные данные как информация⁴.

Мы не отрицаем, что сведения, сообщения и данные могут быть законодательно определены так, чтобы исключить порочность определения информации. При этом не видим препятствий пойти по пути Великобритании или Швеции и вовсе отказаться от законодательного определения информации⁵.

В любом случае для характеристики объекта правоотношений следует освещать его юридически значимые свойства, а не конструировать определения.

В юридической науке нет единого мнения относительно того, что относить к качественным характеристикам информации: приводятся более тридцати свойств, среди которых – информационная вещь, экземплятность, трансформируемость, универсальность, релевантность, неподверженность

¹ См.: Полякова, Г.В. Информация как общенаучная категория // Власть. 2013. № 9. С. 98–99; Стрельцов, А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности России: теоретические и методологические основы. Минск, 2005. С. 30, 32.

² Кузнецов, П.У. Основы информационного права. С. 40.

³ Ср. с определением: Парошин, А.А. Информационная безопасность: стандартизованные термины и понятия. Владивосток, 2010. С. 38.

⁴ См.: Травников, Н.О. Указ. соч. С. 78–79.

⁵ См.: Минбалева, А.В. Система информации: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Челябинск, 2006. С. 8–9; Шокиров, Г.А. Информация как основной объект информационных правоотношений: теоретический и практический аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 213–214.

материальному старению, ценность, полезность, актуальность, достоверность, казуистичность, иерархичность, уязвимость, неэквивалентность качественной и количественной оценки, нелинейность¹.

Полагаем, что для характеристики информации как объекта правоотношений выделение такого количества свойств излишне. Следуя максиме «лучше меньше, да лучше», считаем необходимым выделить и охарактеризовать свойства, присущие информации как правовому явлению.

Мы разделяем подход Л.К. Терещенко, полагающей, что свойствами информации являются ее нематериальная сущность, неисчерпаемость и непотребляемость в процессе использования, физическая невозможность отчуждения от обладателя, возможность неограниченного тиражирования, копирования, воспроизведения².

Кроме того, присоединяемся к позиции о том, что содержательность информации – это также важное для правового регулирования свойство³.

Таким образом, выделим шесть свойств информации. Первое и главное – нематериальная сущность информации, то есть независимость ее содержания от материального носителя, на котором она зафиксирована, ввиду чего одни и те же сведения могут быть переданы в различной форме (письменной, устной и т.д.).

¹ См.: *Бачило, И.Л.* Указ. соч. С. 81; *Боер, В.М.* Информационное право : учебное пособие : часть первая. СПб., 2006. С. 7; *Волков, Ю.В.* Информация – термин юридический. М., 2016. С. 63–82; *Гражданское право: учебник в трех частях : часть первая / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева.* СПб., 1996. С. 191; *Городов, О.А.* Информационное право : учебник. М., 2019. С. 12–13; *Зверева, Е.А.* Правовой режим информации в отношениях с участием субъектов предпринимательской деятельности. М., 2008. С. 90; *Копылов, В.А.* Указ. соч. С. 39–40; *Кузьмин, В.П.* Понятие и юридическая сущность информации и пути формирования информационного общества в России // Информационное право. 2009. № 2. С. 6–7; *Ловцов, Д.А.* Указ. соч. С. 49; *Мирских, И.Ю.* К вопросу о правовом регулировании информации в условиях информационной экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 434, 443; *Озерова, А.С.* О необходимости изменения подхода к понятию «информация» в законодательстве и судебной практике // Правоведение. 2019. Т. 63, № 1. С. 140.

² См.: *Терещенко, Л.К.* К вопросу о правовом режиме информации // Информационное право. 2008. № 1. С. 20–21.

³ См., напр.: *Ситдикова, Л.Б.* Правовое регулирование отношений в сфере оказания информационных и консультационных услуг в Российской Федерации : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2009. С. 19.

Конечно, часть исследователей редуцируют информацию до материального носителя, отмечая, что передача информации устно не отличается от передачи ее в письменном форме, поскольку воздух (его колебания) – такой же материальный носитель, как и бумага, при этом идеальная информация существует в неразрывном единстве с нейрофизиологическими процессами¹.

Полагаем, что данная позиция ценна для общеправового или естественнонаучного восприятия информации, однако для юридической науки сведение информации к материальному носителю нецелесообразно. Что дает юриспруденции восприятие информации как колебаний воздуха? Какой должен быть материальный носитель, чтобы информация на нем считалась объектом правоотношений? Часть авторов понимают под объектом правоотношений лишь документированную информацию². В этой связи неясно, являются ли информацией сведения, составляющие государственную тайну и зафиксированные в физических полях³.

Из нематериальности информации вытекают иные свойства – неисчерпаемость, непотребляемость в процессе использования, физическая невозможность отчуждения информации от ее обладателя и возможность ее неограниченного тиражирования, копирования, воспроизведения.

Их суть заключается в том, что при передаче информации от одного обладателя к другому информация остается у первоначального обладателя, а при использовании, записи на иной материальный носитель информации ее свойства не меняются, а количество не уменьшается. То есть информация может быть неограниченное число раз распространена на различных носителях среди

¹ См., напр.: *Травников, Н.О.* Указ. соч. С. 84–85.

² См.: Информационное право : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / авт.-сост. В.Ю. Рогозин, С.Б. Вепрев, А.В. Остроушко. С. 39; Информационное право : учебник / отв. ред. И.М. Рассолов. С. 115; *Копылов, В.А.* Указ. соч. С. 105–106; *Ситдикова, Л.Б.* Информация как правовая и как гражданско-правовая категория: статус информации в гражданском праве // Гражданское право. 2007. № 2. С. 45.

³ См.: О государственной тайне : Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 // Российская газета. 1993. 21 сентября; Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 32, ч. I, ст. 6164 (далее – *Закон о гостайне*). Ст. 2. Абз. 2, 3.

потребителей без вреда для ее содержания, при этом она не подвержена физическому износу («лишь моральному старению»)¹.

В отношении содержательности информации мы присоединяемся к позиции о том, что «сведения, которые не могут быть восприняты субъектом в связи с тем, что отсутствует логика их изложения, утрачивают свою социальную ценность и способность удовлетворять потребности субъектов»².

При характеристике содержательной стороны информации следует учитывать ее полноту («адекватное по объему отражение материального мира в процессе передачи сведений»³), достоверность (соответствие сведений материальному миру), своевременность (релевантность) и вредность (способность нанести ущерб личности, обществу, государству).

Несомненно, ценность информации субъективна⁴: ее обладатель на основании содержательных характеристик (полноты, достоверности, вредности и своевременности) делает оценку, насколько конкретные сведения ценны для него.

В зависимости от ценности информации ее обладатель устанавливает специальный правовой режим, то есть режим доступа, допуска к ней, особенности ее сбора, хранения, передачи, распространения, уничтожения (в противоположность общему правовому режиму, характеризующемуся открытостью сведений для неограниченного круга лиц)⁵.

¹ Гражданское право: учебник в трех частях : часть первая / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. СПб., 1996. С. 191.

² Шаповалова, Е.В. Гражданско-правовые формы оборота информации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2008. С. 13.

³ См.: Там же. С. 13.

⁴ См. об этом: Башаратьян, М.К. Информация как объект права и содержание права на информацию // Современное право. 2006. № 12. С. 37–38; Войниканис, Е.А. Информация. Собственность. Интернет: Традиция и новеллы в современном праве. М., 2004. С. 56–57; Дозорцев, В.А. Информация как объект исключительного права // Дело и право. 1996. № 4. С. 27–35, 38; Трофименко, А.В. Информационные объекты в относительных гражданских правоотношениях // Наука и общество. 2014. № 1. С. 64–65.

⁵ См.: Терещенко, Л.К. Правовой режим информации : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. М., 2011. С. 20, 217, 281; Бундин, М.В. Система информации ограниченного доступа и конфиденциальность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 123.

Исходя из изложенного, разграничим информацию как объект информационных правоотношений и иные объекты, в которых значительная часть имеет информационную составляющую, но которые при этом объектом информационных правоотношений, по нашему мнению, не являются.

В первую очередь обратимся к проблеме соотношения информации и объектов интеллектуальной собственности.

Часть исследователей полагают, что и информация, и объекты интеллектуальной собственности являются результатом творческой активности человека, ввиду чего следует включить информацию в перечень объектов интеллектуальной собственности¹.

Однако полагаем справедливыми замечания, что информация значительно шире объектов интеллектуальной деятельности². Например, вряд ли информацию о неблагоприятных метеорологических условиях можно признать результатом интеллектуальной деятельности человека.

Более распространена позиция ученых, соотносящих информацию и объекты интеллектуальной собственности как общее и частное³.

Оба явления имеют нематериальную природу (хотя результаты интеллектуальной деятельности фиксируются на материальных носителях⁴), могут быть одновременно использованы неограниченным кругом лиц в связи с возможностью копирования, тиражирования в неизменном виде (хотя часть

¹ См.: *Кирдяшова, Е.В.* Информация как объект интеллектуальной собственности // Законодательство и практика средств массовой информации. 1997. № 11. С. 4; *Мальшева, Е.Ю.* Элементы гражданско-правовых отношений в области интеллектуальной собственности : автореф. дис... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 1997. С. 11.

² См. также критику позиции: *Зверева, Е.А.* Указ. соч. С. 112–114; *Инюшкин, А.А.* Информация в системе объектов гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных // Информационное право. 2016. № 4. С. 4–7; *Мирских, И.Ю.* Указ. соч. С. 443; *Огородов, Д.В.* Правовые отношения в информационной сфере : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. М., 2002. С. 105–114; Информационное право : учебник / отв. ред. И.М. Рассолов. С. 117.

³ См., напр.: *Зверева, Е.А.* Указ. соч. С. 110–111.

⁴ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52, ч. I, ст. 5496; 2024. № 6, ст. 767 (далее – *ГК РФ. Ч. IV*). Ст. 1259. П. 3.

произведений искусства неповторимы, в чем и заключается их ценность¹), устаревают лишь морально, не подвержены износу (хотя такое сходство условно: достаточно вспомнить удручающее состояние «Джоконды»). Но все разнообразие объектов информационной природы не уместается в прокрустово ложе объектов интеллектуальной собственности, в связи с чем, как отмечается, информация – явление более широкое, чем результаты интеллектуальной деятельности.

Позиция третьей части ученых заключается в том, что информация и объекты интеллектуальной собственности суть разные явления.

Так, авторское право нацелено на защиту формы, а не содержания (охраняется не идея, заложенная в произведении, а само произведение, возникшее в объективной форме в результате творческой деятельности²), при этом информация ценна именно с точки зрения содержания³; в отличие от результатов интеллектуальной деятельности информацию можно соотнести с содержательными категориями полноты, достоверности, своевременности⁴.

В частности, судебная практика подтверждает, что информация о времени выхода в эфир теле- и радиопередач не является результатом интеллектуальной деятельности: отсутствует требуемый творческий характер, а гражданское законодательство не относит сообщения о событиях и фактах, имеющих исключительно информационный характер, к объектам авторского права⁵.

Мы разделяем позицию Д.В. Огородова, который отмечает: «Разумеется, можно признать объекты интеллектуальной собственности всего лишь информацией, однако в таком случае придется логически продолжить эту линию рассуждения и признать информацией едва ли не большую часть объектов

¹ См.: Огородов, Д.В. Указ. соч. С. 109–110.

² См.: Зверева, Е.А. Указ. соч. С. 112.

³ См.: Дозорцев, В.А. Указ. соч. С. 29.

⁴ См.: Огородов, Д.В. Указ. соч. С. 113–114.

⁵ См.: ГК РФ. Ч. IV. Ст. 1259. П. 6. Пп. 4; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 3900/98 от 24 ноября 1998 г. URL: http://sudbiblioteka.ru/as/text1/vasud_big_2966.htm (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).

правоотношений, причем не только гражданских, но и публичных правоотношений (включая процессуальные)»¹.

В этой связи полагаем, что результаты интеллектуальной деятельности не являются информацией в силу их особой природы (несовпадение по основным свойствам информации, как то: нематериальная природа информации и необходимость выражения результата интеллектуальной деятельности в объективной форме на материальном носителе; возможность копирования, тиражирования информации в неизменном виде и ограничение такой возможности для значительной части произведений искусства; возможность оценки информации с точки зрения ее содержательных характеристик и проблемность такой оценки для объекта интеллектуальной собственности) и, соответственно, к объектам информационных правоотношений не относятся.

В отношении имущественных прав (безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права) отмечаем, что они относятся к правам требования², а соотнесение их с информацией возможно в той мере, в какой они воплощены в виде записей в реестре, иных сведений³. Имущественные права не обладают всеми свойствами информации (так, они исчерпаемы и потребляемы в процессе использования, их невозможно оценить с точки зрения содержательных характеристик информации), в связи с чем они не являются объектами информационных правоотношений.

Созвучны с цифровыми правами упомянутые в Конституции Российской Федерации цифровые данные⁴. Исходя из системного толкования конституционных норм, цифровые данные приведены в их классическом

¹ Огородов, Д.В. Указ. соч. С. 107–108.

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301; 2023. № 31, ч. III, ст. 5777 (далее – ГК РФ. Ч. I). Ст.ст. 128, 141.1.

³ См. об этом: Мирских, И.Ю. Указ. соч. С. 41–42; Огородов, Д.В. Указ. соч. С. 114–119.

⁴ Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 6 октября 2022 г. (далее – Конституция России.). Ст. 71. П. «М».

понимании как дискретное, прерывистое представление информации. То есть цифровые данные соотносятся с информацией как частное и общее, в связи с чем они являются объектом информационных правоотношений.

Не является объектом информационных правоотношений большая часть перечисленных в статье 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (*далее – ГК РФ*) нематериальных благ. Действительно, доброе имя, честь, достоинство и деловая репутация имеют информационный характер (в них заложены сведения о том, как человек воспринимается в глазах окружающих)¹. Однако до тех пор, пока честь невозможно растиражировать, распространить, осуществить отчуждение от материального носителя и т.д., мы не можем отнести данные блага к информации (сами же распространенные сведения информацией, безусловно, являются).

При этом личная и семейная тайна как сведения о частной жизни человека являются информацией, в связи с чем выступают объектом информационных правоотношений.

Подводя итог, отмечаем ключевые моменты относительно информации как объекта информационных правоотношений.

Во-первых, единственным объектом информационных правоотношений является информация независимо от формы ее представления.

Во-вторых, свойствами информации являются ее нематериальная сущность, неисчерпаемость, непотребляемость в процессе использования, физическая невозможность отчуждения от ее обладателя, возможность неограниченного тиражирования, копирования, воспроизведения, а также ее содержательность, преломляемая в характеристиках информации (полнота, достоверность, своевременность и вредность).

В-третьих, в зависимости от ценности информации, определяемой на основании ее содержательных характеристик, обладатель информации вправе

¹ См.: *Комаров, С.А.* Общая теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям и направлениям. СПб., 2006. С. 330; *Морозов, А.В.* Информационное право и информационная безопасность. С. 50; *Ситдикова, Л.Б.* Информация как правовая и как гражданско-правовая категория: статус информации в гражданском праве. С. 44.

установить специальный правовой режим, в рамках которого ограничиваются доступ и допуск к информации, предусматриваются особенности ее сбора, хранения, передачи, распространения, уничтожения.

В-четвертых, результаты интеллектуальной деятельности, имущественные права (безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права), большая часть нематериальных благ, за исключением личной и семейной тайны, не являются информацией, в то время как цифровые данные – являются.

1.2. Субъектный состав информационных правоотношений

Большинство исследователей признают субъектов в качестве элемента правоотношений, называют в их числе физических лиц, их объединения, юридических лиц, органы власти, а к основной характеристике субъектов относят правосубъектность¹.

В настоящем исследовании мы также исходим из того, что субъект является одним из трех элементов информационных правоотношений.

Исследователи в сфере информационного права нередко обходятся перечислением субъектов правоотношений в их понимании теорией права.

Так, Д.А. Ловцов отмечает, что информационные правоотношения не отличаются от иных по субъектам, к которым относятся правосубъектные участники – носители субъективных юридических прав (управомоченные) и обязанностей (правообязанные)², а далее называет среди субъектов индивидов, организации и социальные общности.

Не возражая принципиально против такого подхода, отмечаем лишь, что субъект выступает в правоотношении функционально обособленным от других. К примеру, в гражданских правоотношениях купли-продажи субъект является продавцом или покупателем с определенным набором прав и обязанностей.

¹ См., напр.: *Боер, В.М.* Указ. соч. С. 46; *Черемисинова, М.Е.* Правовой статус субъектов в сети Интернет : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2020. С. 28; *Чубукова, С.Г.* Теоретические проблемы системы субъектов информационного права // *Право и государство: теория и практика.* 2018. № 12. С. 101.

² См.: *Ловцов, Д.А.* Указ. соч. С. 14–15.

В этой связи целесообразно разделять субъектов правоотношений по тому, какую роль в общественном отношении они играют¹.

В.А. Копылов разделил всех субъектов на производителей, обладателей (держателей) и потребителей «информации, информационных ресурсов, информационных продуктов, информационных услуг, информационных систем, технологий и средств их обеспечения»².

Мы не можем согласиться с таким разнообразием субъектов: единственным объектом информационных правоотношений является информация. Более того, возникает вопрос о соотношении производителя информации и ее обладателя: нередко именно производитель сведений и становится их законным обладателем. В этой связи обратимся к О.Э. Лейсту, отмечавшему, что «классификация – способ обнаружения существенных качеств подразделений системы, от которых зависят другие производные от них признаки каждого из элементов подразделения»³. Приведенное же разделение не дает представления о разнице между производителем, обладателем (держателем) и потребителем информации.

Г.А. Атаманов выделяет производителя, обладателя, владельца и потребителя информации. Под обладателем он понимает субъекта, располагающего информацией и имеющего возможность распоряжаться ею по своему усмотрению, а под владельцем – имеющего возможность распоряжаться информацией, предоставленной ему обладателем⁴. Полагаем такое разделение путающим: оба субъекта могут распоряжаться информацией, что стирает грань между ними.

Ю.В. Волков отнес к субъектам «передатчика (оператора, отправителя), производителя (создателя), распространителя (вещателя), искателя (сборщика,

¹ См. об этом: *Волков, Ю.В.* Базовые субъекты информационного права // Законодательство. 2019. № 9. С. 50–51.

² См.: *Копылов, В.А.* Указ. соч. С. 107.

³ *Лейст, О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 61.

⁴ См.: *Атаманов, Г.А.* Об информации, субъектах информационных отношений и информационном праве // Защита информации. Инсайд. 2011. № 2. С. 20–21, 24.

пользователя), получателя (потребителя), хранителя информации»¹. Хотя данная классификация и основана на Конституции Российской Федерации, она также вносит путаницу в понимание субъектного состава. Так, неясно, в чем различие между передатчиком и распространителем информации, поскольку и тот, и другой выполняют функцию по передаче сведений от одного субъекта к другому; также неясна разница между пользователем и потребителем информации.

В этой связи, придерживаясь принципа бережливости, полагаем верным выделение трех видов субъектов информационных правоотношений².

Во-первых, к субъектам относится «лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам»³, – обладатель информации.

Исходя из свойств информации, ее обладателем может быть больше одного субъекта: так, обладателем противоправной информации является не только лицо, которое создало информацию, но и органы публичной власти, ограничивающие к ней доступ на основании законодательства Российской Федерации.

Во-вторых, субъектом информационных правоотношений является потребитель информации. Действующее законодательство не содержит понятия «потребитель информации» (есть лишь «пользователь информацией», под которым понимается лицо, осуществляющее поиск информации о деятельности судов либо государственных органов и органов местного самоуправления⁴).

¹ Волков, Ю.В. Базовые субъекты информационного права. С. 52.

² См. также: Алферов, А.Н. Человек как явный субъект права в информационных правоотношениях // Сибирский юридический вестник. 2010. № 3. С. 3; Боер, В.М. Указ. соч. С. 45; Морозов, А.В. Информационное право и информационная безопасность. С. 55; Чубукова, С.Г. Указ. соч. С. 104–105.

³ См.: Федеральный закон № 149-ФЗ. Ст. 2. П. 5.

⁴ См.: Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52, ч. I, ст. 6217; 2022. № 29, ч. III, ст. 5304. Ст. 1. П. 3; Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 7, ст. 776; 2022. № 29, ч. III, ст. 5237. Ст. 1. П. 3.

Полагаем, сведение информационных правоотношений к поиску данных о деятельности органов власти неоправданно сужает такие правоотношения.

Федеральный закон № 24-ФЗ содержал определение понятия «потребитель информации»: «субъект, обращающийся к информационной системе или посреднику за получением необходимой ему информации и пользующийся ею»¹.

Данная дефиниция требует уточнения. Потребителем информации лицо может быть не только в активном, но и в пассивном смысле: субъект поневоле, даже не стремясь к получению сведений, получает их в том числе вследствие навязывания со стороны обладателя такой информации либо третьих лиц.

То есть под потребителем информации понимается субъект, осуществляющий поиск необходимой для его личных целей информации либо получивший информацию от ее обладателя или распространителя.

В-третьих, к субъектам относятся лица, оказывающие услуги по передаче, распространению информации, то есть являющиеся посредниками между обладателями информации и ее потребителями (распространители информации), как то: операторы связи, операторы поисковых систем и т.д.

Таким образом, субъектами информационных правоотношений являются обладатели, потребители и распространители информации.

При этом если обладателю информации законодатель уделит внимание, о потребителе (пользователе) информации упомянул в части обеспечения доступа к сведениям о деятельности органов власти, то о распространителе информации вовсе умалчивает, апеллируя к таким понятиям, как «оператор связи», «информационный посредник», «организатор распространения информации в сети Интернет», «оператор поисковой системы» и т.д.

Такое квалифицированное молчание не позволяет выстроить систему субъектов информационных правоотношений, что негативно сказывается на качестве нормативных правовых актов в информационной сфере.

¹ Федеральный закон № 24-ФЗ. Ст. 1. Абз. 13.

Например, открыт вопрос о соотношении информационного посредника в статье 1253.1 ГК РФ и провайдера хостинга в Федеральном законе № 149-ФЗ¹.

Неясно, кто относится к организаторам распространения информации в сети Интернет (часть ученых полагает, что к ним не относится оператор связи²; представляется, законодатель лишь устанавливает, что предусмотренные Федеральным законом № 149-ФЗ обязанности не распространяются на операторов связи, однако не говорит, что оператор связи не является организатором распространения информации³).

Стоит отдельного упоминания введение законодателем в правовое поле нового субъекта и его скорое исключение (пертурбации относительно так называемого закона о блогерах⁴).

В науке предпринимаются попытки по соотнесению всех существующих в сфере информационного права субъектов с известными в теории права лицами. Однако такие попытки могут быть ценными лишь с дидактической точки зрения.

Так, данная А.К. Жаровой классификация субъектов⁵, с одной стороны, обстоятельная, а с другой – противоречивая и пробельная. Так, неясно соотношение обладателя информации и ее собственника, вызывает вопросы разница между организатором распространения информации в сети Интернет и владельцем сайта.

¹ См.: *Терещенко, Л.К.* Информационные посредники в российском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6. С. 47, 50.

² Напр.: *Терещенко, Л.К.* Понятийный аппарат информационного и телекоммуникационного права: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 106.

³ См.: Федеральный закон № 149-ФЗ. Ст. 10.1. Ч. 5.

⁴ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей : Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 19, ст. 2302; 2017. № 31, ч. I, ст. 4825. Ст. 1. П. 2; О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31, ч. I, ст. 4825. Ст. 1. П. 2.

⁵ См.: *Жарова, А.К.* Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере. М., 2016. С. 72–81.

Таким образом, попытки законодателя или исследователей ввести в информационные правоотношения все новых субъектов с неопределенным статусом или выстроить из имеющегося нормативного материала стройную систему без изменения подхода к пониманию субъектов информационных правоотношений являются априори неэффективными¹.

Следует отметить, что понятия «обладатель», «потребитель», «распространитель информации» соотносятся с такими категориями, как физическое и юридическое лицо, объединения граждан, государство, и обладают правосубъектностью.

Мы придерживаемся общепринятого в теории права подхода о том, что правосубъектность – это «признаваемая законом (государством) способность вообще быть субъектом права, участником конкретных правоотношений»². Элементами правосубъектности являются правоспособность и дееспособность. Надобность в вычленении деликтоспособности не усматривается: она вписывается в дееспособность как способность к самостоятельному несению обязанностей, в том числе в виде претерпевания негативных последствий своих противоправных действий³.

Согласимся с С.Г. Чубуковой, отмечающей, что состояние разработанности проблемы правосубъектности в информационных правоотношениях оставляет желать лучшего: о ней либо вовсе не говорится, либо упоминается вскользь⁴.

¹ Анализ схожей проблемы отсутствия системного подхода в правовом регулировании использования автоматизированных систем: *Амелин, Р.В.* Правовые аспекты разработки и применения автоматизированных информационных систем в государственном и муниципальном управлении : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Саратов, 2010. С. 19–20.

² Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 420.

³ См.: *Марченко, М.Н.* Правоведение : учебник. М., 2004. С. 228–230; *Радько, Т.Н.* Юридическая ответственность. Основные подходы к ее понятию в современной юридической науке // Юридическая ответственность. Основные подходы в современной науке. Материалы круглого стола. Круглый стол № 2. М., 2015. С. 6–10.

⁴ См.: *Чубукова, С.Г.* Система субъектов информационного права как актуальное направление научных исследований // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 210-летию со дня рождения К.А. Неволлина, 85-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и 45-летию Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М., 2017. С. 205.

В силу иного предмета исследования в настоящей работе ограничимся общими моментами при характеристике элементов правосубъектности.

Возникновение и прекращение правоспособности у физических лиц напрямую связано с их рождением (мы скептически относимся к идее о том, что правоспособность может возникнуть до рождения¹) и смертью. Юридические лица правоспособны с момента их создания (день включения в единый государственный реестр юридических лиц) и до прекращения деятельности (день внесения соответствующей записи в реестр)².

Дееспособность юридических лиц возникает и прекращается по времени так же, как и правоспособность, в то время как у физических лиц – лишь по достижении определенного возраста³.

В информационном праве отсутствует понятие полной или ограниченной дееспособности, характерные для права гражданского. Так, нет разбивки на возможные для несовершеннолетнего правомочия в зависимости от достижения возраста шести или четырнадцати лет⁴.

Отсутствуют и нормы о том, что ограниченно дееспособное по решению суда лицо не может вступать в информационные правоотношения⁵, к примеру, с органами власти по получению информации.

Однако бесспорно, что в некоторых ситуациях для вступления в информационные правоотношения необходима полная дееспособность⁶.

В этой связи в рамках информационных правоотношений может идти речь либо о полной дееспособности по достижении восемнадцатилетнего возраста,

¹ См. об этом: *Алферов, А.Н.* Указ. соч. С. 6.

² См.: ГК РФ. Ч. I. Ст. 17. П. 2; Ст. 49. П. 3; Ст. 51. П. 8; Актуальные проблемы информационного права. С. 62; Проблемы теории государства и права. С. 422.

³ См.: ГК РФ. Ч. I. Ст. 21. П. 1; Российское гражданское право : учебник в двух томах / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011. Т. I : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. С. 189.

⁴ Ср.: ГК РФ. Ч. I. Ст.ст. 26, 28.

⁵ Ср.: Там же. Ст. 30.

⁶ См., напр.: О средствах массовой информации : Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7, ст. 300; Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 25, ст. 4416 (далее – *Закон о СМИ*). Ст. 7. Ч. 2. Абз. 2.

либо об ограниченной дееспособности (с рождения до достижения совершеннолетия без какой-либо дополнительной градации по возрасту).

Правосубъектность объединений граждан без образования юридического лица определяется по статусу всех их участников: если один из участников не полностью дееспособен, то объединение также неспособно самостоятельно осуществлять права и обязанности в информационной сфере.

Относительно государства в лице органов власти отмечаем, что в силу специфики содержания информационных правоотношений мы придерживаемся позиции, согласно которой такие органы являются юридическими лицами публичного права¹.

Так, вступает в информационные правоотношения с иными субъектами не бесформенный сюзерен, а его органы, например: Федеральная служба безопасности Российской Федерации (*далее – ФСБ России*), Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (*далее – Роскомнадзор*) и проч.²

Органы власти обладают правосубъектностью: имеют определенные в законодательстве и оформленные в полномочия права и обязанности, могут быть привлечены к ответственности за допущенные нарушения³.

В.Е. Чиркин отмечал преобладание органов власти, которые зарегистрированы в качестве юридических лиц (к примеру, Роскомнадзор)⁴.

¹ См.: Братусь, С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 92, 95, 97; Венедиктов, А.В. Государственная социалистическая собственность. М., 1948. С. 338–339, 634–644; Чиркин, В.Е. Юридическое лицо публичного права. М., 2007; Ястребов, О.А. Юридическое лицо публичного права: сравнительно-правовое исследование : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. М., 2010.

² См.: Конституция России. Ст.ст. 10–12; ГК РФ. Ч. I. Ст. 125.

³ См.: Конституция России. Ст. 46. Ч. 2; Ст. 53; Положение о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций : утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2009 г. № 228 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 12, ст. 1431; 2023. № 47, ст. 8436 (*далее – Положение о Роскомнадзоре.*). Разд. II.

⁴ См.: Положение о Роскомнадзоре. П. 11; Чиркин, В.Е. Двойственная природа правосубъектности юридических лиц публичного права // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ : сборник материалов к XII

О.А. Ястребов понимает под юридическим лицом публичного права организацию, которая «создана законом или во исполнении закона для реализации общественно значимых целей, интегрирована в систему публичного управления и действует от своего имени в установленной организационно-правовой форме в рамках правового режима, определенного в своей основе нормами публичного права»¹.

Указанная дефиниция наиболее полно характеризует органы публичной власти как субъектов информационных правоотношений.

Отметим лишь, что юридические лица публичного права обладают соответствующей компетенцией, к элементам которой относятся «нормативно установленные цели, предметы ведения как юридически определенные сферы и объекты воздействия, властные полномочия как гарантированная законом мера принятия решений и совершения действий»².

Наличие компетенции в свою очередь позволяет отличить органы публичного права от юридических лиц частного права.

Подводя итог вышесказанному, выделим основные моменты относительно субъектов информационных правоотношений.

Во-первых, субъекты информационных правоотношений разделяются на обладателей, потребителей и распространителей информации.

Во-вторых, все субъекты сводятся к общетеоретическим категориям физического, юридического лица, объединений физических лиц и государства в лице органов власти, рассматриваемых как юридические лица публичного права. Правосубъектность (возникновение и прекращение его элементов) указанных субъектов в информационных правоотношениях в целом не отличается от правосубъектности согласно общей теории права.

Ежегодным научным чтением памяти профессора С.Н. Братуся / под ред. В.Ф. Яковлева, Т.Я. Хабриевой, В.К. Андреева и др. – М.: Проспект, 2020. С. 372–374.

¹ Ястребов, О.А. Указ. соч. С. 15.

² Тихомиров, Ю.А. Теория компетенции. М., 2001. С. 55–56.

1.3. Содержание информационных правоотношений

Существенную роль при разграничении информационных и иных правоотношений играет их содержание, имеющее принципиальное значение для анализа злоупотребления правом.

В литературе существуют два основных подхода к пониманию содержания правоотношений.

Представители первого ограничиваются констатацией того, что содержание правоотношений составляют субъективные права и юридические обязанности¹.

Согласно второму подходу фактическое поведение субъектов правоотношений может не совпадать с установленными субъективными правами и юридическими обязанностями², в связи с чем выделяется материальное и юридическое содержание, где под юридическим понимаются формализованные в объективном праве субъективные юридические права и обязанности, а под материальным – действия, в которых реализуются такие права и обязанности³.

Полагаем, рассмотрение субъективных прав и обязанностей в отрыве от того, каким образом они реализуются в поведении управомоченного и правообязанного, ведет к выхолащиванию правоотношений именно как общественных и реально существующих отношений.

Более того, при рассмотрении юридического и материального содержания в отрыве друг от друга невозможно анализировать феномен злоупотребления правом. К примеру, если поведение злоупотребляющего – объект

¹ См., напр.: *Настин, П.С.* Корпоративные информационные правоотношения в деятельности хозяйственных обществ : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Екатеринбург, 2016. С. 13; *Его же.* Формы корпоративных правоотношений по предоставлению информации, складывающихся в деятельности хозяйственных обществ // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 4 (46). С. 125–126.

² См., напр.: *Алексеев, С.С.* Общая теория права. С. 136; Актуальные проблемы информационного права. С. 62; *Бутакова, Н.А.* Правоотношения в структуре правовой действительности : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2006. С. 8, 17–18; *Огородов, Д.В.* Указ. соч. С. 166; *Яговкина, В.А.* Налоговое правоотношение (теоретико-правовой аспект) : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. М., 2003. С. 16.

³ См.: *Алексеев, С.С.* Теория государства и права. С. 306.

правоотношения, означает ли это, что в объективном праве заложен механизм недобросовестного поведения? Ответ очевиден: не заложен.

Таким образом, юридическое и материальное содержание правоотношения следует рассматривать в их диалектическом единстве как разные стороны единого содержания правоотношения, равно как субъективное право и юридическая обязанность.

Так, субъективному юридическому праву корреспондирует обязанность другого лица (относительное правоотношение) либо неопределенного круга лиц (абсолютное правоотношение)¹. Мы солидарны с тем, что право без обязанности (как и наоборот) не существует².

Нередко исследователи при анализе содержания правоотношений освещают обязанности как «зеркальное отражение» прав (Ю.К. Толстой отмечает, что «главные усилия должны быть направлены на осмысливание субъективного права, определив которое, мы без труда сможем определить и содержание его коррелятора – субъективной обязанности»³).

В литературе представлен широкий спектр определений субъективного права. С.Н. Братусь отмечал, что субъективное право – это «признанная и обеспеченная законом мера возможного поведения лица»⁴.

Частым дополнением к данному определению выступает отсылка к интересу: лицо вступает в правоотношения для удовлетворения своих потребностей, то есть действует в целях удовлетворения законного интереса⁵.

¹ См.: *Алексеев, С.С.* Теория государства и права. С. 307; *Буянов, Ю.Г.* Гражданское правоотношение: его содержание и правовая природа // *Мари́йский юриди́ческий вестник*. 2011. Вып. 8. С. 193; *Халфина, Р.О.* Указ. соч. С. 245–246.

² См., напр.: *Алексеев, С.С.* Теория государства и права. С. 309; *Рудаков, А.А.* Парные юридические категории: теория прав и обязанностей. М., 2015. С. 187; *Толстой, Ю.К.* Указ соч. С. 34; *Хохлова, Е.М.* Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2008. С. 8–9, 22.

³ Цит. по: *Хохлова, Е.М.* Указ. соч. С. 19.

⁴ *Братусь, С.Н.* Указ. соч. С. 11.

⁵ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5, ст. 410; 2023. № 31, ч. III, ст. 5765 (далее – *ГК РФ. Ч. II*). Гл. 50; *Бутакова, Н.А.* Указ. соч. С. 9; *Васев, И.Н.* Субъективное право как общетеоретическая категория : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01.

Полагаем возможным занять господствующую в науке позицию и не согласиться с С.Н. Братусем, считавшим, что «...интерес – это только цель, а не сущность права... право – средство обеспечения или охраны интересов»¹.

Право выступает средством обеспечения или охраны интересов, но вряд ли на этом основании следует отказываться от интереса как правовой ценности. Поскольку субъекты, как презюмируется, вступают в правоотношения в целях удовлетворения законного интереса, мы не видим причин не включить в дефиницию субъективного юридического права положение об интересе.

Также нередко к определению С.Н. Братуся добавляют то, что субъективное право обеспечено «соответствующими юридическими обязанностями других участников правоотношений»². Полагаем это дополнение излишним. Отрицать связь прав и обязанностей невозможно, однако данные категории все же самостоятельны и имеют собственные существенные характеристики, которые не должны быть сводимы к отсылке прав к обязанностям, а обязанностей – к правам.

Наконец, встречаются позиции по определению субъективных прав через правомочия. Так, Н.И. Матузов полагал, что субъективное право – это «особая юридическая возможность действовать, позволяющая субъекту... вести себя определенным образом, требовать соответствующего поведения от других лиц, пользоваться определенным социальным благом, обращаться в случае необходимости к компетентным органам государства за защитой»³. Данную дефиницию полагаем спорной в связи со следующим.

Екатеринбург, 2011. С. 10–11; *Малиновский, А.А.* Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2009. С. 10; *Смирнова, Я.А.* Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2019. С. 67; *Федосенко, В.А.* Субъективные права в публичной сфере : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2007. С. 7.

¹ *Братусь, С.Н.* Юридические лица в советском гражданском праве. Ученые труды: Понятие, виды, государственные юридические лица. М., 1947. Вып. 12. С. 24.

² См., напр.: *Бутакова, Н.А.* Указ. соч. С. 19; *Селиванова, О.Ю.* Субъективное право: сущность, структура и ценность : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2001. С. 12.

³ *Матузов, Н.И.* Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 145.

О структуре субъективного права в течение продолжительного времени ведутся споры. Если изначально дискуссия велась о том, что относить к субъективному праву – возможность на собственные действия либо на требование совершения действий от правообязанного лица¹, то сейчас спор сводится к выделению трех или четырех элементов в структуре права.

По мнению части ученых, субъективное право состоит из права-поведения (на собственные действия), права-требования (на чужие действия) и права-притязания (на государственное принуждение при неисполнении обязанности)².

Другая часть добавляет к этому право-пользование как «возможность пользоваться на основе данного права определенным социальным благом»³. На основе такого понимания структурных элементов субъективного права и построено определение Н.И. Матузова.

Вместе с тем более справедливой представляется позиция Ю.К. Толстого: все правомочия сводятся к праву-поведению (требование от обязанного лица совершить предписанные ему действия, обращение за содействием к аппарату государственного принуждения и даже пользование неким общественным благом – это действия управомоченного лица, не более того)⁴.

То есть вернее рассматривать субъективное право как возможное поведение управомоченного лица (право-поведение), в связи с чем полагаем данную Н.И. Матузовым дефиницию содержащей повторения и потому – спорной.

Таким образом, субъективное юридическое право – признанная и обеспеченная объективным правом мера возможного поведения лица в целях удовлетворения законного интереса.

¹ См. об этом: *Толстой, Ю.К.* Указ соч. С. 35; *Халфина, Р.О.* Указ. соч. С. 226–227.

² См.: *Александров, Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 108–109; *Буянов, Ю.Г.* Указ. соч. С. 194; *Васев, И.Н.* Указ. соч. С. 10–11; Информационное право : учебник / отв. ред. И.М. Рассолов. С. 120.

³ См.: *Выпханова, Г.В.* Состав и содержание эколого-информационных правоотношений // Аграрное и земельное право. 2008. № 2. С. 70; *Селиванова, О.Ю.* Указ. соч. С. 16; *Хохлова, Е.М.* Указ. соч. С. 18.

⁴ См.: *Толстой, Ю.К.* Указ соч. С. 42; см. также: *Солодовниченко, Т.А.* Субъективные юридические права и обязанности в частном и публичном праве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Омск, 2016. С. 10–11.

Обратимся к субъективным правам в информационных отношениях¹. Относительно права на информацию можно выделить два основных подхода (хотя их и больше: отрицание самостоятельной природы права на информацию, позиция о его фундаментальном значении в системе конституционных прав²).

Представители широкого подхода относят к праву на информацию комплекс прав в сфере информационной деятельности лица: «право любого человека... искать, получать, передавать, производить любые сведения о фактах, событиях, процессах и явлениях любым законным способом»³.

Так, Д.В. Гавришов соотносит право на информацию с указанными в части четвертой статьи 29 Конституции Российской Федерации правами⁴.

Схожую позицию занимает Т.В. Пашнина, при этом относя к праву на информацию также возможность «защиты информации и информационной безопасности личности и общества (защиты от информации)»⁵.

З.Р. Гаджиева к данному праву относит «право на ознакомление с нормативным правовым актом, на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, на доступ к информации об органах публичной власти»⁶.

Часть исследователей отмечают, что право на информацию носит для информационных правоотношений всеобъемлющий характер и поглощает все информационные права, включая свободу мысли, слова, массовой информации⁷.

¹ Подробнее о субъективных правах в информационных правоотношениях см.: Колесниченко, В.А. Информационные права как составная часть содержания информационных правоотношений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 129–130.

² См.: Алексеева, М.В. О проблемных вопросах реализации конституционного права на информацию как одного из основных прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 16–19; Шевердяев, С.Н. Проблемы конституционно-правового регулирования информационных отношений в Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2002. С. 91.

³ Хижняк, В.С. Конституционное право человека и гражданина на информацию в Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Саратов, 1998. С. 76.

⁴ Гавришов, Д.В. Гарантии реализации субъективного права на информацию: конституционно-правовой аспект : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Белгород, 2010. С. 9–10.

⁵ См.: Пашнина, Т.В. Дискуссионные аспекты определения термина «право на информацию» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2017. № 2. С. 102.

⁶ Гаджиева, З.Р. Конституционное право человека и гражданина на информацию о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. М., 2015. С. 11–12, 26.

Также с долей условности к широкому подходу можно отнести, к примеру, И.Л. Бачило, А.А. Чеботареву¹.

В целом представители данного подхода под правом на информацию понимают правомочия по поиску, получению (в том числе от органов публичной власти), передаче, производству и распространению информации.

Представители узкого подхода трактуют право на информацию как реальную возможность лица на основании обращения в органы публичной власти получить информацию². При этом часть исследователей отмечают, что данное право является одним из прав в комплексе информационных прав³.

А.С. Агеев замечает, что права, указанные в части четвертой статьи 29 Конституции Российской Федерации, не требуют от государства активного участия; напротив, предпочтительно невмешательство органов власти в отношения по поводу обмена информацией. При предоставлении же доступа к информации по запросу лица государство «уже не “ночной сторож”, а активный участник с... обязанностью предоставить информацию»⁴.

О совершении активных действий говорит и Л.К. Терещенко. По ее мнению, государство «обеспечивает право граждан на доступ к информации путем

¹ См., напр.: *Ермаков, В.Г.* Право граждан на информацию в современной России. Курск, 2012. С. 20; *Ишина, А.А.* Реализация конституционного права на информацию подразделениями информации и общественных связей МВД России : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. СПб., 2005. С. 7.

¹ См.: *Бачило, И.Л.* Указ. соч. С. 134–135; *Чеботарева, А.А.* Теоретико-правовые проблемы законодательного обеспечения информационных прав и свобод // *Юридический мир.* 2015. № 1. С. 49–53.

² См. об этом: *Короткова, М.В.* Конституционные основы взаимодействия органов публичной власти Российской Федерации и гражданина в информационной сфере : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Саратов, 2014. С. 30; *Пашина, Т.В.* Дискуссионные аспекты определения термина «право на информацию». С. 100; *Ее же.* Правовое обеспечение доступа к информации в библиотечной сфере. С. 31.

³ См. об этом: *Пашина, Т.В.* Правовое обеспечение доступа к информации в библиотечной сфере. С. 31.

⁴ См.: *Агеев, А.С.* Право на доступ к информации, находящейся в распоряжении государственных органов (особенности конституционно-правового регулирования в России и в Германии) : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2016. С. 57–59.

непосредственного предоставления документов и материалов заинтересованным лицам (...), а также и путем опубликования официальной информации»¹.

Безусловно, получение информации от органа власти предполагает активные действия такого органа, но они необходимы при получении сведений от любого лица. Например, акционерное общество обязано предоставить своему участнику требуемую в соответствии с законодательством информацию.

По нашему мнению, право на информацию – это возможность свободно искать, получать, передавать (определенным лицам), производить и распространять (неопределенной группе лиц) информацию. Данное право включает в себя свободу мысли, слова и массовой информации.

При этом мы не включаем в право на информацию возможность защиты имеющихся сведений: установление специального правового режима в отношении конфиденциальных сведений, напротив, ограничивает права других лиц на информацию². В этой связи мы выделяем субъективное право на защиту информации, под которым понимается возможность установить ограничения на доступ третьих лиц к конфиденциальной информации без согласия управомоченного лица (в том числе установить порядок сбора, хранения, передачи, распространения и уничтожения сведений³), а также возможность контролировать соблюдение таких ограничений.

Выделение третьего субъективного права обусловлено развитием информационных технологий и ростом оборота информации – от нейтральной до причиняющей вред человеку, обществу, государству: в литературе имеются предложения по введению нормы права, обеспечивающей нормальную

¹ Терещенко, Л.К. Информация в обществе: правовой аспект // Журнал российского права. 1998. № 4–5. С. 128.

² О необходимости защиты информации в условиях развития информационного общества см.: Бундин, М.В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.13. М., 2017. С. 3; Журавлев, М.С. Правовые аспекты информационной безопасности в телемедицине : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2021. С. 67–68; Морозов А.В. Организационно-правовое обеспечение информационной безопасности. М., 2013. С. 26–32.

³ См.: Терещенко, Л.К. Правовой режим информации. С. 281.

жизнедеятельность человека в агрессивной информационной среде (право на защиту от информации)¹, которое должно обеспечивать защиту от информации, способной травмировать психику потребителя, негативно отразиться на его состоянии, либо являющейся недостоверной, навязчивой². Оно также может быть использовано для прекращения доступа к информации, способной нанести вред общественной нравственности, безопасности и целостности государства.

То есть субъективное право на защиту от информации – это возможность ограничить получение информации, которая является недостоверной, навязчивой или которая может причинить вред управомоченному лицу.

Теперь обратимся к освещению субъективных юридических обязанностей.

В литературе отмечается, что права и обязанности имеют общие черты. И.В. Коршунова делает вывод, что их взаимосвязь выражается в формальном равенстве, являющемся принципом построения конституционного статуса личности, и в их сбалансированности в рамках правоотношений³.

А.А. Рудаков отмечает, что права и обязанности «фиксируют... свободу и справедливость в поведении людей», носят системный характер, являясь элементом механизма правового регулирования, представляют собой меру поведения, обеспечиваемую комплексом «позитивных и негативных средств», и проявляются в рамках конкретных правоотношений⁴.

При этом субъективные права и обязанности имеют различия. Так, субъективное право – мера возможного поведения, а обязанность – должного⁵.

¹ См.: *Китайчик, М.М.* Право на защиту от информации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 3. С. 12–18; *Погорелова, М.А.* Конституционное право на информацию: правовая природа, содержание, структура, особенности регулирования и реализации в Интернете. М., 2010. С. 49–50, 60–61.

² См. об этом также: *Китайчик, М.М.* Указ. соч. С. 14; *Минбалева, А.В.* Теоретические основания правового регулирования массовых коммуникаций в условиях развития информационного общества. С. 24–25.

³ См.: *Коршунова, И.В.* Обязанность как правовая категория : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2004. С. 7.

⁴ См.: *Рудаков, А.А.* Указ. соч. С. 186.

⁵ См.: *Барзилова, Ю.В.* Юридические обязанности как элемент правового статуса личности : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2006. С. 13, 18; *Буянов, Ю.Г.* Указ. соч. С. 195; *Рудаков, А.А.* Права и обязанности как парные юридические категории (вопросы

Это обеспечивает такое взаимодействие прав и обязанностей, при котором праву одного субъекта корреспондирует обязанность другого. Данное различие находит свое отражение в том, что если управомоченное лицо может не воспользоваться правом, то от правообязанного требуется определенное поведение¹.

Также отмечается, что права действуют непосредственно, в то время как обязанности требуют конкретизации².

Средством обеспечения юридической обязанности выступает возможность применения механизма государственного принуждения³, немалую роль в исполнении обязанности играют также меры поощрения⁴: субъект может добросовестно исполнять обязанности не столько в силу опасений перед юридической (ретроспективной) ответственностью, сколько ввиду желания получить поощрение, одобрение общества, государства (исполнение обязанности зависит от правовой культуры конкретного субъекта, общества)⁵.

А.А. Рудаков под обязанностью понимал закрепленную в юридических источниках общую меру должного поведения, являющуюся средством обеспечения прав и свобод человека и гражданина и поддерживаемую в том числе мерами государственного принуждения⁶. С.С. Алексеев – как предписанную обязанному лицу и обеспеченную возможностью государственного принуждения меру необходимого поведения, которой оно должно следовать в интересах управомоченного лица⁷.

теории) : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Красноярск, 2006. С. 11; Толстой, Ю.К. Указ соч. С. 46.

¹ См.: Информационное право : учеб. / отв. ред. И.М. Рассолов. С. 119–121.

² См.: Рудаков, А.А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей. С. 202; Хохлова, Е.М. Указ. соч. С. 19–20.

³ См.: Коришнова, И.В. Указ. соч. С. 8; Липинский, Д.А. Субъективное право и юридическая обязанность как меры позитивной юридической ответственности // Государство и право. 2014. № 10. С. 8–9; Хохлова, Е.М. Указ. соч. С. 20.

⁴ См.: Липинский, Д.А. Общая теория юридической ответственности : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2004. С. 16; Липинский, Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. С. 320.

⁵ См. также: Халфина, Р.О. Указ. соч. С. 243.

⁶ См.: Рудаков, А.А. Права и обязанности как парные юридические категории (вопросы теории). С. 9.

⁷ См.: Алексеев, С.С. Теория государства и права. С. 307.

Лаконичное определение дала Р.О. Халфина: «обязанность есть обеспеченная законом мера должного поведения, которой следует обязанное лицо в соответствии с требованиями управомоченного»¹.

Наконец, Р.Р. Каримова под юридической обязанностью понимает «возникающее из интереса, эквивалентное правам и свободам должное действие или бездействие (как потенциальное, так и реальное), основанное на государственной необходимости и реализуемое на основании внутриличностной и юридической ответственности добровольно или силой государственного принуждения»². Мы полагаем спорным, что обязанности основаны на некой «государственной необходимости», однако достойно внимания то, что автор ставит знак равенства между эффектом от государственного принуждения и от уровня правовой культуры правообязанного лица в исполнении обязанностей.

С опорой на вышеназванные позиции представляется возможным определить субъективную юридическую обязанность как предписанную объективным правом меру должного поведения лица, реализация которой обеспечена посредством позитивной или ретроспективной ответственности в целях удовлетворения законного интереса управомоченного лица.

В качестве структурного элемента юридической обязанности в литературе выделяется, как правило, обязанность совершить определенные действия (исполнение, активное поведение) либо воздержаться от такого совершения (соблюдение, пассивное поведение)³.

К элементам обязанности часть исследователей относит и «претерпевание ограничений в правах личного, имущественного или организационного характера (мер юридической ответственности)»⁴. Полагаем, что для этого нет оснований: претерпевание – это, по сути, обязанность на активное или пассивное поведение.

¹ Халфина, Р.О. Указ. соч. С. 242.

² Каримова, Р.Р. Юридические права: сущность и проблемы реализации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Екатеринбург, 2008. С. 6–7.

³ См., напр.: Информационное право : учеб. / отв. ред. И.М. Рассолов. С. 121–122.

⁴ Алексеев, С.С. Теория государства и права. С. 308.

Также выделяется необходимость отреагировать на законные требования управомоченного, нести ответственность за неисполнение этих требований и не препятствовать контрагенту пользоваться тем благом, в отношении которого он имеет право¹.

Поскольку ранее отмечалась нецелесообразность выделения трех и более элементов в структуре субъективного права, нет необходимости в этом и при рассмотрении юридической обязанности: поведение обязанного субъекта представляет собой либо совершение определенных действий (активное поведение), либо воздержание от их совершения (пассивное поведение).

Субъективная обязанность совершения действий или воздержания от действий в информационных правоотношениях корреспондирует правам на информацию, защиту информации и на защиту от информации.

Подводя итог, выделим основные моменты относительного содержания информационных правоотношений как элемента правоотношения, непосредственно связанного с феноменом злоупотребления правом.

Во-первых, субъективное юридическое право (признанная и обеспеченная объективным правом мера возможного поведения лица в целях удовлетворения законного интереса) в информационных правоотношениях возможно представить в качестве права на информацию, права на защиту информации, а также права на защиту от информации.

Во-вторых, субъективная юридическая обязанность (предписанная объективным правом мера должного поведения лица, реализация которой обеспечена посредством позитивной или ретроспективной ответственности в целях удовлетворения законного интереса управомоченного лица) совершения определенных действий (активное поведение) или воздержания от таких действий (пассивное поведение) в информационных правоотношениях корреспондирует субъективным юридическим правам на информацию, на защиту информации и на защиту от информации.

¹ Барзилова, Ю.В. Указ. соч. С. 19; Хохлова, Е.М. Указ. соч. С. 20.

Таким образом, под информационными понимаются такие правоотношения, в которых единственным объектом является информация, субъектами выступают производитель, потребитель, распространитель информации, а содержанием – права на информацию, на защиту информации, на защиту от информации с корреспондирующими им обязанностями субъектов правоотношений.

ГЛАВА 2. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

2.1. Сущность и характеристика злоупотребления правом. Особенности злоупотребления правом в информационных правоотношениях

Злоупотребление правом – это явление, по поводу которого в юридической науке не утихают споры на протяжении нескольких десятилетий. Можно ли правом злоупотребить? Является ли злоупотребление правом понятием исключительно частноправовым или его допустимо рассматривать в качестве общеправового? Какие признаки злоупотребления правом? Как соотносится злоупотребление правом с видами правового поведения? В чем заключаются правовые последствия злоупотребления правом? На указанные вопросы нет однозначных ответов. В настоящем параграфе мы намерены изложить основные положения авторского понимания злоупотребления правом в информационных правоотношениях.

Однако прежде всего рассмотрим позицию противников выделения злоупотребления правом как правового феномена.

М. Планиоль отмечал нелогичность, заложенную в злоупотреблении правом. Он полагал, что если субъект использует право, то ему это дозволено, а если субъект совершает недозволенное, то он нарушает границы права, то есть совершает правонарушение¹.

Позиция М. Планиоля воспринята М.М. Агарковым, считавшим, что термин «злоупотребление правом» условен, поскольку осуществление права не может быть противоправным (злоупотреблением)². Ученый отмечал, что на практике неизбежны случаи, когда закон не дает нормы для разрешения конкретного спора, из-за чего суду приходится восполнять пробел для разрешения дела по существу³.

¹ См. об этом: *Смирнова, Я.А.* Указ. соч. С. 45.

² См.: *Агарков, М.М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР, отделение экономики и права. 1946. № 6. С. 427, 429.

³ См.: Там же. С. 428.

Исследователь полагал, что границы права во избежание произвола правоприменителя должны устанавливаться по возможности четко законом, в противном случае нарушившее границу лицо узнавало о таком нарушении на основании судебного акта, что вредило бы стабильности правовой системы¹.

С.Н. Братусь считал невозможным предусмотреть все варианты реализации норм объективного права, но видел опасность в увеличении роли судебного усмотрения при введении «каучуковых» норм о злоупотреблении правом².

К сторонникам идей М.М. Агаркова в данной части можно отнести также С.Т. Максименко, Н.С. Малеина, В.А. Рясенцева, М.В. Самойлову³.

С позиции «юридического либертаризма» Г.Т. Бекназар-Юзбашев, считая невозможным построение «непротиворечивого и последовательного» определения злоупотребления правом, предлагает заменить принцип недопустимости злоупотребления правом требованием соответствия поведения лица принципу доброй совести (возможность суда «скорректировать формулировку закона» в целях достижения правового равенства спорящих сторон)⁴.

Мы не можем разделить данную позицию. Невозможность формулирования непротиворечивого понятия злоупотребления правом лишь кажущаяся: разумеется, разработаны различные дефиниции данного явления. Говорит ли это о его порочности? Полагаем, нет: юридическая наука полнится такими явлениями (объект правоотношений, право- и дееспособность). Основание ли это для прекращения использования данных терминов? Очевидно, нет.

¹ См.: Агарков, М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве. С. 430–432.

² См.: Братусь, С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. 1967. № 3. С. 80–81.

³ См.: Максименко, С.Т. Осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.00. Саратов, 1970. С. 14–15; Малеин, Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992. С. 160; Рясенцев, В.А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция. 1962. № 9. С. 8–9; Самойлова, М.В. Право личной собственности граждан СССР : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.00. Л., 1965. С. 11.

⁴ Бекназар-Юзбашев, Г.Т. Злоупотребление правом и принцип доброй совести в гражданском праве России и Германии : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2010. С. 9, 21–25.

В целом же критику подхода непризнания злоупотребления правом как самостоятельного правового явления мы сводим к следующему.

Во-первых, безусловно, монополия законодателя при установлении пределов права и безапелляционная защита от «судебного произвола» имеют обратную сторону – произвол субъектов правоотношений и фактическую невозможность защиты от посягательств злоупотребляющих лиц¹.

М.М. Агарков и С.Н. Братусь правы в том, что законодатель не может предусмотреть все варианты поведения субъектов правоотношений. Однако полагаем спорным вывод, что роль правоприменителя сводится к анализу фактических обстоятельств дела. Реализация субъективного права одним лицом способна нанести вред интересам другого без формального нарушения закона. И в определении того, насколько поведение субъекта правомерно, правоприменитель не менее важен, чем законодатель. «Оставление наедине» субъекта с объективным правом открывает ему простор для совершения действий, соответствующих «букве» закона, но не соответствующих его «духу».

Во-вторых, нельзя не согласиться с тем, что «в уголовном законодательстве... достаточно часто используются оценочные категории (“необходимая оборона”, “крайняя необходимость”, “обоснованный риск”))»². Вряд ли кто-либо будет настаивать на отказе от данных категорий на том основании, что их сущность дает свободу усмотрения правоприменителю, а Верховный Суд Российской Федерации даже стремится раскрыть их смысл³. В этой связи возражения о «каучуковости» норм так же спорны, поскольку право как социальное явление неизбежно имеет дело с подобным.

¹ См.: *Поротинова, О.А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М., 2008. С. 147–148.

² *Малиновский, А.А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2007. URL: <https://mgimo.ru/files/33503/33503.pdf> (дата обращения: 15 февраля 2024 г.). С. 49–50.

³ См., напр.: О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 // Российская газета. 2012. 3 октября; 2022. 17 июня.

Наконец, мы исходим из того, что наряду с границами права, которые устанавливаются нормативными правовыми актами, существуют пределы права. При выходе за пределы лицо не прекращает осуществление права, однако его реализация приобретает характер злоупотребления. И если установление границ права относится к прерогативе законодателя, то вопрос о пределах разрешается правоприменителем.

Таким образом, злоупотребление правом – это реально существующее правовое явление, с которым правоприменительным органам приходится достаточно часто сталкиваться.

В судебной практике наблюдается разброд и шатание относительно признаков и характеристик злоупотребления правом. Так, часть судов считает злоупотребление феноменом только частного права, другая часть – общеправовым; некоторые судьи рассматривают злоупотребление лишь как умышленное действие, другие не придают значения форме вины; одним судам для квалификации деяния как злоупотребления необходимо наступление вреда – другим достаточно лишь опасность его причинения¹.

В начале настоящей главы поставлен вопрос, является ли злоупотребление правом понятием исключительно частноправовым или его допустимо рассматривать в качестве общеправового. Позиции ученых по данному вопросу разделяются: часть считают, что злоупотребление правом есть феномен лишь частного права, другие относят его к явлению общеправовому.

Так, А.В. Волков отмечает, что «злоупотребление правом следует отличать от злоупотреблений властью и иных “неправовых” злоупотреблений»², хотя и смежных явлений, но не одинаковых по содержанию.

¹ См. подробнее: Мусарский, С.В. Обзор судебной практики применения норм о запрете злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) (полный анализ всей судебной практики за 1995–2011 годы). 2011 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (далее – СПС «КонсультантПлюс»). П. 1, 2.

² Волков, А.В. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. М., 2009. С. 196.

О.А. Поротикова считает, что в теории публичного права применение понятия субъективного права порождает на каждом шагу недоразумения и противоречия¹. Исследователь утверждает, что компетенция должностных лиц органов власти выражается через определение обязанностей, а не по модели субъективных прав. Даже использование в законодательстве терминов «правомочие», «право» не означает наделения должностного лица субъективным правом: такие «права» не соответствуют структуре субъективных прав (право на свои действия, на действия третьих лиц и на защиту) и не предоставляют данному лицу свободу выбора (в том числе в части отказа от реализации права)².

В.А. Маслов отмечает, что феномен злоупотребления правом присущ гражданскому, трудовому и семейному праву, но не праву публичному³.

А.Ю. Белоножкин считает, что злоупотребление правом может быть в гражданском праве и отчасти – в процессуальном. В иных же отраслях оно отсутствует: субъективное право является одновременно обязанностью⁴.

Полагаем, что вывод о злоупотреблении правом как феномене исключительно гражданского права, сделанный на сопоставлении субъективного права и должностного полномочия, является спорным. Даже если предположить, что полномочия и права – понятия несовместимые, нельзя отрицать того, что в публичном праве субъектами являются не только наделенные властью лица, но и обычные граждане, организации. Имеют ли указанные лица права, подлежащие защите в установленном законодательством порядке? Отрицательный ответ на вопрос равен признанию абсолютной власти государства и абсолютного бесправия граждан в публичном пространстве, что само по себе недопустимо в силу статуса Российской Федерации как правового государства.

¹ См.: Поротикова, О.А. Указ. соч. С. 133–134.

² См.: Там же. С. 134–135.

³ См.: Маслов, В.А. К вопросу о месте злоупотребления правом в структуре правового поведения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71), № 3. С. 47.

⁴ См.: Белоножкин, А.Ю. Содержание и формы злоупотребления субъективным гражданским правом : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.03. Волгоград, 2005. С. 20–21.

Тем более мы несогласны с тезисом о том, что структура субъективных прав отличается от структуры полномочий: субъективное право (равно как и полномочие) есть лишь правомочие на свои действия.

Таким образом, злоупотребление правом – феномен общий для всех отраслей права (мы признаем обоснованной отсылку Г.А. Гаджиева к положениям статьи 17 Конституции Российской Федерации, носящей для правовой системы Российской Федерации основополагающий характер¹).

Как верно замечает А. Шайо, в заимствовании одной отраслью терминов из другой нет ничего удивительного². Полагаем это даже закономерным.

Кроме того, О.Н. Бармина отмечает, что ответственность как юридическая категория охватывает большинство отраслей права, однако «между уголовной и гражданской ответственностью нельзя поставить знак равенства»³. То же самое можно сказать и о других юридических категориях – вина и ее формы, правонарушение, сроки давности и т.д. Стоит ли для отрасли публичного права вводить одно понятие, характеризующее вину, а для частного – другое? Вопрос, полагаем, риторический.

В юридической науке злоупотребление правом изучается как общеправовой феномен (О.Н. Бармина, В.П. Грибанов, В.И. Крусс, А.А. Малиновский, Е.А. Одегнал, В.И. Червонюк)⁴.

¹ Гаджиев, Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М., 2002. С. 105.

² См.: Шайо, А. Злоупотребление основными правами, или парадоксы преднамеренности // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 167.

³ Бармина, О.Н. Злоупотребления в праве. Как обеспечить добросовестное использование прав? // Вестник Вятского государственного университета. 2013. № 4-1. С. 88.

⁴ См.: Бармина, О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2015; Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001; Крусс, В.И. Злоупотребление правом : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция». М., 2010; Малиновский, А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен; Его же. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование); Одегнал, Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.01. Ставрополь, 2009;

Данному явлению уделяется внимание в арбитражном (И.В. Ильин), гражданском (О.В. Аксенова, А.В. Юдин) и уголовном (М.О. и О.Я. Баевы, О.И. Даровских, М.П. Поляков) процессах¹.

Изучается указанный феномен также в науке административного (Т.В. Казина, Е.Н. Крымова, О.Н. Хужина), земельного (Э.Р. Вагизова), избирательного (М.Ю. Куликов, И.В. Советников) и конституционного (Е.С. Зайцева) права².

Кроме того, уделяется внимание злоупотреблению правом в рамках международного (Е.В. Рябцева, А.К. Соболева), налогового (Н.А. Фомина),

Червонюк, В.И. Злоупотребление правом в сфере действия частного и публичного права // Вестник Московского университета МВД России. Юридические науки. 2017. № 3. С. 166–170.

¹ См.: *Аксенова, О.В.* Субъективные гражданские права и их осуществление в гражданском процессе : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.03, 12.00.15. М., 2000.; *Баев, О.Я.* Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2014; *Даровских, О.И.* Классификация злоупотребления правами в уголовном судопроизводстве // Проблемы права. 2013. № 1. С. 153–158; *Ее же.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: понятие и признаки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 43. С. 23–27; *Ильин, И.В.* Вопросы противодействия злоупотреблению правом участниками гражданского и арбитражного процесса // Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 23–24 мая 2019 года) / под ред. В.А. Толстика, В.М. Баранова, П.В. Васильева. Н. Новгород, 2019 (далее – *Сборник 2019 г.*). С. 197–201; *Поляков, М.П.* Идея асимметрии оценки допустимости доказательств в уголовном процессе как идеологическая предпосылка злоупотребления правом на защиту // Сборник 2019 г. С. 335–343; *Юдин, А.В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : автореф. ... дисс. д-ра юрид. наук : 12.00.15. СПб., 2009.

² См.: *Вагизова, Э.Р.* Злоупотребление правом участниками земельных правоотношений. М., 2014; *Зайцева, Е.С.* Злоупотребление правом в законотворческой деятельности // Сборник 2019 г. С. 48–57; *Казина, Т.В.* Права и злоупотребление правом в производстве по делам об административных правонарушениях // Гражданин и право. 2016. № 3. С. 24–32; *Крымова, Е.Н.* Злоупотребление правом в процессе функционирования исполнительных органов государственной власти в Российской Федерации: содержание и формирование концепции противодействия : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.14. Воронеж, 2009; *Куликов, М.Ю.* Злоупотребление избирательными правами: основные подходы научного определения // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2. С. 21–26; *Советников, И.В.* Злоупотребление правом в избирательном процессе : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2006; *Хужина, О.Н.* К вопросу о злоупотреблении правом адресатом согласования // Сборник 2019 г. С. 434–439.

Е.А. Цикунов), трудового (М.В. Лушникова, Е.М. Офман), уголовного (Н.А. Егорова, В.Г. Пономарев) права¹.

Однако можно ли говорить о злоупотреблении правом должностными лицами органов власти, реализующими возложенные на них полномочия?

Позиции ученых разделились. Одни утверждают, что некорректно приравнивать субъективное право к полномочиям, в связи с чем злоупотребление правом неприменимо к деяниям органов власти.

Так, С.Г. Зайцева находит «абсолютное несовпадение в ключевых, исходных моментах» при сравнении «злоупотребления правом» в публичном праве со злоупотреблением гражданским правом. Проникновение же термина «злоупотребление правом» в публичное право автор видит в необходимости указать лицам, пострадавшим от злоупотребления, на целесообразность обращения в суд за защитой нарушенных должностными лицами прав².

Против отождествления злоупотребления правом и полномочий выступает А.А. Малиновский. К существенным отличиям исследователь относит следующее: субъективное право – это мера возможного поведения, а полномочие – и возможного, и должного; право нацелено на удовлетворение собственных потребностей, а полномочие – в интересах третьих лиц, общества, государства; цель и средства реализации права определяются самим субъектом, а в случае с

¹ См.: *Егорова, Н.А.* Управленческие преступления и злоупотребление правом // Уголовное право. 2006. № 5. С. 27–31; *Лушникова, М.В.* Природа злоупотребления // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2010. № 1–2. URL: <http://base.garant.ru/5850270/> (дата обращения: 15 февраля 2024 г.); *Офман, Е.М.* Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений. М., 2011; *Пономарев, В.Г.* О сущности злоупотребления правом и его месте в уголовном законодательстве Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2012. № 1. С. 158–167; *Рябцева, Е.В.* Злоупотребление правом на подачу жалобы в Европейский суд по правам человека // Евразийская адвокатура. 2013. № 1. С. 66–73; *Соболева, А.К.* Злоупотребление правом в практике Европейского суда по правам человека: аргументативная легитимация решений об отказе в рассмотрении жалобы // Сборник 2019 г. С. 35–47; *Фоминова, Н.А.* Злоупотребление правом в налоговых правоотношениях : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.14. М., 2009; *Цикунов, Е.А.* Злоупотребление правом в сфере налогов и сборов : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.14. М., 2013.

² См.: *Зайцева, С.Г.* «Злоупотребление правом» как правовая категория (вопросы теории и практики) : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.01. Волгоград, 2003. С. 19–22.

полномочиями – указаны в правовых актах¹. Поддерживает данный подход и М.Ю. Куликов².

В настоящей работе мы исходим из того, что злоупотребление полномочиями – разновидность злоупотребления правом.

Как ранее сказано, органы власти являются юридическими лицами публичного права, имеющими в рамках государственного механизма собственные интересы, для реализации которых им предоставляются полномочия как слившиеся воедино права и обязанности.

При этом А.В. Волков отмечает, что «как в любом субъективном праве содержится обязанность для субъекта добросовестно осуществлять свои права, так и в любой... обязанности заложена формула “право... на исполнение своей обязанности”»³. Такое понимание прав и обязанностей соответствует диалектическому закону единства и борьбы противоположностей: в праве содержится обязанность реализовать его без безосновательного причинения вреда другим и в обязанности нередко есть варианты для ее надлежащего исполнения.

В этой связи представляется странным разграничение субъективных прав и должностных полномочий по критерию «права – обязанности».

Относительно интереса отметим, что понимание субъективного права как возможности, направленной на реализацию собственного интереса, необоснованно сужает данное понятие даже в рамках частного права. Так, являются ли действия представителя юридического лица по реализации права данного лица использованием права? Насколько представитель реализует собственные интересы? И если использовать *reductio ad absurdum*, насколько у организации могут быть субъективные права, если их реализация возможна лишь представителями, для которых такие права *a priori* не являются собственными?

¹ См.: Малиновский, А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). С. 313–314.

² См.: Куликов, М.Ю. Указ. соч. С. 23; Его же. Формы и виды злоупотреблений избирательными правами (классификация злоупотреблений избирательными правами) // Избирательное право. 2015. № 4. С. 17.

³ Волков, А.В. Указ. соч. С. 223.

Полагаем, что корректнее было бы говорить об удовлетворении не собственного, а именно законного интереса. В таком случае проблема критерия интереса при разграничении права и полномочия снимается.

Относительно цели и средств отмечаем, что разграничение по данному критерию не выдерживает критики. Гражданское законодательство устанавливает требования к совершению сделки по купле-продаже недвижимого имущества. Несоблюдение части требований влечет недействительность заключенного договора¹. Означает ли, что тем самым законодатель лишает собственника права на реализацию имущества? Разумеется, нет: законодатель лишь сужает границы усмотрения при реализации права в целях поддержания стабильности гражданского оборота.

Схожая ситуация прослеживается при установлении в законодательстве целей и средств реализации возложенных на органы власти полномочий. При этом свобода усмотрения у таких органов остается².

При разрешительном типе правового регулирования, господствующем в публичном праве, злоупотребление правом носит осознанный и даже «инженерный» характер, хотя ответственность за него, как правило, не устанавливается (Е.Н. Крымова предлагает данный пробел ликвидировать)³.

В этой связи целесообразно рассматривать полномочие как вид субъективного права, а злоупотребление им как злоупотребление правом⁴.

Выделим существенные признаки злоупотребления правом, дадим ему дефиницию, а также рассмотрим особенности злоупотребления правом в информационных правоотношениях.

¹ См.: ГК РФ. Ч. II. Гл. 30. § 7.

² См.: Хужина, О.Н. Указ. соч. С. 438.

³ См.: Крымова, Е.Н. Указ. соч. С. 12; Поляков, М.П. Указ. соч. С. 338–339.

⁴ См.: Бармина, О.Н. Злоупотребления в праве. Как обеспечить добросовестное использование прав? С. 87–88; Вагизова, Э.Р. Указ. соч. С. 11–12; Вопленко, Н.Н. Злоупотребление правом как родовое понятие юридической науки // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2011. № 1. С. 10; Крусс, В.И. Указ. соч. С. 47–48; Крымова, Е.Н. Указ. соч. С. 8; Поляков, М.П. Указ. соч. С. 338–339.

Во-первых, злоупотребить правом может лишь управомоченное лицо. Те нечастые случаи, когда суды устанавливают злоупотребление правом при отсутствии у лица права, есть не что иное, как ошибка правоприменителя¹.

То есть первый признак злоупотребления правом – наличие соответствующего субъективного права у субъекта правоотношения.

Во-вторых, лицо должно осознавать наличие у него субъективного права: злоупотребление невозможно при незнании субъектом о своем праве.

Следует определить, был ли у лица умысел использовать право в ущерб интересам других, и был ли выбор у него не совершать данные действия. Спорна позиция ученых, считающих возможным злоупотребление правом по неосторожности²: считаем, очевидна недобросовестность в субъективном смысле.

То есть второй признак – умысел: злоупотребляющий знает о наличии у него права и сознательно использует его во вред другим субъектам.

В-третьих, злоупотребление правом может быть в форме как действия, так и бездействия. Если с действием все очевидно, о бездействии отметим следующее.

Бездействие может приобрести характер злоупотребления правом, если лицо, обязанное совершить действие, уклоняется от этого, прикрываясь имеющимся субъективным правом. Например, орган власти отказывает в предоставлении информации гражданину, ссылаясь на якобы служебный характер сведений (то есть использует право на защиту информации).

Следовательно, злоупотребление правом – это деяние в форме как действия, так и бездействия.

В-четвертых, злоупотребление правом вредоносно. В науке нет единого мнения, обязательно ли причинение вреда в результате злоупотребления правом или достаточно угрозы причинения.

¹ См. об этом: *Мусарский, С.В.* Указ. соч. П. 2. Пп. 2.4. Поз. 1, 3.

² См.: *Дерюгина, Т.В.* Пределы осуществления гражданских прав. М., 2010. С. 122–123; *Курбатов, А.Я.* Недопустимость злоупотребления правом как общеправовой принцип реализации прав // *Хозяйство и право.* 2009. № 2. С. 107; *Яковлева, Т.В.* Реализация субъективного права и злоупотребление правом как гражданское правонарушение // *Пробелы в российском законодательстве.* 2010. № 4. С. 86.

Часть исследователей настаивает, что необходим факт уже причиненного вреда личности, обществу, государству¹. В.Н. Ткачев возражает: положения о злоупотреблении носят превентивный характер, при причинении вреда применяются обязательства из деликта². Неоспоримо, нормы права направлены на предупреждение причинения вреда. Но и причинение вреда не исключает злоупотребления. В этой связи мы придерживаемся позиции об отнесении к злоупотреблению деяний, в том числе создавших угрозу причинения вреда³.

Под вредом мы понимаем умаление имеющегося у физического, юридического лица, общества, государства блага. В зависимости от пострадавшего субъекта нами на основе классификации А.А. Малиновского выделяется вред, причиненный лицу (моральный, психический, репутационный, имущественный и физический), обществу (нравственный) и государству (политический и экономический)⁴.

Следовательно, еще один признак – создание угрозы причинения вреда или причинение вреда другому лицу, обществу, государству.

В-пятых, злоупотребление правом осуществляется при реализации субъективного права за его пределами.

Основоположником концепции о пределах осуществления субъективного права является В.П. Грибанов, отмечавший, что «всякое субъективное право... имеет определенные границы как по своему содержанию, так и по характеру его

¹ См.: *Вопленко, Н.Н.* Указ. соч. С. 9, 11–12; *Дурново, Н.А.* Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ) : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2003. С. 10, 21; *Малиновский, А.А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). С. 70–73; *Наумов, А.Е.* Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2010. С. 8; *Поротикова, О.А.* Указ. соч. С. 155–156; *Фоминова, Н.А.* Указ. соч. С. 16.

² См.: *Ткачев, В.Н.* К вопросу о правовой природе некоторых форм злоупотребления правом // Вестник Евразийской академии административных наук. 2011. № 1. С. 63.

³ См. также: *Дерюгина, Т.В.* Указ. соч. С. 119–121; *Пашин, В.М.* Выявление злоупотребления // ЭЖ-Юрист. 2005. № 5. URL: <http://base.garant.ru/5159415/> (дата обращения: 15 февраля 2024 г.); *Скоробогатов, А.В.* Злоупотребление правом: феноменологический подход // Сборник 2019 г. С. 391–392; *Толстик, В.А.* Техничко-юридические способы противодействия злоупотреблению правом // Сборник 2019 г. С. 107.

⁴ См.: *Малиновский, А.А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). С. 77, 81–82.

осуществления (...) проблема злоупотребления правом связана не с субъективным правом вообще, а с процессом его реализации»¹.

Для В.П. Грибанова возможны три варианта правового поведения. Первый – правомерное поведение: действия лица адекватны предписаниям закона, то есть совпадают с границами содержания права. Второй – правонарушение: действия лица выходят за границы содержания субъективного права, а лицо действует уже не как носитель данного права. Наконец, злоупотребление правом возникает, если действия лица находятся в границах субъективных прав, но выходят за пределы осуществления таких прав – субъектные (наличие дееспособности) и временные границы (сроки осуществления прав), требование осуществления прав в соответствии с назначением в обществе, ограничения по способу осуществления права и по средствам защиты права (необходимая оборона)².

Стоит сказать, что в науке позиция о различении границ содержания права и пределов его осуществления подвергается критике.

В.И. Емельянов отмечает, что нет смысла вводить термин «пределы осуществления субъективного права», поскольку «совокупность правовых норм, ограничивающих субъективное право, не создает другой идеальной модели поведения, отличной от той, которая установлена управомочивающей нормой»³. Схожего мнения придерживаются А.В. Волков и В.Л. Вольфсон⁴.

В.М. Пашин замечает, что В.П. Грибанов не предлагает четких критериев для разделения границ права и пределов осуществления, в связи с чем практическая значимость во введении такого разделения отсутствует⁵.

¹ Грибанов, В.П. Указ. соч. С. 43–44, 56.

² См.: Грибанов, В.П. Указ. соч. С. 44–46, 48–49; Смирнова, Я.А. Указ. соч. С. 43–44.

³ См.: Емельянов, В.И. Запрет злоупотребления гражданскими правами // Законность. 1999. № 10. С. 54–55;

⁴ См.: Волков, А.В. Указ. соч. С. 76; Вольфсон, В.Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. М., 2014. С. 133.

⁵ См.: Пашин, В.М. Институт злоупотребления субъективными правами *de lege ferenda* // Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей / под ред. О.Ю. Шиловцова. Вып. 7. М., 2003. С. 41–42.

Е.М. Офман критикует В.П. Грибанова за то, что одно оценочное понятие («злоупотребление правом») выведено через другие оценочные понятия (например, «недозволенные конкретные формы»)¹.

Несмотря на критику, подход В.П. Грибанова популярен в настоящее время.

Так, А.А. Малиновский относит феномен злоупотребления правом к осуществлению права лицом, которому присущ правовой эгоцентризм (лицо знает о своих правах и стремится к их «утилитарному осуществлению» во вред другому лицу, обществу, государству)². Под пределами субъективного права ученый понимает «установленные законодательством абсолютно-определенные... предписания, четко регламентирующие меру свободы... лица». Пределы же осуществления права содержатся в «относительно-определенных предписаниях», дающих возможность лицу реализовать право по своему усмотрению³.

Исследователь выделяет общие и специальные пределы (общие устанавливаются государством и обществом для осуществления любого права; специальные – только для определенной категории прав)⁴. Общие пределы – обязанность не нарушать права и свободы других лиц, запрет на злоупотребление правом⁵. Специальные – добросовестность и разумность поведения субъекта, использование субъективного права в соответствии с назначением, способы осуществления права, нравственность, а также возможные традиции и обычаи⁶.

Полагаем, что вряд ли добросовестное и разумное осуществление права – специальные требования к осуществлению определенной группы прав. Напротив, добросовестность и разумность являются общеправовой категорией,

¹ Офман, Е.М. Указ. соч. С. 9.

² См.: Малиновский, А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). С. 16, 355–358.

³ См.: Там же. С. 153–154.

⁴ См.: Там же. С. 155–158.

⁵ См.: Там же. С. 155–157, 208.

⁶ См.: Там же. С. 158, 172, 184, 194, 199, 207.

свойственной поведению любого «среднего» человека¹. В этой связи указание добросовестности в качестве специального предела спорно.

Также вызывает вопросы разграничение добросовестности и нравственности на том основании, что добросовестность может быть выражена формулой «поступай так, как этого требует твоя совесть», а нравственность – «поступай так, как этого требует общество»². Мы в полной мере разделяем позицию противников проникновения морали в право, а также объяснения правовых категорий, к примеру, через понятие «совесть»³.

Добросовестность для права ценна в объективном смысле как стандартное поведение среднестатистического лица, осуществляющего свои субъективные права с учетом прав и законных интересов других субъектов⁴. В этой связи различий между добросовестностью и нравственностью нет.

Я.А. Смирнова выделяет границы содержания права, определяемые «перечнем возможностей, предоставляемых лицу таким субъективным правом», и пределы осуществления права, «установленные в отношении процесса реализации права» (в гражданском праве – добросовестность в ее объективном понимании)⁵.

Н.А. Дурново относит к злоупотреблению «осуществление своего права в границах... субъективного права, нарушающее пределы осуществления субъективного права или не нарушающее такие пределы, но являющееся социально вредным и общественно порицаемым и причиняющее вред правам,

¹ См. об этом также: *Маслов, В.А.* Указ. соч. С. 51; *Сенников, И.Е.* Использование права как форма непосредственной реализации юридических норм : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2003. С. 7; *Смирнова, Я.А.* Указ. соч. С. 40–41.

² См.: *Малиновский, А.А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). С. 193.

³ См.: *Аксенова, О.В.* К вопросу о пределах осуществления гражданских процессуальных прав // Теория и практика субъективных прав и процессуальные формы их защиты : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2000. С. 104; *Бекназар-Юзбашев, Г.Т.* Указ. соч. С. 10, 17–18; *Поротикова, О.А.* Указ. соч. С. 132–133.

⁴ См.: *Смирнова, Я.А.* Указ. соч. С. 66; о различии добросовестности в объективном и субъективном смыслах см.: *Лукьяненко, М.Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М., 2010. С. 368–369.

⁵ См.: *Смирнова, Я.А.* Указ. соч. С. 52, 66, 77–78.

свободам и интересам других участников общественных отношений»¹. Пределы осуществления субъективного права, по ее мнению, установлены нормами морали, категориями разумности и добросовестности, назначением права, а также интересом управомоченного лица и других лиц².

В.И. Червонюк полагает, что единственным пределом «объема субъективного права» является запрет злоупотребления правом, нашедший отражение в статье 17 Конституции Российской Федерации. Содержательно же указанный предел выражается через принцип доброй совести³.

А.В. Волков разделяет пределы (затрагиваемые права другого субъекта; устанавливаются в общих нормах, принципах права) и границы (формально закрепленные обязанности и запреты) осуществления права⁴. Он видит злоупотребление правом в выходе лица «в ситуации правовой неопределенности за внутренние пределы (смысл, назначение) субъективного гражданского права (определяемые в том числе критериями разумности и добросовестности) для достижения своей незаконной скрытой цели с использованием формализма и недостатков гражданского права, как то: абстрактность, узость, пробелы, оговорки, ошибки, противоречия правовых норм и договорных условий»⁵.

По Е.А. Одегнал, злоупотребление – «осуществление... субъективного права в рамках предоставленных законом возможностей, результаты которого выходят за установленные законодателем пределы правомерного осуществления права по причине умысла на причинение вреда, независимо от его реализации, или объективного причинения вреда правам и законным интересам других лиц»⁶.

¹ Дурново, Н.А. Указ. соч. С. 9.

² Там же. С. 20–21.

³ См.: Червонюк, В.И. Указ. соч. С. 168.

⁴ См.: Волков, А.В. Указ. соч. С. 172–173.

⁵ Там же. С. 257.

⁶ Одегнал, Е.А. Указ. соч. С. 7.

По итогам краткого рассмотрения вышеназванных позиций отметим, что концепция В.П. Грибанова о пределах осуществления субъективного права, действительно, спорна, а ее критика, напротив, обоснована.

Однако отказ от категории пределов права при характеристике злоупотребления неверен. Мы согласны с А.В. Волковым, что в объективном праве заложены пределы и границы субъективного права¹.

Границы субъективного права устанавливаются запретительными и обязывающими нормами, в том числе уголовными, административно-правовыми.

Так, одна из границ права на информацию – запрет распространения средствами массовой информации содержащих нецензурную брань материалов².

Пределы субъективного права не установлены напрямую нормативными правовыми актами и вытекают из общеправовых и отраслевых принципов.

Мы не разделяем определения пределов через временные, субъектные и подобные границы: за ними отсутствует право, на реализацию которого направлено вступление лица в правоотношение.

Также полагаем ошибочным в качестве пределов использовать нравственность, мораль: определение юридической категории через не связанные непосредственно с юридической наукой понятия не способствует адекватному пониманию такой категории в науке и практике. То есть право как социальный регулятор поддерживает общественную нравственность на должном уровне, однако из этого не следует, что нравственность должна лечь в основу признания поведения в качестве злоупотребительного.

Предлагаем общими пределами считать добросовестность (в объективном смысле) и разумность поведения. Добросовестным мы называем стандартное поведение лица, действующего без умысла причинить вред другому лицу. Разумными «являются действия, которые совершил бы при определенных

¹ См.: Волков, А.В. Указ. соч. С. 172–173.

² См.: Закон о СМИ. Ст. 4. Ч. 1.

обстоятельствах добросовестный человек, обладающий нормальным (средним) уровнем интеллекта, знаний и жизненного опыта»¹.

Специальные пределы устанавливаются в конкретной отрасли права. Безусловно, не у каждой управомочивающей нормы может быть установлено ее назначение. Это и не нужно: законодатель через отраслевые нормы-принципы и нормы-цели определяет назначение конкретных института, подотрасли или отрасли права. Нормы же права, входящие в такие институт, подотрасль или отрасль, соответствуют установленному законодателем назначению.

В этой связи еще одним признаком злоупотребления правом является нарушение лицом пределов (общих, специальных) субъективного права.

Наконец, к признакам злоупотребления правом относится незаконный интерес, наличие которого презюмируется, если лицо нарушило пределы субъективного права. Под незаконным понимается интерес, нацеленный на нарушение общеправовых принципов, в том числе принципа недопустимости использования своих субъективных прав в ущерб другому лицу.

Если будет установлено, что лицо действовало явно недобросовестно и неразумно, чем нарушило общий предел субъективного права, однако доказано, что при этом лицо не преследовало незаконного интереса, то поведение такого лица нельзя признать злоупотребительным.

В связи с изложенным под злоупотреблением правом мы понимаем умышленное деяние (действие или бездействие) управомоченного субъекта правоотношения, создавшее угрозу причинения вреда другому лицу, обществу, государству либо причинившее такой вред, и осуществленное при нарушении пределов субъективного права в целях удовлетворения незаконного интереса.

Перечисленные признаки злоупотребления правом имеют принципиальное значение при характеристике злоупотребления правом как явления, соотносящегося с категориями правомерного и противоправного поведения.

¹ Емельянов, В.И. Недопустимость злоупотребления гражданскими правами по российскому законодательству : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2001. С. 5–6.

Условно позиции исследователей возможно разделить на четыре направления по критерию соотношения понятий «злоупотребление правом», «правомерное поведение», «противоправное поведение» и «правонарушение».

Согласно первой позиции, злоупотребление правом есть не что иное, как противоправное поведение.

К примеру, В.Н. Кудрявцев правовое поведение разделял на правомерное и противоправное: правомерное поведение направлено на укрепление общественных отношений, в то время как противоправное – на его ослабление; мотивом правомерного поведения является осознание своего долга, общественная потребность в действии, законный личный интерес, а противоправного – индивидуализм, корысть, эгоизм, агрессия; существование норм управомочивающих и обязывающих характерно для правового регулирования правомерного поведения, а запретительных – противоправного¹.

К правомерному исследователь относил возможное (в текущих социально-экономических условиях), необходимое (уплата налогов), желательное (творчество) и социально допустимое (бесполезное и даже вредоносное, но не нарушающее законодательных запретов) поведение, а к противоправному – невыполнение юридических обязанностей, нарушение нормативных запретов и злоупотребление правом².

В.П. Грибанов считал злоупотребление правом поведением противоправным и «противоречащим правовым принципам... системы, отрасли или института права», хотя и не нарушающим конкретную норму права³.

О нарушении принципа недопустимости злоупотребления правом при злоупотребительном поведении говорят С.Г. Зайцева, А.В. Юдин и А.В. Волков⁴.

¹ См.: Кудрявцев, В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 39–40, 191.

² См.: Кудрявцев, В.Н. Указ. соч. С. 93–96, 198–199.

³ См.: Грибанов В.П. Указ. соч. С. 52–53.

⁴ См.: Волков, А.В. Указ. соч. С. 193–194; Зайцева, С.Г. Указ. соч. С. 9; Юдин, А.В. Указ. соч. С. 23.

Н.И. Тюрина отмечает, что злоупотребление правом – разновидность правонарушения, потому что осуществляется «выход за пределы установленного законом объема реализации субъективного права»¹.

О разделении противоправного поведения на преступления, проступки и злоупотребления правом говорит П.А. Избрехт, выделяющий в рамках гражданских правонарушений злоупотребление правом².

По мнению Е.А. Цикунова, злоупотребление правом – хотя и разновидность противоправного поведения, но не правонарушение, поскольку отсутствуют признаки виновности и наказуемости, характерные для правонарушения³.

Я.А. Смирнова приходит к выводу, что различия между деликтом и злоупотреблением правом дают основания для отнесения злоупотребления к особому виду противоправного деяния. Одним из различий исследователь называет презумпцию вины в деликтных отношениях и презумпцию добросовестности – при злоупотребительном поведении⁴.

В.И. Крусс злоупотребление правом относит к противоправному поведению, правонарушение – к крайней форме такого поведения (автор считает, что никто не может нарушать право, поэтому при его нарушении лицо уже не осуществляет право)⁵.

Злоупотребление правом как противоправное поведение рассматривают также М.М. Агарков и Т.В. Дерюгина⁶.

Представители другой позиции полагают, что злоупотребление правом – правомерное поведение.

¹ Тюрина, Н.И. Правомерное поведение как объект юридического исследования : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2003. С. 12.

² См.: Избрехт, П.А. Злоупотребление гражданскими правами в сфере предпринимательской деятельности : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.03. Екатеринбург, 2005. С. 12–13.

³ См.: Цикунов, Е.А. Указ. соч. С. 8.

⁴ См.: Смирнова, Я.А. Указ. соч. С. 48–49.

⁵ См.: Крусс, В.И. Указ. соч. С. 61–71.

⁶ См.: Агарков, М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве С. 436; Дерюгина, Т.В. Указ. соч. С. 123–126.

Так, В.А. Белов отмечает, что злоупотреблению правом присущи такие характеристики, как поведение в рамках правореализации и наступление негативных последствий для злоупотребляющего. Однако, по мнению автора, претерпевание негативных последствий при реализации права возможно лишь в случае, если злоупотребление правом рассматривается как правомерное деяние¹.

А.Е. Наумов полагает, что пока законодатель не запретит злоупотребление правом, оно является правомерным, даже если вредоносно: злоупотребляющий реализует свое субъективное право. При установлении же запрета оно становится правонарушением: лицо, нарушая запрет, действует за пределами субъективного права².

С.Н. Кожевников относил злоупотребление правом к правомерному поведению, однако отмечал, что оно не является общественно полезным³.

А.А. Ноянова предлагает рассматривать злоупотребление правом «как правомерное, но противоречащее нравственным требованиям долга, совести, справедливости и ответственности и, в силу этого, характеризующееся как социально неприемлемое поведение субъекта»⁴.

Представители третьей позиции рассматривают злоупотребление правом в качестве самостоятельного явления, не совпадающего в полной мере по признакам как с правомерным, так и с противоправным поведением.

Так, С.А. Окусова полагает, что злоупотребление правом равноудалено от правомерного и противоправного поведения, поскольку по форме злоупотребление правом, а по содержанию – противоправно⁵.

¹ См.: Белов, В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части : учебник. М., 2003. С. 363.

² См.: Наумов, А.Е. Указ. соч. С. 7.

³ См.: Кожевников, С.Н. Правомерное поведение и правонарушение. Сущность и содержание : учебно-методическое пособие по курсу «Общая теория права». Н. Новгород, 2001. С. 19–20.

⁴ См.: Ноянова, А.А. Нравственно-правовые начала арбитражного судопроизводства в Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. Саратов, 2016. С. 21.

⁵ См.: Окусова, С.А. Злоупотребление правом как способ реализации правовой нормы: критерии определения // Юрист–Правоведъ. 2011. № 4. С. 97.

Е.А. Титова находит отличие злоупотребления правом от правонарушения в том, что объективная сторона злоупотребления носит внешне правомерный характер, нарушения запретов отсутствуют, но имеется вред от злоупотребления¹.

Е.М. Офман различает злоупотребление правом и правонарушение через пенализацию (за злоупотребление наказание не предусмотрено, а за правонарушение установлена санкция), а также исходя из вредности деяния².

М.В. Ибрагимова замечает, что существует два вида логического деления: дихотомическое (деление объема понятия на две взаимоисключающие части) и по видоизменению признака («выделение в объеме понятия объектов, которым признак, служащий основанием деления, присущ в различной степени»)³. На основании дихотомического деления выделено правомерное и противоправное поведение. Исходя же из второго вида деления, приведены типы правового поведения, сочетающие в себе признаки правомерного и противоправного поведения: злоупотребление правом (соответствие нормам права и наличие вреда) и объективно противоправное поведение (нарушение права есть, но вреда нет)⁴.

К представителям указанной концепции также возможно отнести В.В. Ларина и В.И. Червонюка⁵.

Наконец, представители четвертой концепции констатируют, что злоупотребление правом в определенных ситуациях может носить как правомерный, так и противоправный характер.

Например, Н.А. Дурново выделяет противоправное злоупотребление правом («поведение... не нарушающее нормы права, а в пределах субъективного права, но выходящее за установленные пределы осуществления прав») и правомерное

¹ См.: Титова, Е.А. Юридический состав злоупотребления правом: общетеоретическая характеристика // Сборник 2019 г. С. 416.

² См.: Офман, Е.М. Указ. соч. С. 29–30, 35, 46.

³ См.: Ибрагимова, М.В. Злоупотребление субъективным гражданским правом: понятие, сущность, виды и последствия : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.03. Рязань, 2005. С. 16.

⁴ См.: Ибрагимова, М.В. Указ. соч. С. 16–17.

⁵ См.: Ларин, В.В. К вопросу о противоправности злоупотребления правом // Право и политика. 2007. № 3. С. 26–30; Червонюк, В.И. Указ. соч. С. 166–170.

злоупотребление правом («поведение... в границах субъективных прав, осуществляемое хоть и в пределах их осуществления, но причиняющее вред другим субъектам и не охраняемое государством»)¹. Автор подчеркивает, что как противоправное злоупотребление правом не является правонарушением, так и правомерное – не может быть правомерным поведением².

А.А. Малиновский разделяет злоупотребление правом на правомерное и противоправное, а критерием для разделения называет нарушение норм. Если поведение не противоречит нормам права, но нарушает нормы нравственности, то имеет место правомерное злоупотребление правом; если нарушается норма права (запрет злоупотребления правом), то – противоправным (при нарушении иного запрета, за которое установлено наказание, – правонарушение)³.

Не все исследователи согласны с А.А. Малиновским. Так, Е.М. Офман возражает против понятия «правомерное злоупотребление правом» как нелогичного и порочного. Выступает автор и против признаков противоправного злоупотребления: по ее мнению, это обычное правонарушение⁴. Противником понятия «правомерное злоупотребление правом» является и С.Д. Радченко⁵.

Мы также не можем согласиться с критериями, на основании которых Н.А. Дурново и А.А. Малиновский разделяют правомерное и противоправное злоупотребление правом. Как спорно выделение пределов осуществления права (следовательно, классификация Н.А. Дурново неоднозначна), так спорно и применение норм нравственности при характеристике юридического понятия (а значит, подмываются основы классификации А.А. Малиновского).

Е.А. Одегнал выступает против отождествления правонарушения, правомерного поведения и злоупотребления правом: злоупотребление может выражаться как в формально правомерном, так и в противоправном поведении (и

¹ См.: Дурново, Н.А. Указ. соч. С. 10.

² См.: Там же. С. 9.

³ См.: Малиновский, А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). С. 85, 151, 201, 257.

⁴ См.: Офман, Е.М. Указ. соч. С. 15–16.

⁵ См.: Радченко, С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2007. С. 17–18.

даже в правонарушении). Такая неоднозначность и трансформируемость, полагает автор, не должна препятствовать существованию злоупотребления как категории, но подтверждает, что это явление отчасти фикция, которую нельзя однозначно применить для правомерного или противоправного поведения¹.

Схожей позиции придерживается В.А. Толстик, отмечающий, что В.Н. Кудрявцев разделил правомерное поведение на три вида: общественно необходимое, желательное и допустимое. Исследователь предлагает в рамках допустимого поведения выделять социально оправданное допустимое (право на забастовку) и социально не оправданное допустимое (злоупотребление правом)².

При этом В.А. Толстик отмечает, что злоупотребление правом возможно в форме не только социально не оправданного допустимого правомерного, но и противоправного (в том числе преступного) поведения³.

О трех формах злоупотребления правом говорит также О.Н. Бармина – «вредоносное поведение, в отношении которого отсутствуют карательные нормы, правонарушение и преступление»⁴.

Э.Р. Вагизова предлагает рассматривать два вида злоупотребления – поведение, не нарушающее нормы права, и правонарушение. По ее мнению, злоупотребление правом может переходить в правонарушение⁵.

По итогам рассмотрения концепций представим авторскую позицию по соотношению понятий «злоупотребление правом», «правомерное поведение», «противоправное поведение» и «правонарушение».

Ранее отмечалось, что злоупотребляет правом именно управомоченное лицо, такое злоупотребление вредоносно и совершается при нарушении пределов субъективного права в целях удовлетворения незаконного интереса.

¹ См.: *Одегнал, Е.А.* Указ. соч. С. 8, 13–15.

² См.: *Толстик, В.А.* Указ. соч. С. 108–110.

³ См.: *Толстик, В.А.* К вопросу о злоупотреблении правом // Государственная власть и местное самоуправление. 2001. № 3. С. 48.

⁴ См.: *Бармина, О.Н.* Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ. С. 11.

⁵ См.: *Вагизова, Э.Р.* Указ. соч. С. 45–48, 52.

Мы полагаем, что данные характеристики в значительной степени предоставляют возможность разграничить вышеназванные понятия.

Поскольку злоупотребление правом совершается управомоченным субъектом, злоупотребительное поведение не может быть выражено в форме правонарушения: правореализация за границами права, устанавливаемыми посредством законодательных запретов, за нарушение которых лицо может быть привлечено к юридической ответственности, невозможна.

Безусловно, никому не дано право на совершение правонарушения. И поскольку у лица, совершившего правонарушение, изъята конкретная форма реализации права, которая бы приводила к правонарушению, говорить о злоупотреблении таким правом не представляется возможным.

При этом границы субъективного права изменяются: законодатель совершенствует правовое регулирование и переводит в разряд правонарушений деяния, ранее бывшие злоупотреблением правом. Так, в марте 2019 г. вступили в силу законы, ограничившие распространение недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений (фейк-ньюс)¹. За такое распространение введена административная ответственность – законодатель установил границы права на информацию². Очевидно, до вступления в силу данных законов распространитель недостоверной информации злоупотреблял своим правом на информацию, однако в день их вступления в силу у него исчезло такое право: распространение фейк-ньюс стало правонарушением.

Следует отметить, что мы против отождествления противоправного поведения и правонарушения, в связи с чем признание того факта, что злоупотребление правом не может быть правонарушением, не свидетельствует о том, что злоупотребление правом не является противоправным поведением.

¹ См.: Федеральный закон № 27-ФЗ; О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12, ст. 1221.

² См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. I, ст. 1; 2024. № 1, ч. I, ст. 50 (далее – КоАП РФ). Ст. 13.15. Ч. 9–11.

Действительно, правонарушение и противоправное поведение имеют общие черты: они соотносятся как общее и частное, поскольку оба социально вредны, то есть способны причинить вред интересам другого лица, общества и государства в отсутствие законных оснований, и нарушают запреты, установленные законодательством или вытекающие из него.

Однако при противоправном поведении лицо нарушает запреты, вытекающие как из общих принципов правового регулирования, так и из конкретных норм права. При правонарушении же преступаются конкретные установленные законом запреты, за нарушение которых лицо может быть привлечено к юридической ответственности.

То есть при противоправном поведении лицо нарушает пределы субъективного права, при правонарушении же лицо преступает уже границы субъективного права.

Таким образом, наши рассуждения в данной части сводятся к основному вопросу: «Злоупотребление правом – это правомерное поведение, противоправное поведение или некое иное правовое явление?».

Мы высоко оцениваем позицию исследователей, считающих, что злоупотребление правом может носить как правомерный, так и противоправный характер, а также исследователей, относящих злоупотребительное поведение к самостоятельному правовому явлению, не совпадающему в полной мере по признакам как с правомерным, так и с противоправным поведением.

Безусловно, в злоупотреблении правом возможно обнаружить признаки как правомерного, так и противоправного поведения: все зависит от того, что конкретный ученый понимает под правомерным и противоправным поведением.

Как выше отмечено, нередко злоупотребление правом воспринимается как правомерное по форме, но противоправное по содержанию поведение. В таком утверждении имеется логика, если под правомерным понимается такое деяние, за совершение которого не установлены меры юридической ответственности.

Однако в случае отказа от отождествления противоправного поведения и правонарушения и представления противоправного поведения как явления

общего по отношению к правонарушению данное положение становится менее очевидным, поскольку непонятно, какое в таком случае по форме противоправное поведение, если оно, очевидно, не совпадает по форме с правонарушением? Как отличить правомерное и противоправное поведение?

Мы предлагаем, руководствуясь принципом единства формы и содержания, рассматривать злоупотребление правом как цельное явление, в котором форма и содержание представляют собой взаимосвязанные и взаимозависимые характеристики данного явления.

В этой связи полагаем, что явно противопоставлять форму и содержание злоупотребления правом спорно, поэтому его выделение в качестве особого вида явления правовой природы, равно как явления, которое может быть и правомерным, и противоправным, нам представляется нецелесообразным.

То есть вопрос заключается лишь в том, злоупотребление правом – это правомерное или противоправное явление.

По нашему мнению, злоупотребление правом, безусловно, является поведением противоправным в связи со следующим.

Во-первых, такое злоупотребительное поведение совершается при нарушении пределов (общих или специальных) субъективного права.

То есть причисление по крайней мере недобросовестного или неразумного поведения к правомерному мы полагаем спорным: напротив, такое поведение, если имеются иные признаки злоупотребления правом, должно относиться к противоправному, поскольку лицо использует имеющееся у него право «во зло».

При этом лицо при злоупотреблении правом преступает и конституционный запрет на нарушение прав и свобод других лиц при осуществлении прав, установленный статьей 17 Конституции Российской Федерации. Нарушение данного запрета явно несвойственно правомерному использованию прав, в то время как для злоупотребления правом такое нарушение презюмируется.

Во-вторых, злоупотребление правом вредоносно, то есть влечет или может повлечь наступление негативных последствий для других лиц.

Безусловно, причинение вреда может повлечь и правомерное деяние (к примеру, нанесение телесных повреждений преступнику при его задержании сотрудниками правоохранительных органов), однако полагаем, что это скорее исключение, чем правило. Напротив, для противоправного поведения характерна именно вредоносность, поскольку в противном случае у законодателя бы отсутствовали причины для регламентации осуществления некоторых прав, установления обязанностей (в том числе действовать добросовестно) и запретов.

В-третьих, злоупотребление правом является противоправным поведением, поскольку злоупотребляющий преследует незаконные, то есть идущие вразрез с правовым регулированием, цели. Для поведения же правомерного такие цели не свойственны: законодатель исходит из презумпции того, что субъективное право будет реализовано в целях, не противных правопорядку.

Наконец, не можем не согласиться с критериями, на основании которых правомерное и противоправное поведение разделял В.Н. Кудрявцев.

Действительно, правомерное поведение направлено на укрепление общественных отношений, противоправное – на его ослабление; мотивом правомерного поведения является осознание своего долга, общественная потребность в действии, законный личный интерес, а противоправного – индивидуализм, корысть, эгоизм, агрессия.

Как следствие, полагаем, что злоупотребление правом представляет собой противоправное, но при этом не правонарушающее поведение.

По результатам рассмотрения общих вопросов остановимся на особенностях злоупотребления правом в информационных отношениях.

Во-первых, поскольку единственным объектом информационных правоотношений является информация, злоупотребление правом проявляется в отношениях по поиску, получению, передаче, производству, распространению информации, ограничению доступа третьих лиц к информации без согласия управомоченного лица и ограничению получения информации от третьих лиц.

Как установлено ранее, информация выступает объектом правоотношений в различных формах и с разным содержанием, например: передаваемые

посредством диалога устные сообщения, комментарии под публикациями в социальных сетях, сведения об окружающем мире, информация правового характера, подлежащая предоставлению, охраняемая законом тайна (государственная, коммерческая, личная и семейная, профессиональные тайны – налоговая, адвокатская, врачебная, тайна исповеди и т.д.), цифровые данные.

И поскольку такие явления информационной природы, как результаты интеллектуальной деятельности, имущественные права (безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права), большая часть нематериальных благ, за исключением личной и семейной тайны, не являются информацией, злоупотребление правом, к примеру, при использовании объекта интеллектуальной собственности не рассматривается нами в качестве злоупотребления правом в информационных правоотношениях.

Во-вторых, злоупотребляющим субъектом может быть обладатель, потребитель и распространитель информации. С точки зрения общей теории права указанные субъекты могут быть физическими, юридическими лицами (частного или публичного права), объединениями физических лиц.

При этом один и тот же субъект может выступать как обладателем, так и потребителем или распространителем информации.

К примеру, орган публичной власти, которому предоставляется та или иная информация, выступает в качестве потребителя информации. При этом данный орган вправе при наличии у него на то полномочий ограничить доступ к противоправной информации, то есть выступает как обладатель информации, которому на основании закона предоставлено право ограничивать доступ к информации для третьих лиц.

Аналогичный пример возможно привести применительно к оператору поисковой системы: при поступлении в его адрес обращений граждан, желающих воспользоваться «правом на забвение», он выступает потребителем информации, при выполнении обязанности прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, на которой размещается противоправная информация, он

может быть признан обладателем информации, но при этом во всяком случае основной статус такого оператора – распространитель информации.

В-третьих, злоупотребление правом выражается в использовании права на информацию, на защиту информации и на защиту от информации во вред другим субъектам правоотношений.

В ходе злоупотребительного поведения фактически происходит конфликт между информационными правами: так, праву на информацию по определению противостоит право на защиту информации, а в ситуации злоупотребления право на информацию одного субъекта используется во вред праву на защиту информации другого (к примеру, удовлетворение обывательского интереса к частной жизни может нанести моральный вред лицу, которое не желает, чтобы сведения о его личной тайне подлежали раскрытию третьим лицам). Схожая ситуация наблюдается при анализе взаимодействия права на информацию и права на защиту от информации (например, в случае назойливой рекламы, согласие на получение которой субъект, имеющий право на защиту от информации, не давал).

Три названных отличия – следствия из приведенных в настоящей работе положений об объекте, субъекте и содержании информационных правоотношений, но этим отличия злоупотребления правом в информационных правоотношениях от злоупотреблений в иных правоотношениях не ограничиваются.

В-четвертых, существенным отличием выступают специальные пределы субъективных прав в информационных правоотношениях, установленные законодателем прежде всего через закрепление норм-принципов в Федеральном законе № 149-ФЗ, который является основополагающим для регулирования информационных правоотношений.

Предваряя их рассмотрение, отметим справедливость замечания Л.К. Терещенко, которая со ссылкой на позицию Конституционного Суда Российской Федерации отмечает, что «установление пределов права на информацию, выражающихся в установлении законодателем специальных правовых режимов должно быть увязано, во-первых, с содержанием информации,

и во-вторых, с законодательно определенным специальным правовым статусом соответствующей информации»¹.

То есть предел информационных прав зависит от правового режима, установленного в отношении конкретных сведений.

Первый предел – свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом – представлен для общего правового режима информации². Суть указанного предела двояка.

С одной стороны, при выборе не соответствующего закону способа поиска информации предел нарушается.

С другой стороны, право на информацию «может быть ограничено лишь на основании федерального закона в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»³, что является вторым пределом информационных прав и основой для установления специального правового режима информации.

Нарушение данных пределов, выраженное в воспрепятствовании гражданину в поиске необходимой информации (к примеру, неправомерный отказ органа публичной власти в предоставлении запрашиваемых сведений), может быть квалифицировано как злоупотребление правом на защиту информации.

Третий предел – достоверность и своевременность предоставления информации. Распространение несоответствующих действительности сведений может расцениваться как злоупотребление правом на информацию⁴.

Наконец, четвертый предел – неприкосновенность частной жизни, выражающаяся в недопустимости сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия⁵.

¹ Терещенко, Л.К. Правовой режим информации. С. 291.

² См.: Федеральный закон № 149-ФЗ. Ст. 3. П. 1, 3.

³ См.: Конституция России. Ст. 55. Ч. 3; Федеральный закон № 149-ФЗ. Ст. 3. П. 2.

⁴ См.: Федеральный закон № 149-ФЗ. Ст. 3. П. 6.

Таким образом, суть пределов субъективных прав в информационных отношениях сводится к соблюдению общего и специального правовых режимов в отношении информации, а нарушение таких пределов может свидетельствовать о факте злоупотребления правом (при наличии иных признаков злоупотребления).

В отношении вопроса о соотношении злоупотребления правом и противоправного поведения в информационных правоотношениях следует отметить, что такие злоупотребления, как и в иных отраслях права являются противоправными по своей сути, но не правонарушающими.

Так, если гражданин без достаточных оснований обращается неоднократно в один и тот же орган власти с одинаковыми заявлениями, на которые ему давался ответ, он злоупотребляет правом: за такие действия не последует применения мер юридической ответственности, при этом они препятствуют реализации органами власти своих полномочий, поскольку их должностные лица отвлекаются на однотипные заявления от одного и того же лица.

В качестве реакции на такое поведение предусмотрено право органа власти «принять решение о безосновательности очередного обращения и прекращении переписки с гражданином по данному вопросу»¹.

Другой пример – гражданин разглашает в обращении в органы власти сведения конфиденциального характера о частной жизни другого человека без его согласия и без веских оснований для этого, чем нарушает предел субъективного права на защиту информации (неприкосновенность частной жизни). Лицо, которому причинен вред от разглашения сведений, может потребовать защиты от посягательств на специальный правовой режим информации.

Подводя итог, выделим основные моменты о злоупотреблении правом как феномене, характерном также для информационных правоотношений.

⁵ См.: Там же. Ст. 3. П. 7; о покушении на частную жизнь человека см., напр.: *Журавлев, М.С.* Персональные данные в трудовых отношениях: допустимые пределы вмешательства в частную жизнь работника // *Информационное право.* 2013. № 4. С. 35–38.

¹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2006. № 19, ст. 2060; 2023. № 32, ч. I, ст. 6212 (далее – *Федеральный закон № 59-ФЗ*). Ст. 10. Ч. 5.

Во-первых, злоупотребление правом – умышленное деяние (действие или бездействие) управомоченного субъекта правоотношения, создавшее угрозу причинения вреда другому лицу, обществу, государству либо причинившее такой вред, и осуществленное при нарушении пределов субъективного права в целях удовлетворения незаконного интереса.

Данная дефиниция носит универсальный характер и применяется для характеристики злоупотребления правом в информационных правоотношениях с учетом специфики информационных правоотношений и, как следствие, злоупотреблений правом в информационных правоотношениях.

Во-вторых, одним из важнейших признаков злоупотребления правом является нарушение пределов субъективного права – общих (добросовестность и разумность) и специальных (соблюдение отраслевых норм-принципов и норм-целей). При этом одной из особенностей злоупотребления правом в информационных правоотношениях являются специальные пределы информационных прав, в общем виде формулируемые как соблюдение всеми субъектами информационных правоотношений общего и специального правового режима в отношении информации.

В-третьих, злоупотребление правом как поведение за пределами субъективного права, но в границах такого права является разновидностью противоправного поведения, при этом не является правонарушением.

Наконец, в информационных правоотношениях злоупотребление правом содержательно проявляется в отношениях по поиску, получению, передаче, производству, распространению информации (право на информацию), ограничению доступа третьих лиц к информации без согласия управомоченного лица (право на защиту информации) и ограничению получения информации от третьих лиц (право на защиту от информации), а злоупотребляющим субъектом может быть обладатель, потребитель и распространитель информации.

2.2. Виды злоупотреблений правом в информационных правоотношениях

Практика, как известно, есть критерий истины. В настоящем параграфе анализируются случаи злоупотребления правом в информационных

правоотношениях в первую очередь с опорой на правоприменительную практику. В целях упорядочения видов злоупотребительного поведения указанные случаи классифицированы по различным критериям.

Первый критерий классификации – субъективное право, которым субъект злоупотребляет (права на информацию, на защиту информации и на защиту от информации). Соответственно, выделяются злоупотребления правами на информацию, на защиту информации, на защиту от информации.

Право на информацию включает в себя поиск, получение, передачу, производство, распространение сведений.

При поиске и получении информации субъект может нарушить пределы права: например, вторгнуться в частную жизнь физического лица с целью получения интересующих сведений.

Так, в деле, дошедшем до ЕСПЧ¹, журналисты опубликовали интимные фотографии, полученные посредством негласной видеозаписи в отношении деятеля Международной автомобильной федерации. Суд признал, что данные действия нарушали право на частную жизнь: хотя лицо является публичной фигурой, общественный интерес в публикации фотографий отсутствовал².

В другом деле ЕСПЧ согласился с национальными судами в том, что публикация журналистами подробностей о лечении известной манекенщицы в центре анонимных наркоманов (с приложением негласно сделанных фотографий около центра) хотя и отвечала общественным интересам, но была неоправданным вмешательством в частную жизнь³.

К схожим выводам пришел ЕСПЧ и по делу о распространении фотоизображений участницы громкого уголовного процесса: хотя ко времени создания изображений женщина была известна обществу, в распространении

¹ Подробнее о практике ЕСПЧ в части злоупотребления правом на информацию см.: Колесниченко, В.А. Злоупотребление правом на информацию в практике Европейского суда по правам человека // Закон и право. 2021. № 12. С. 15–18.

² См.: *Mosley v. the United Kingdom*, application no. 48009/08, Judgment of 10 May 2011 // The HUDOC database. §§ 9–28.

³ См.: *MGN Limited v. the United Kingdom*, application no. 39401/04, Judgment of 18 January 2011 // The HUDOC database. §§ 6–82, 137–156.

информации о ней имелся общественный интерес, но была очевидна назойливость, с которой сделаны фотографии (она запечатлена в слезах и в состоянии сильного стресса, эмоционально потрясенная)¹.

Не только журналисты злоупотребляют правом на информацию. В одном деле отчим несовершеннолетней девушки поместил видеокамеру в корзине для белья так, чтобы она фиксировала процесс раздевания девушки перед принятием душа. По итогу судебных разбирательств национальные суды оправдали отчима из-за несовершенства уголовного закона. И лишь ЕСПЧ признал нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее – ЕКПЧ*)², гарантирующей право на уважение частной и семейной жизни³.

Также злоупотребления могут быть при запросах о предоставлении сведений на основании статьи 91 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». Так, суд отказал акционеру в иске о понуждении повторно представить ранее представленные документы⁴.

В другом деле суд указал, что отказ акционеру в предоставлении информации правомерен, если запрашивающий является директором организации-конкурента, а сведения относятся к конкурентной сфере, ввиду чего их передача навредит интересам предоставляющего сведения общества⁵.

Как отметил Высший арбитражный суд Российской Федерации, «суд может отказать в удовлетворении требования участника, если будет доказано наличие в

¹ См.: *Egeland and Hanseid v. Norway*, application no. 34438/04, Judgment of 16 April 2009 // The HUDOC database. §§ 7–18, 56–65.

² Здесь и далее положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод применяются с учетом того, что с 16 марта 2022 г. указанный акт считается прекратившим действие в отношении Российской Федерации на основании Федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы», см.: О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 10, ст. 1566. П. 8–18.

³ См.: *Söderman v. Sweden*, application no. 5786/08, Judgment of 12 November 2013 // The HUDOC database. §§ 11–26, 86–117.

⁴ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 июня 2020 г. по делу № А40-259924/2019 // Картотека арбитражных дел.

⁵ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 14 ноября 2012 г. по делу № А50-2205/2012 // Картотека арбитражных дел.

его действиях злоупотребления правом (...), о злоупотреблении правом на информацию свидетельствует то, что участник, обратившийся с требованием о предоставлении информации, является фактическим конкурентом хозяйственного общества (либо его аффилированным лицом), а запрашиваемая информация носит характер конфиденциальной, относится к конкурентной сфере, и ее распространение может причинить вред коммерческим интересам общества»¹.

Имеется практика по делам об обращении граждан в органы власти.

Например, граждане (в том числе адвокаты) требуют предоставить информацию, в отношении которой установлен режим тайны². Так, лицо настойчиво требовало направить в его адрес эпикриз другого лица³.

Отметим положения Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – *Федеральный закон № 59-ФЗ*) о праве должностных лиц не отвечать на обращения, в которых содержатся оскорбления и угрозы в адрес таких лиц. Подобные обращения граждан хотя и нечасты, но встречаются⁴.

К другим случаям злоупотреблений относятся неоднократные обращения с одними и теми же вопросами в орган, дававший ответ на поставленные вопросы. Работа с такими обращениями регулируется Федеральным законом № 59-ФЗ, который позволяет не отвечать на такие обращения.

¹ О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ : информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 18 января 2011 г. № 144 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 3. С. 144–145. П. 1.

² См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 апреля 2020 г. по делу № 16-1551/2020 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие»); Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12 ноября 2019 г. по делу № 88а-260/2019 // ГАС «Правосудие».

³ См.: Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2020 г. по делу № 16-830/2020 // ГАС «Правосудие».

⁴ См., напр.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 февраля 2020 г. по делу № 88А-2512/2020 // ГАС «Правосудие»; Апелляционное определение Московского городского суда от 24 апреля 2019 г. по делу № 33-19355/2019 // ГАС «Правосудие».

Так, кверулянт в силу своего желания обличить другое лицо обращается с жалобами в органы власти¹. Этим гражданин наносит вред порядку управления: орган власти вынужден давать ответы на одни и те же вопросы в ущерб времени, положенному на рассмотрение иных обращений.

В этой связи существование такой нормы оправданно, что подтверждает Конституционный Суд Российской Федерации, отмечая, что норма «направлена на предотвращение злоупотребления... правом обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления путем многократного направления обращений, совпадающих по своему предмету и основаниям»².

Упомянем и другой пример злоупотребления правом. Гражданин на протяжении более чем двух лет обращался в органы прокуратуры на украинском языке и требовал рассмотрения обращений. Получая отказ в рассмотрении, гражданин его обжаловал, апеллируя к тому, что он вправе самостоятельно выбирать язык обращения, а органы власти обязаны обеспечить перевод на русский язык. В общей сложности через судебные инстанции прошло более сорока таких жалоб. Суды отмечали, что лицо свободно владеет русским языком (процессуальные документы составлены именно по-русски), русский является государственным языком, в связи с чем обращения на ином языке свидетельствуют о злоупотреблении правом³.

¹ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2021 г. по делу № 88а-7512/2021 // ГАС «Правосудие»; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27 января 2021 г. по делу № 88а-1045/2021 // ГАС «Правосудие».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Михайлина Виктора Евгеньевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 1114-О // СПС «КонсультантПлюс»; См. также: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Дорофеева Максима Леонидовича и Евсюкова Сергея Борисовича на нарушение их конституционных прав частью 5 статьи 11 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2019 г. № 840-О // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., напр.: Апелляционное определение Белгородского областного суда от 27 сентября 2018 г. по делу № 33а-5068/2018 // ГАС «Правосудие»; Апелляционное определение Белгородского областного суда от 25 марта 2019 г. по делу № 33а-2445/2019 // ГАС «Правосудие».

Конституционный Суд Российской Федерации на жалобу этого гражданина отметил, что право на обращение на ином языке, чем русский, имеется у лиц, не владеющих государственным языком, произвольный же выбор языка обращения в органы власти не допускается¹.

Органы власти также могут злоупотребить правом на информацию, к примеру, собирая сведения о частной жизни человека и нарушая тайну связи в том числе через массовый, неконтролируемый перехват телефонных переговоров, сообщений, направляемых посредством сети электросвязи.

Признание незаконными действий силовых органов в национальных судах если и встречается, то, скорее, как исключение. При этом ЕСПЧ не раз устанавливал нарушение государствами пункта 1 статьи 8 ЕКПЧ, гарантирующего право на уважение корреспонденции человека.

Так, в деле по жалобе Романа Захарова заявитель отмечал, что его право на неприкосновенность частной жизни нарушено операторами связи, установившими на основании требований ФСБ России специальные технические средства для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий на сетях электросвязи². Эти средства могли контролировать исходящие и входящие вызовы абонентов, предоставлять данные об их месторасположении, осуществлять контроль соединений, обеспечивающих передачу телефонной и нетелефонной информации, а также обеспечивать возможность прослушивания разговоров абонента в реальном времени представителями силовых органов.

ЕСПЧ установил, что властями не определено, за подозрение в совершении каких преступлений применяются данные средства в отношении абонента. Кроме того, из законодательства неясно, переговоры каких групп лиц могут быть

¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сергиенко Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 1 и 3 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации», а также положениями статей 3 и 15 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 3085-О // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: *Roman Zakharov v. Russia*, application no. 47143/06, Judgment of 4 December 2015 // The HUDOC database.

перехвачены, как долго ведется наблюдение, каким образом собранные данные исследуются, используются, хранятся и уничтожаются, какие меры принимаются при передаче данных третьим лицам.

В итоге ЕСПЧ заключил, что фактически любой человек может быть по инициативе силовых органов прослушан, от чего, по мнению ЕСПЧ, не спасает предусмотренное законодательством предварительное судебное разрешение на осуществление прослушивания.

Не менее известно дело против Великобритании, одним из поводов для возбуждения которого стало заявление Э. Сноудена о применении британскими и американскими спецслужбами специальных устройств для массового перехвата сообщений, о получении данных об абонентах от операторов связи, а также об обмене информацией между органами власти¹.

По итогам рассмотрения ЕСПЧ (в том числе его Большая Палата²) пришел к выводу, что режим массового перехвата сообщений нарушает статью 8 ЕКПЧ: отсутствует полноценный надзор за тем, как спецслужбы выбирают лиц, сообщения которых подлежат перехвату, а также как органы из массива перехваченных данных устанавливают необходимые для анализа.

Само же право силовых органов перехватывать сообщения при проведении оперативно-розыскных мероприятий ЕСПЧ под сомнение не ставит ни в одном из дел: неприкосновенность частной жизни и тайна связи могут быть ограничены в соответствии как с ЕКПЧ, так и с Конституцией Российской Федерации.

Однако такое ограничение должно быть, настаивает ЕСПЧ, четко обозначено законом, а вмешательство спецслужб в частную жизнь человека — подробно регламентировано (в том числе посредством норм о реальном надзоре за правоммерностью действий силовых органов)³. Отсутствие этого, полагаем,

¹ См.: *Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom*, applications nos. 58170/13, 62322/14 and 24960/15, Judgment of 13 September 2018 // The HUDOC database. §§ 9–55.

² См.: *Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom*, applications nos. 58170/13, 62322/14 and 24960/15, Grand Chamber Judgment of 25 May 2021 // The HUDOC database.

³ См.: *Roman Zakharov v. Russia*. §§ 227–234.

может привести к злоупотреблениям при поиске и получении органами власти информации в ущерб неприкосновенности частной жизни человека.

Право на информацию не ограничивается реализацией возможности поиска и получения интересующих сведений – злоупотребления допускаются также при передаче, производстве и распространении информации. Для иллюстрации данных типов злоупотреблений обратимся к правоприменительной практике законов о «фейках» и об «оскорблении власти» со следующей оговоркой.

Выше мы отметили, что злоупотребительное поведение не может быть правонарушением, однако ниже будут рассмотрены случаи привлечения к административной ответственности за распространение «фейков» или «оскорбляющей власть» информации. Мы полагаем возможным привести данные примеры в силу того, что до вступления в силу законов, устанавливающих границы субъективного права на информацию в данной части, аналогичные по сути деяния, очевидно, являлись злоупотреблением правом. То есть в данном случае нижеприведенные примеры отражают суть злоупотребительного поведения такого рода. К тому же, когда российский законодатель установил границы субъективного права на информацию, однако того же не сделали в некоторых других государствах, сложно говорить об очевидном соотношении, к примеру, фейк-ньюс с правонарушением или же со злоупотреблением правом.

Законы о «фейках» под угрозой применения мер административного реагирования (ограничение доступа к сайту, его странице в сети Интернет), привлечения к административной или уголовной ответственности устанавливают запрет на распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавших угрозу наступления неблагоприятных последствий или повлекших их наступление¹. Данные законы начали применяться уже в 2019 г. (привлечение к ответственности за

¹ См.: Федеральный закон № 27-ФЗ; Федеральный закон № 31-ФЗ; Федеральный закон № 99-ФЗ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14, ч. I, ст. 2030.

распространение информации об отравлении почвы цианидом¹), но более широко – в период коронавирусной эпидемии, что неудивительно, учитывая количество ложной информации в указанный период².

Так, в одном деле лицо утверждало, что коронавирусная инфекция распространяется связанной с ФСБ России организацией, имеющей планы по массовому заражению граждан Российской Федерации³.

В другом – мужчина призывал выходцев из Средней Азии не вызывать скорую помощь при появлении симптомов коронавирусной инфекции (по его информации, врачи увозят и убивают людей) и отказываться от вакцинации (якобы она нацелена на уничтожение лиц нерусской национальности)⁴.

В третьем деле гражданин убеждал пользователей сайта в сети Интернет в том, что коронавируса не существует, а врачи «под предлогом пандемии здоровых людей забирают в больницы, вырезают у них органы для трансплантологии, самих людей хоронят в братских могилах»⁵.

Еще в одном случае лицо утверждало, что коронавирусную инфекцию распространяют органы власти посредством распыления вертолетами⁶.

В последнем деле гражданин убеждал в отсутствии коронавирусной инфекции и призывал всех выходить на улицы без средств индивидуальной защиты и в нарушение установленного режима самоизоляции⁷.

¹ См.: Постановление Селемджинского районного суда Амурской области от 26 апреля 2020 г. по делу № 5-9/2020 // ГАС «Правосудие».

² Подробнее о правоприменительной практике по делам о распространении фейк-ньюс см.: Колесниченко, В.А. Распространение недостоверной общественно значимой информации как проявление злоупотребления правом на информацию: правоприменительная практика // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12. С. 162–164.

³ См.: Постановление Нижегородского областного суда от 26 января 2021 г. по делу № 22-374/2021 // ГАС «Правосудие».

⁴ См.: Приговор Балахнинского городского суда Нижегородской области от 21 июля 2020 г. по делу № 1-208/2020 // ГАС «Правосудие».

⁵ См.: Постановление Московского городского суда от 9 марта 2021 г. по делу № 10-3235/2021 // ГАС «Правосудие».

⁶ См.: Постановление Буйнакского городского суда Республики Дагестан от 2 июля 2020 г. по делу № 1-110/2020 // ГАС «Правосудие».

⁷ См.: Постановление Пермского краевого суда от 15 сентября 2020 г. по делу № 22-5184/2020 // ГАС «Правосудие».

Безусловно, распространение фейк-ньюс даже в спокойное для общества время может спровоцировать волнения. Излишне говорить, к каким последствиям приводит «выражение своего мнения» в условиях социальной напряженности, в том числе ввиду тяжелой эпидемиологической обстановки.

В этой связи правовое регулирование в части запрета распространения такого рода сведений и, как следствие, изъятия из права на информацию возможности распространять недостоверные общественно значимые сведения обоснованно, а меры административного реагирования и юридической ответственности обеспечивают безопасность личности, общества и государства.

Законы «об оскорблении власти» устанавливают меры административного реагирования (ограничение доступа к сайту, его странице в сети Интернет) и юридическую ответственность за распространение информации, выражающей в неприличной форме явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации¹.

Безусловно, законами «об оскорблении власти» не запрещается любая критика органов власти (принцип повышенной терпимости к критике власти, выработанный судебной практикой², не прекратил свое существование): подлежит привлечению к ответственности именно субъект, который выражает в неприличной форме, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, и проявляет явное неуважение к обществу, государству и т.д. (например, распространяет видеозапись, на которой лицо танцует на площадке

¹ См.: Федеральный закон № 28-ФЗ; Федеральный закон № 30-ФЗ; подробнее о правоприменительной практике см.: Колесниченко, В.А. Правоприменительная практика привлечения к административной ответственности по делам об «оскорблении власти» // Вестник Московского Университета МВД России. 2021. № 1. С. 225–231.

² См.: *Lingens v. Austria*, application no. 9815/82, Judgment of 8 July 1986 // The HUDOC database; *Süreker v. Turkey (no. 1)*, application no. 26682/95, Judgment of 8 July 1999 // The HUDOC database; *Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France*, applications nos. 21279/02 and 36448/02, Grand Chamber Judgment of 22 October 2007 // The HUDOC database.

памятника «Курган Бессмертия»¹, публикуя в социальной сети видеозапись, в которой лицо, находясь за рулем автомобиля, намеренно облило из лужи людей и сопровождало свои действия оскорблениями²).

Объектами «неконструктивной критики», за которую возбуждались производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 20.1 КоАП РФ, становились Президент Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, судьи, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, представители органов внутренних дел, главы и правительства субъектов Российской Федерации, политические партии³.

В случае с «критикой» Конституции Российской Федерации, Президента Российской Федерации и представителей судебной системы мы согласны со сложившейся практикой, однако в остальном полагаем, что судам следует более тщательно подходить к толкованию положений статьи 20.1 КоАП РФ.

Справедлива апелляция судов к статье 11 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой государственную власть в России осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. Но не выдерживает никакой критики позиция судов о том, что данный перечень открытый, а органами, осуществляющими государственную власть в России, могут быть, к примеру, органы внутренних дел,

¹ См.: Постановление Советского районного суда г. Брянска от 29 мая 2019 г. по делу № 5-327/2019 // ГАС «Правосудие».

² См.: Постановление Советского районного суда г. Владивостока от 11 августа 2020 г. по делу № 5-1211/2020 // ГАС «Правосудие».

³ См., напр.: Постановление Кировского районного суда г. Ярославля от 14 мая 2019 г. по делу № 5-67/2019 // ГАС «Правосудие»; Решение Архангельского областного суда от 30 июля 2019 г. по делу № 7п-376/2019 // ГАС «Правосудие»; Решение Оренбургского областного суда от 5 ноября 2019 г. по делу № 12-238/2019 // ГАС «Правосудие»; Постановление Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 20 ноября 2019 г. по делу № 5-1030/2019 // ГАС «Правосудие»; Постановление Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 11 августа 2020 г. по делу № 5-1330/2020 // ГАС «Правосудие»; Постановление Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 23 июля 2020 г. по делу № 5-2892/2020 // ГАС «Правосудие».

являющиеся «составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел»¹.

Так, Верховный Суд Российской Федерации по делу о распространении оскорблений в адрес одного из глав субъектов России обратил внимание судов на то, что распространение в сети Интернет информации, выражающей в неприличной форме явное неуважение к главе субъекта Российской Федерации, не образует состава административного правонарушения².

В связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины нельзя не вспомнить законы «о дискредитации армии»³, которые по своему набору мер реагирования схожи с законами «о фейках» и «об оскорблении власти». Так, за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях могут быть применены меры административной ответственности (при повторности, в рамках административной преюдиции – уголовной) и административного реагирования (ограничение доступа к сайту, его странице в сети Интернет, на которой содержится такая информация).

При этом первоначальная редакция статьи 20.3.3 КоАП РФ вступила в силу 4 марта 2022 г., то есть на девятый день со дня начала специальной военной операции. Как следствие, формально с 24 февраля 2022 г. по 3 марта 2022 г. распространение гражданами информации, дискредитирующей Вооруженные Силы Российской Федерации, не являлось правонарушением, однако, безусловно,

¹ См.: Постановление Архангельского областного суда от 15 октября 2019 г. по делу № 4а-568/2019 // ГАС «Правосудие»; Постановление Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 11 августа 2020 г. по делу № 5-1330/2020 // ГАС «Правосудие».

² См.: Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 13 августа 2020 г. по делу № 1-АД20-1 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Федеральный закон № 31-ФЗ; Федеральный закон № 32-ФЗ; Федеральный закон № 62-ФЗ; Федеральный закон № 63-ФЗ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 277-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29, ч. III, ст. 5244.

могло быть отнесено к проявлениям злоупотребительного поведения субъекта, использующего право на информацию во вред обществу и государству.

Имеются и иные нормы права, направленные на ограничение неконструктивной критики либо прямых необоснованных выпадов негативного характера в отношении общества, государства, социальных, национальных, языковых и т.п. групп населения¹.

Мы затронем проблему так называемого языка вражды (*hate speech*), к которому относятся все формы выражения мнений, распространяющих, разжигающих, поощряющих или оправдывающих расовую ненависть, ксенофобию, антисемитизм или другие формы ненависти, основанные на нетерпимости, включая нетерпимость, выраженную агрессивным национализмом и этноцентризмом, дискриминацию и враждебность в отношении меньшинств, мигрантов и лиц иммигрантского происхождения².

К проблеме соотношения языка вражды и свободы выражения мнений нередко обращался ЕСПЧ. В одном из дел суд отметил: в силу статьи 17 ЕКПЧ защита, обеспечиваемая статьей 10 ЕКПЧ, не распространяется на высказывания, несовместимые с гарантированными ЕКПЧ ценностями³.

ЕСПЧ в разные годы к проявлениям языка вражды отнес высказывания, отрицающие Холокост, оправдывающие профашистскую политику, связывающие всех мусульман с крупными террористическими актами, называющие евреев, лиц кавказской национальности источником бед в Российской Федерации, подстрекающие к насилию и поддерживающие террористическую деятельность⁴.

¹ См. об этом: КоАП РФ. Ст.ст. 20.3, 20.3.1, 20.29; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. I, ст. 3; 2024. № 8, ст. 1038 (далее – УК РФ). Ст.ст. 205.2, 280, 280.1, 282.

² Рекомендация от 30 октября 1997 г. № R(97)20 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам по вопросам «разжигания ненависти» // Язык вражды в СМИ. Правовые и этические стандарты. Воронеж, 2011. С. 8–15.

³ См.: *Delfi AS v. Estonia*, application no. 64569/09, Grand Chamber Judgment of 16 June 2015 // The HUDOC database. § 136.

При этом ни законодатель, ни суды не могут привести исчерпывающий перечень случаев проявления языка вражды. Граница субъективного права в данном случае «плавающая», то есть зависит от формы выражения мнения и содержания публикации.

Так, часто встречаются случаи высказываний враждебного характера на национальной почве: призывы к насилию в отношении уроженцев Кавказа и Средней Азии¹, попытки разжигания ненависти к евреям².

В Поволжье к ответственности привлечено лицо, называвшее российский народ на территории Республики Татарстан «колониальной администрацией»³.

Имеются случаи унижения достоинства группы лиц по признакам отношения к религии: например, гражданин в социальных сетях призывал к сожжению христиан, которых он уничижительно называл «хрюсами»⁴.

К унижению человеческого достоинства по признаку расы относится случай, в котором лицо назвало темнокожего футболиста «обезьяной»⁵.

⁴ См.: *Lehideux and Isorni v. France*, application no. 24662/94, Judgment of 23 September 1998 // The HUDOC database; *Atamanchuk v. Russia*, application no. 4493/11, Judgment of 11 February 2020 // The HUDOC database; *Garaudy v. France*, Decision as to the admissibility of the application no. 65831/01, 24 June 2003 // The HUDOC database; *Norwood v. the United Kingdom*, Decision as to the admissibility of the application no. 23131/03, 16 November 2004 // The HUDOC database; *Witzsch v. Germany*, Decision as to the admissibility of the application no. 7485/03, 13 December 2005 // The HUDOC database; *Pavel Ivanov v. Russia*, Decision as to the admissibility of the application no. 35222/04, 20 February 2007 // The HUDOC database; *M'Bala M'Bala v. France*, Decision as to the admissibility of the application no. 25239/13, 20 October 2015 // The HUDOC database; *Roj TV A/S v. Denmark*, Decision as to the admissibility of the application no. 24683/14, 17 April 2018 // The HUDOC database.

¹ См.: Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 февраля 2021 г. по делу № 16-617/2021 // ГАС «Правосудие».

² См.: Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26 июня 2020 г. по делу № 16-2312/2020 // ГАС «Правосудие»; Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16 октября 2020 г. по делу № 16-6213/2020 // ГАС «Правосудие»; Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 февраля 2021 г. по делу № 16-300/2021 // ГАС «Правосудие».

³ См.: Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24 мая 2021 г. по делу № 16-3611/2021 // ГАС «Правосудие».

⁴ См.: Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2019 г. по делу № 1-АД19-4 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 апреля 2020 г. по делу № 16-522/2020 // ГАС «Правосудие».

Также имеется практика привлечения к ответственности лиц, выразивших в неприличной форме недовольство представителями силовых органов¹. Суды отмечают, что критика с использованием ненормативной лексики направлена на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам принадлежности к социальной группе (например, полицейских).

Вместе с тем нельзя сказать, что суды при такой нечеткости нормативного правового регулирования однозначны в том, что конкретное поведение субъекта является правонарушающим, а не злоупотребительным.

Обратимся к двум делам, рассмотренным ЕСПЧ, в которых суд признал за Российской Федерацией нарушение статьи 10 ЕКПЧ при привлечении к ответственности за выражения в неприличной форме недовольства представителями силовых органов.

В первом деле обжаловалось привлечение к ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – *УК РФ*): заявитель в открытом доступе разместил запись, в которой сотрудников органов внутренних дел называл «мусорами», быдлом, а также отмечал: «...если б в центре каждого города России... стояла печь, как в Освенциме, где церемониально, ежедневно, а лучше – дважды в сутки (в полдень и в полночь, например) – сжигали бы по неверному менту. Народ, чтоб сжигал. Это был бы первый шаг к очищению общества от ментовско-гопотской грязи»².

ЕСПЧ посчитал, что власти необоснованно привлекли заявителя к ответственности: хотя тон высказывания был провокационным, оскорбительным, но не выходил за рамки дозволенного статьей 10 ЕКПЧ. То есть если рассматривать данное дело с точки зрения настоящего диссертационного исследования, суд сделал вывод, что имело место злоупотребление правом на

¹ См.: Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12 февраля 2021 г. по делу № 16-234/2021 // ГАС «Правосудие»; Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 января 2021 г. по делу № 16-215/2021 // ГАС «Правосудие».

² См.: *Savva Terentyev v. Russia*, application no. 10692/09, Judgment of 28 August 2018 // The HUDOC database. §§ 7–28.

информацию, а государство необоснованно запретило подобную реализацию права и привлекло за это к уголовной ответственности.

В другом деле лицо обжаловало привлечение к ответственности за распространение двух статей с воззваниями лидеров Чеченской Республики Ичкерия, признанных причастными к террористической деятельности¹. В статьях российские войска названы «оккупантами», режим контртеррористической операции – проявлением «преступного безумия кремлевского кровавого режима», Кремль – центром международного терроризма, а политика российских властей – геноцидом чеченского народа.

ЕСПЧ также не усмотрел в действиях заявителя нарушений при выражении мнения: по мнению ЕСПЧ, в статьях не содержится призыва к вооруженному сопротивлению как средству достижения национальной независимости Чечни или к кровавой мести и террористическим атакам². При этом в действиях властей Российской Федерации нарушение статьи 10 ЕКПЧ Суд установил.

Мы не согласны с позицией ЕСПЧ по названным делам. Безусловно, защите подлежат и высказывания провокационные, способные вызвать недовольство у большей части общества³. Однако чаяния об установке печей для сжигания сотрудников правоохранительных органов или обвинения в осуществлении террористической деятельности не могли быть защищаемы статьей 10 ЕКПЧ. Подобные фразы нацелены именно на повышение социальной напряженности, разжигание ненависти к группам населения, принадлежащим к силовым органам – в вышеназванных случаях явно отсутствовала здравая критика органов власти.

Согласно концепции окна Овертона, идея может постепенно в силу политической свободы переходить из разряда невыносимой и недопустимой (к

¹ См.: *Dmitriyevskiy v. Russia*, application no. 42168/06, Judgment of 3 October 2017 // The HUDOC database. §§ 5–46.

² *Dmitriyevskiy v. Russia*. § 107.

³ См., напр.: *Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway*, application no. 21980/93, Grand Chamber Judgment of 20 May 1999 // The HUDOC database. § 59; *Dalban v. Romania*, application no. 28114/95, Grand Chamber Judgment of 29 September 1999 // The HUDOC database. § 49.

примеру, каннибализм) в разряд социальной нормы¹. Конечно, данная концепция примитивизирует социальный дискурс, однако в качестве модели развития общественной мысли она имеет право на существование. Так, в победившей фашизм Европе на протяжении нескольких десятков лет после окончания Второй мировой войны сложно было представить группу лиц, придерживавшихся крайне правых убеждений и пользовавшихся широкой поддержкой населения. К сожалению, сегодня это частое явление. Неслучайно в законодательство Российской Федерации введена норма, запрещающая отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны².

В этой связи полагаем, что в названных делах заявители сознательно нарушили запрет на разжигание ненависти к представителям силовых органов власти, в связи с чем злоупотребление правом на информацию отсутствует.

К другим случаям злоупотребления правом относится распространение диффамационных утверждений, то есть порочащих сведений (независимо от того, заведомо недостоверны они или нет).

ЕСПЧ, руководствуясь принципом повышенной терпимости к критике власти, отмечает, что неточности при освещении деятельности органов власти и их должностных лиц не являются злоупотреблением свободой выражения мнения, однако критика власти, подкрепленная недостоверными сведениями, не имеющими под собой никаких фактических обстоятельств, недопустима.

¹ См.: A Brief Explanation of the Overton Window. URL: <https://www.mackinac.org/OvertonWindow> (дата обращения: 18 февраля 2024 г.).

² См.: УК РФ. Ст. 354.1. Ч. 1.

В одном деле ЕСПЧ установил недобросовестность журналистов, обвинивших в отсутствие реальных фактов должностных лиц в мошенничестве, коррумпировании подчиненных и получении взяток¹.

В другом – суд не встал на сторону журналистов, безосновательно обвинивших местных судей по уголовным делам в предвзятости, давлении на подсудимых и необоснованном вынесении суровых приговоров².

Еще в одном споре ЕСПЧ отказал в защите права лицу, обвинявшему прокурора в предвзятости, злоупотреблении должностными полномочиями, но не приводившему доказательств в подтверждение этого, а лишь ссылавшемуся на допустимость критики власти, обосновывать которую не требуется³.

Практика по спорам, связанным с распространением диффамационных выражений, обширна. Мы не будем анализировать все ее аспекты, а лишь обратим внимание на вопрос о диффамации при обращении в органы власти.

Чаще всего суды не рассматривают заявления, содержащие не подтвержденные в ходе проверки сведения, как злоупотребление правом: имеет место «реализация гражданином... права на обращение в органы, которые в силу закона обязаны проверять поступившую информацию»⁴.

Если же для обращения в органы власти отсутствовали реальные основания, а его цель заключалась в причинении вреда другому лицу, суд может признать содержащиеся в обращении сведения несоответствующими действительности и взыскать с виновного лица компенсацию⁵.

¹ См.: *Cumpănă and Mazăre v. Romania*, application no. 33348/96, Grand Chamber Judgment of 17 December 2004 // The HUDOC database. §§ 92–110.

² См.: *Prager and Oberschlick v. Austria*, application no. 15974/90, Judgment of 26 April 1995 // The HUDOC database. §§ 32–39.

³ См.: *Perna v. Italy*, application no. 48898/99, Grand Chamber Judgment of 6 May 2003 // The HUDOC database. §§ 11–20, 40–48.

⁴ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 мая 2019 г. по делу № 18-КГ19-19 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. по делу № 18-КГ14-13 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2020 г. по делу № 88-25744/2020 // ГАС «Правосудие».

⁵ См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15 февраля 2016 г. по делу № А12-21772/2015 // Картотека арбитражных дел; Постановление Федерального арбитражного

Так, между гражданином и организацией на почве поставленной некачественной мебели возник спор. Гражданин до обращения в органы власти с заявлением о том, что в организации работают нелегально мигранты, предлагал окончить спор миром на заведомо неприемлемых условиях. Иначе гражданин угрожал, что будет всеми способами дискредитировать организацию. Данные угрозы свидетельствовали, что обращение гражданина в органы власти преследовало цель причинить материальный и репутационный вред организации¹.

Еще одним примером злоупотребления правом на информацию может служить распространение спама – «телематических электронных сообщений, предназначенных неопределенному кругу лиц, доставленных абоненту и (или) пользователю без их предварительного согласия и не позволяющих определить отправителя этого сообщения, в том числе ввиду указания в нем несуществующего или фальсифицированного адреса отправителя»².

К примеру, в дошедшем до ЕСПЧ деле заявитель жаловался на то, что со скрытых адресов получал на электронную почту порнографические электронные сообщения, которые оскорбляли его моральные принципы. Суд, безусловно, усмотрел в таком поведении неизвестного отправителя вмешательство в частную жизнь человека, однако отметил, что использование сети Интернет само по себе представляет собой риск получить подобного рода спам. Такой риск возможно снизить (установить «фильтры», например), но не исключить вовсе³.

суда Московского округа от 22 октября 2013 г. по делу № А40-144904/12 // Картотека арбитражных дел.

¹ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 17 апреля 2014 г. по делу № А49-1266/2013 // Картотека арбитражных дел.

² Правила оказания телематических услуг связи : утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2021 г. № 2607 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 3, ст. 579. П. 2.

³ См.: *Muscio v. Italy*, Decision as to the admissibility of the application no. 31358/03, 13 November 2003. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2466358/2466358-006.htm> (дата обращения: 18 февраля 2024 г.).

В настоящее время меры борьбы со спамом разнообразнее, чем на дату разрешения вопроса о приемлемости жалобы, однако нельзя сказать, что от спама защищены даже самые осторожные в плане информационной безопасности лица.

Меры против спамеров, предусмотренные действующим законодательством Российской Федерации, можно назвать эффективными с долей условности и лишь к лицам, распространяющим рекламу (меры административного реагирования и юридической ответственности)¹. Однако рекламой спам не ограничивается.

Примеров злоупотреблений правом на информацию значительно больше перечисленных выше.

При этом законодатель переводит часть проявлений злоупотреблений в ранг запрещенного, то есть изымает часть форм реализации прав на информацию из возможных к осуществлению. Остановимся на примере злоупотребления свободой массовой информации, запрещенного статьей 4 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации».

Так, запрещено использовать средства массовой информации в целях совершения преступлений (например, вовлекать в занятие проституцией²), «разглашения сведений, составляющих... тайну»³, распространения материалов экстремистского характера⁴, «материалов, содержащих нецензурную брань»⁵, и «материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости». Также запрещается использовать скрытые вставки, влияющие на подсознание потребителей информации (так называемый 25-й кадр), распространять

¹ См.: О рекламе : Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12, ст. 1232; 2023. № 31, ч. III, ст. 5785. Ст. 18. Ч. 1; КоАП РФ. Ст. 14.3. Ч. 1.

² См.: Приговор Южно-Сахалинского городского суда Сахалинской области от 8 февраля 2017 г. по делу № 1-72/2017 // ГАС «Правосудие»; Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 10 июля 2018 г. по делу № 1-493/2018 // ГАС «Правосудие».

³ См.: Решение Октябрьского районного суда города Красноярска от 22 января 2021 г. по делу № 12-30/2021 // ГАС «Правосудие».

⁴ См.: Решение Псковского городского суда Псковской области от 1 ноября 2019 г. по делу № 12-148/2019 // ГАС «Правосудие»; Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 21 декабря 2015 г. по делу № 12-1752/2015 // ГАС «Правосудие».

⁵ См.: Постановление Верховного суда Республики Алтай от 24 ноября 2017 г. по делу № 4А-100/2017 // ГАС «Правосудие»; Постановление Калининградского областного суда от 30 ноября 2016 г. по делу № 4А-534/2016 // ГАС «Правосудие».

информацию об организациях, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации, об «иностранных агентах» без соответствующего указания¹, «сведения, позволяющие идентифицировать несовершеннолетнего, пострадавшего в результате противоправных деяний» и т.д.²

Перечень запретов открыт: не допускается распространение иной информации, распространение которой запрещено федеральными законами (например, сведения, пропагандирующие жестокое обращение с животными, материалы, направленные на реализацию (сбыт) закиси азота³).

Необходимо обратить внимание в связи с изложенным на несколько принципиальных моментов.

Во-первых, мы поддерживаем запрет на использование средств массовой информации для распространения материалов, содержащих нецензурную брань. Однако в отличие от «традиционных» средств массовой информации (радио- и телеканалы, периодические печатные издания) редакции сетевых изданий, электронных периодических изданий и информационных агентств, распространяющихся в сети Интернет, нередко не могут проконтролировать, распространяется ли в их материалах нецензурная брань или нет. Речь идет о ситуациях, при которых редакция в своей продукции дает указатель страницы сайта в сети Интернет, на которой размещен материал из иного источника информации. Можно говорить о нарушении, если на момент создания продукции

¹ См.: Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 2 марта 2020 г. по делу № 16-107/2020 // ГАС «Правосудие»; Постановление Верховного суда Республики Мордовия от 2 августа 2019 г. по делу № 4-а-140/2019 // ГАС «Правосудие».

² См.: Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28 августа 2020 г. по делу № 16-5612/2020 // ГАС «Правосудие»; Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28 апреля 2020 г. по делу № 16-795/2020 // ГАС «Правосудие».

³ См.: Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 53, ч. I, ст. 8424; 2023. № 49, ч. III, ст. 8675; Об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 472-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1, ч. I, ст. 11. Ст. 1.

в источнике имелась нецензурная брань. А если нецензурная брань отсутствовала и появилась позже? Суды считают, что нарушение в любом случае имеется¹.

Данная позиция спорна: на редакцию возлагается обязанность по непрерывному мониторингу всех источников информации, на которые когда-либо давалась ссылка в редакторском материале, на предмет наличия в них нецензурной брани. Фактически речь идет об объективном вменении редакции правонарушения. Полагаем, действия редакции по размещению ссылки на ресурс, в котором на момент публикации материала отсутствовала нецензурная брань, а после – брань появилась, нельзя воспринимать даже как грубую неосторожность.

В этой связи мы разделяем позицию деятелей в сфере средств массовой информации, не согласных с неоправданно узким толкованием названной нормы².

Во-вторых, из статьи 4 Закона о СМИ неясно, что относить к «материалам, пропагандирующим порнографию, культ насилия и жестокости». Ситуация схожа со статьей 6.21 КоАП РФ, устанавливавшей ранее ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (в действующей редакции за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, предпочтений, смены пола независимо от того, на кого она направлена³): неясно, что законодатель понимает именно под пропагандой⁴. Если в эфир телеканала

¹ См.: Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 4 декабря 2020 г. по делу № 16-7903/2020 // ГАС «Правосудие»; Постановление Московского городского суда от 6 ноября 2018 по делу № 4а-6374/2018 // ГАС «Правосудие».

² См.: Руководители СМИ попросили Жарова разъяснить штрафы за ссылки на страницы с матом. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/news/2019/11/18/816519-matom> (дата обращения: 18 февраля 2024 г.); СМИ попросили Роскомнадзор объяснить штрафы за ссылки на мат. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/news/2020/07/23/835230-smi-poprosili-roskomnadzor-obyasnit-shtrafi> (дата обращения: 18 февраля 2024 г.).

³ См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 5 декабря 2022 г. № 479-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 50, ч. III, ст. 8773.

⁴ См.: КоАП РФ. Ст. 6.21. Ч. 1 в ее взаимосвязи с: По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 г. № 24-П // Собрание

пустят порнографический материал, будет ли это нарушением? Из буквального толкования полагаем, что нет, как не будет пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений публичное обсуждение правового статуса сексуальных меньшинств¹.

Мы понимаем, что нарушение имеется, исходя из системного толкования части третьей статьи 4 Закона о СМИ и статьи 242 УК РФ. Но это не снимает вопроса о корректности формулировки части первой статьи 4 Закона о СМИ.

В-третьих, отметим, что запрет 25-го кадра не выдерживает критики ввиду его антинаучности. Еще до принятия Закона о СМИ исследователи пришли к выводу, что так называемая сублиминальная реклама не существует, а эксперименты, проведенные в подтверждение ее существования, оказались сфальсифицированными². В этой связи данный запрет является мертвой буквой: нельзя запретить то, что отсутствует в природе.

Наконец, Законом о СМИ установлены запреты и ограничения не только для редакций и учредителей средств массовой информации, но и для журналистов. Так, «не допускается использование прав журналиста в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения слухов под видом достоверных сообщений, сбора информации в пользу постороннего лица или организации, не являющейся средством массовой информации, опорочивания гражданина или отдельных категорий граждан»³.

В сфере правового регулирования сети Интернет статья 4 Закона о СМИ устанавливает те же запреты по поводу наркотических средств, персональных данных несовершеннолетних, самодельного изготовления взрывчатых веществ и взрывных устройств.

законодательства Российской Федерации. 2014. № 40, ч. III, ст. 5489 (далее – *Постановление № 24-П*). П. 3.1.

¹ См.: Постановление № 24-П. Резолютивная часть. П. 1.

² См. об этом: *Anthony R. Pratkanis*. The Cargo-Cult Science of Subliminal Persuasion. The Committee for Skeptical Inquiry. Vol. 16.3, Spring 1992. Pp. 260–272.

³ Закон о СМИ. Ст. 51. Ч. 1.

При этом данный перечень открыт в силу бланкетности статьи 4 Закона о СМИ. Так, запрещается распространение порнографических изображений несовершеннолетних, информации о способах совершения самоубийства, персональных данных лиц, находящихся под государственной защитой и т.д.¹

Указанные выше запреты устанавливают границы субъективного права на информацию, за которыми отсутствует реализация такого права и, как следствие, не может быть злоупотребления. Однако в его границах, но за пределами субъективного права на информацию злоупотребительное поведение может существовать (к примеру, в случаях неоправданно большого количества бранных слов в материале: формально запрет не нарушен, однако фактически может идти речь о злоупотреблении правом).

Таким образом, злоупотребление правом на информацию представляет собой широкий спектр умышленных деяний управомоченного субъекта информационных правоотношений.

Как видим из приведенных примеров, значительная доля злоупотреблений правом на информацию совершаются в ущерб специальному правовому режиму информации, выраженному в неприкосновенности частной жизни человека, в соблюдении установленных законом тайн (к примеру, врачебной).

Так, журналист, желая получить сенсационный материал, силовые органы власти, перехватывая без разбору сообщения по сети электросвязи, вторгаются в личную и семейную жизнь человека.

При этом очевидно из приведенных примеров и покушение на общий режим информации в ситуациях, когда нарушаются специальные пределы, выраженные, к примеру, в обороте достоверной информации.

Второй вид – злоупотребление правом на защиту информации.

Часто такое злоупотребление осуществляется в форме бездействия: лицо в силу установленной правовыми актами обязанности должно совершить определенные действия, но не совершает их, прикрываясь правом на защиту

¹ См.: Федеральный закон № 149-ФЗ. Ч. 5. П. 1.

информации (ссылается на частную жизнь, коммерческую или служебную тайну и т.д.). Хотя безусловно, оно может осуществляться и в форме активного действия (например, в случае предъявления необоснованного и незаконного требования прекратить доступ к информации на основании якобы ее конфиденциальности).

Так, актуальна проблема раскрытия сведений о лицах, репрессированных в годы советской власти: родственники реабилитированных лиц имеют право на ознакомление с материалами прекращенных уголовных и административных дел и получение копий документов¹. Однако органы власти полагают, что родственники лиц, признанных не подлежащими реабилитации, не вправе получить доступ к делам, возбужденным в отношении своих предков², что подтверждает и судебная практика³. Суды считают невозможным представить сведения о репрессированном, даже если вообще не ставился вопрос о реабилитации⁴.

Такое «*damnatio memoriae*» нарушает право граждан на информацию о своих родственниках. Измена Родине – тяжкое преступление, за которое виновное лицо должно нести ответственность и не подлежит реабилитации. Однако это не означает, что сведения об изменнике не могут быть доступны его родственникам. Более того, такая закрытость производит негативный эффект: граждане считают,

¹ См.: О реабилитации жертв политических репрессий : Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 44, ст. 1428; Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 1, ч. I, ст. 16. Ст. 11.

² См.: Положение о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел : утверждено приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации № 375, Министерства внутренних дел Российской Федерации № 584, Федеральной службы безопасности Российской Федерации № 352 от 25 июля 2006 г. // Российская газета. 2006. 22 сентября. П. 5.

³ См.: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 2 февраля 2021 г. по делу № 88а-4377/2021 // ГАС «Правосудие»; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2021 г. по делу № 88а-7401/2021 // ГАС «Правосудие».

⁴ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 14 декабря 2020 г. по делу № 33а-5987/2020 // ГАС «Правосудие»; Решение Одинцовского городского суда Московской области от 16 декабря 2020 г. по делу № 2а-10016/2020 // ГАС «Правосудие».

что все подвергшиеся репрессиям «осуждены ни за что». Конечно, это не так, но закрытость сведений в архивах порождает подобные предположения.

Еще одной проблемой является отказ гражданам (в том числе адвокатам) в предоставлении информации. Так, субъекту отказали предоставлять сведения о продолжительности командировок должностного лица, поскольку он не указал право, в защиту которого запрашиваются сведения¹.

В другой ситуации должностное лицо, отказывая в ознакомлении гражданина с заключением межведомственной комиссии, ссылалось на то, что в заключении содержатся персональные данные².

Отказ дан и по запросу о том, какие технические средства использовались для контроля процесса сбора биологических объектов для анализа: должностное лицо сослалось на то, что данные сведения составляют врачебную тайну³.

Также запрос адвоката о предоставлении документов в части взаимоотношений между органом власти и коммерческой организацией оставлен без удовлетворения, поскольку данные документы, как считал орган власти, не затрагивают права и обязанности доверителя адвоката⁴.

Если обратиться к судебным актам, которые анализировались выше, можно обнаружить, что запрашиваемая гражданами информация могла в невыгодном свете показать деятельность органов власти и их должностных лиц. Как следствие, задача органов власти в случае запроса такой информации – всеми способами обойти нормативно установленную обязанность по предоставлению сведений. И в этом отношении использование права на защиту информации (ссылка на установление режима ограничения доступа в отношении такой

¹ См.: Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июля 2020 г. по делу № 16-4618/2020 // ГАС «Правосудие».

² См.: Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17 апреля 2020 г. по делу № 16-1737/2020 // ГАС «Правосудие».

³ См.: Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18 декабря 2020 г. по делу № 16-4180/2020 // ГАС «Правосудие».

⁴ См.: Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2021 г. по делу № 16-724/2021 // ГАС «Правосудие».

информации) – нередко едва ли не единственный способ отказа в предоставлении сведений.

Как выше сказано, злоупотребление правом на защиту информации может осуществляться в форме активного действия: например, субъект, апеллируя к защите персональных данных или тайны частной жизни, требует удалить распространенные компрометирующие данные о нем либо привлечь распространившее лицо к ответственности. То есть лицо, вызывая к специальному правовому режиму информации, пытается обойти судебный порядок признания сведений несоответствующими действительности и прекратить распространение неугодных сведений.

Так, гражданин обжаловал действия больницы по передаче его персональных данных в органы внутренних дел в связи с нанесением этим гражданином травмы медицинской сестре, работающей в больнице. Суды отказали в удовлетворении заявленных требований, сославшись на то, что у больницы имелись основания для передачи персональных данных гражданина¹.

Отказали суды и в деле, в котором лицо требовало привлечь гражданина к ответственности за представление в суд доказательств нанесения лицом оскорбления, содержащих персональные данные лица. Суды отметили, что доказательства представлены в интересах правосудия².

Аналогично окончилось дело, в котором субъект требовал признать незаконными действия оператора связи по направлению органам власти сведений о номере мобильного телефона и содержании сообщения, направленного субъекту. Суды установили, что оператор направил сведения по требованию органов власти в рамках производства по делу об административном правонарушении, возбужденном по заявлению этого же субъекта³.

¹ См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 4 июня 2018 г. по делу № 33а-3281/2018 // ГАС «Правосудие».

² См.: Решение Верховного суда Республики Карелия от 17 апреля 2019 г. по делу № 21-129/2019 // ГАС «Правосудие».

³ См.: Решение Ивановского областного суда от 7 февраля 2017 г. по делу № 21-38/2017 // ГАС «Правосудие».

Примечательно дело, в котором гражданин, взявший кредит в банке и просрочивший исполнение, обжаловал действия банка по предоставлению его персональных данных лицам, занимающимся взысканием задолженности во внесудебном порядке (при этом в кредитном договоре банку предоставлено право передавать данные заемщика третьим лицам)¹.

Еще в одном споре лицо обнаружило в социальной сети фотографию своего транспортного средства с комментарием о неправильной парковке и посчитало, что размещение фотографии нарушает его права как субъекта персональных данных. Лицу отказано в защите его прав, так как его персональные данные не распространены (номер машины такими данными не признан)².

Как сказано выше, иногда лица требуют удаления материалов, поскольку в них, по мнению лиц, содержатся сведения об их частной жизни.

Так, местной газете было запрещено распространять статью об актере, задержанном правоохранительными органами за хранение кокаина: национальные суды посчитали, что журналисты незаконно вмешиваются в его частную жизнь. С таким выводом не согласился ЕСПЧ, отметив, что актер – публичная фигура, его задержание осуществлялось в общественном месте, наличие претензий со стороны правоохранителей подтвердили органы власти и сам актер³.

К схожим выводам пришел ЕСПЧ по делу, в котором журналисты распространили информацию о том, что местной предпринимательнице предъявлено обвинение в мошенничестве с пенсионными выплатами⁴.

Безуспешно с точки зрения разбирательств в ЕСПЧ окончились дела по привлечению к ответственности за распространение информации о внебрачном

¹ См.: Апелляционное определение Саратовского областного суда от 25 июня 2019 г. по делу № 33-4572/2019 // ГАС «Правосудие».

² См.: Решение Воронежского областного суда от 2 октября 2017 г. по делу № 21-581/2017 // ГАС «Правосудие».

³ См.: *Axel Springer AG v. Germany*, application no. 39954/08, Grand Chamber Judgment of 7 February 2012 // The HUDOC database.

⁴ См.: *Eerikäinen and Others v. Finland*, application no. 3514/02, Judgment of 10 February 2009 // The HUDOC database.

сыне князя Монако¹, за съемку скрытой камерой незаконной деятельности брокеров, обманывавших граждан². ЕСПЧ фактически пришел к выводу о злоупотреблениях лиц, апеллировавших к необходимости защиты тайны частной жизни.

Таким образом, злоупотребление правом на защиту информации представляет собой значительный объем умышленных деяний субъекта информационных правоотношений, создавших угрозу причинения вреда другому лицу, обществу, государству либо причинивших такой вред, и осуществленных при нарушении пределов субъективного права на защиту информацию в целях удовлетворения незаконного интереса.

Злоупотребление правом на защиту информации в форме бездействия имеет место быть в ситуациях, при которых лицо обязано предоставить сведения, однако, руководствуясь правом на защиту информации, отказывается делать это (так, орган власти отказывается предоставлять компрометирующие его сведения).

Злоупотребление правом на защиту информации в форме действия выражается в попытках удалить неугодные сведения на том основании, что в них имеется информация конфиденциального характера (например, апелляция к тайне частной жизни). При этом фактически распространенные сведения являются достоверными, но по различным причинам не нравящимися злоупотребляющему лицу, которое прикрывается правом на защиту информации.

Третьим видом является злоупотребление правом на защиту от информации, под которым понимается возможность ограничить получение информации, являющейся недостоверной, навязчивой или могущей причинить вред управомоченному лицу.

К данному виду мы относим неоправданные ограничения доступа к распространенным сведениям. При этом существенным отличием

¹ См.: *Couderc and Hachette Filipacchi Associés v. France*, application no. 40454/07, Grand Chamber Judgment of 10 November 2015 // The HUDOC database.

² См.: *Haldimann and Others v. Switzerland*, application no. 21830/09, Judgment of 24 February 2015 // The HUDOC database.

злоупотребления правом на защиту информации от злоупотребления правом на защиту от информации является то, что в первом случае лицо апеллирует к конфиденциальному характеру сведений, в то время как во втором такой аргумент не приводится. Злоупотребляющий лишь стремится ограничить доступ к информации на основании ее якобы недостоверности, навязчивости или вредности.

Приведем практику ЕСПЧ, в которой на основе анализа применения статьи 15.1 Федерального закона № 149-ФЗ, предоставляющей право органам власти ограничивать доступ к информации, установлены нарушения статьи 10 ЕКПЧ в части необоснованного ограничения доступа к информации¹.

Так, в одном деле доступ к сайту в сети Интернет был ограничен провайдером хостинга в связи с тем, что на нем размещена электронная книга, ранее признанная экстремистским материалом. Владелец сайта удалил книгу, но доступ к сайту не восстановлен. Владелец безуспешно пытался обжаловать в национальных судах решение властей по ограничению доступа к сайту, а не к конкретной странице с запрещенной информацией².

ЕСПЧ установил, что ограничение доступа осуществлялось по сетевому адресу сайта; ограничение же доступа ко всему сайту, содержащему и запрещенный, и легальный контент, нарушает статью 10 ЕКПЧ.

Полагаем, что в данном случае налицо злоупотребительное поведение со стороны Роскомнадзора, принимающего решение об ограничении доступа к сайту в сети Интернет: вместо того, чтобы ограничить доступ к странице, на которой содержится противоправная информация, он принял решение в отношении всего сайта, чем, очевидно, нарушил общий правовой режим информации.

¹ Подробнее о практике ЕСПЧ в данной части см.: Колесниченко, В.А. Ограничение доступа к информации как проявление злоупотребления правом на защиту от информации: правоприменительная практика // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12. С. 263–264.

² См.: *Bulgakov v. Russia*, application no. 20159/15, Judgment of 23 June 2020 // The HUDOC database.

Проблема ограничения доступа к сайтам в сети Интернет исследовалась и в другом деле¹. Владелец сайта, на котором продавались электронные книги, обнаружил, что доступ к сайту ограничен. При разбирательстве в национальных судах установлено, что Роскомнадзор ограничивал по сетевому адресу доступ к сайту, распространявшему информацию о каннабисе, но этот адрес принадлежал и сайту с электронными книгами (два сайта имеют один сетевой адрес).

ЕСПЧ отметил, что при ограничении доступа к запрещенной информации нельзя ограничивать доступ и к легальному контенту. Владелец сайта не мог контролировать информацию на сторонних сайтах. ЕСПЧ обратил внимание на то, что Роскомнадзор при вынесении решения о блокировке должен был убедиться в том, что данная мера касалась только запрещенного материала и не касалась другого контента. Суд отметил, что неизбирательное ограничение доступа, затрагивающее легальный контент, является произвольным вмешательством в права владельцев таких сайтов.

Также ЕСПЧ анализировал применение статьи 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ², по которой Роскомнадзор предварительно ограничивает доступ к ресурсу с противоправной информацией (например, призывы к осуществлению экстремистской деятельности, участию в публичных мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка), а в случае удаления спорного контента возобновляет доступ.

ЕСЧП не оспаривает возможность предварительного ограничения доступа к контенту, однако настаивает на том, чтобы эта процедура применялась в исключительных случаях и при надзоре за соблюдением законности и обоснованности принимаемых мер. Мы также полагаем механизм статьи 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ допустимым (и даже необходимым, например, в целях борьбы с «фейками» и дискредитацией армии).

¹ См.: *Vladimir Kharitonov v. Russia*, application no. 10795/14, Judgment of 23 June 2020 // The HUDOC database.

² См.: *ООО Flavus and Others v. Russia*, applications nos. 12468/15, 323489/15, 419074/16, Judgment of 23 June 2020 // The HUDOC database; *Kablis v. Russia*, applications nos. 48310/16, 59663/17, Judgment of 30 April 2019 // The HUDOC database.

Однако ЕСПЧ отметил, что понятие «публичное мероприятие, проводимое с нарушением установленного порядка» является слишком широким и неопределенным. И в этом отношении действия Генерального прокурора Российской Федерации и его заместителей по ограничению доступа к сайтам (их страницам) невозможно оспорить в судебном порядке¹, что может привести к безосновательному ограничению доступа к неугодному контенту без угрозы признания действий органов власти незаконными.

В обоих делах ЕСЧП установил, что власти Российской Федерации не смогли доказать необходимость ограничения доступа к информации. То есть ЕСПЧ фактически нашел в действиях органов власти злоупотребление правом на защиту от информации. Мы разделяем вывод ЕСПЧ: для ограничения доступа должны быть реальные основания, а не общие фразы об угрозе «общественных беспорядков».

В завершение вспомним противостояние органов власти России и администрации мессенджера Telegram, наиболее острая фаза которого пришлась на первый месяц со дня принятия судом решения об ограничении доступа к информационным системам и (или) программам, предоставляющим возможность мессенджеру функционировать. Так, Роскомнадзор ограничил доступ к информационным ресурсам практически по 20 миллионам сетевых адресов, наблюдались сбои в работе сайтов в сети Интернет². Доступ к части сайтов, не имевших ничего общего с работой мессенджера, был ограничен, что стало поводом к обращению их владельцев в суды за защитой нарушенных прав³.

Однако мессенджер продолжал полноценно работать и набирать популярность. После двух лет борьбы Роскомнадзор заявил, что позитивно оценивает готовность мессенджера противодействовать терроризму и

¹ См.: *ООО Flavus and Others v. Russia*. §§ 30–43; *Kablis v. Russia*. §§ 50–58.

² См.: Роскомнадзор vs Telegram: итоги первой недели. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3612517?from=doc_vrez (дата обращения: 18 февраля 2024 г.).

³ См.: Решение Таганского районного суда г. Москвы от 6 августа 2018 г. по делу № 02а-0121/2018 // ГАС «Правосудие»; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 13 сентября 2018 г. по делу № А40-93234/18 // Картотека арбитражных дел.

экстремизму и по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации снимает требования по ограничению доступа к мессенджеру¹.

Обратимся к решению суда, которым постановлено, что ограничение установлено до передачи в ФСБ России «информации, необходимой для декодирования принимаемых, передаваемых, доставляемых и (или) обрабатываемых электронных сообщений». Решение не отменено, не пересмотрено по новым, вновь открывшимся обстоятельствам, в силу чего обязательно для исполнения на территории Российской Федерации².

Согласно действующим правилам, возобновление доступа к информационным системам и программам осуществляется в случае устранения причин, послуживших основанием для ограничения доступа³.

В этой связи возникает вопрос, а были ли переданы так называемые ключи шифрования, как того требовал суд? Видимо, нет. Во всяком случае, Роскомнадзор не обосновывал этим снятие ограничений. Вопрос о соответствии действий Роскомнадзора принципам добросовестного поведения при ограничении доступа к мессенджеру и нормативным предписаниям при снятии ограничения оставляем открытым.

То есть органы власти в стремлении ограничить доступ к противоправным, по их мнению, сведениям иногда без законных оснований «блокируют» сайты в сети Интернет, нарушая тем самым общий правовой режим информации.

¹ См. об этом: О мессенджере Телеграмм. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73050.htm> (дата обращения: 18 февраля 2024 г.).

² См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2024. № 1, ч. I, ст. 20. Ст. 13. Ч. 2; Решение Таганского районного суда г. Москвы от 13 апреля 2018 г. по делу № 02-1779/2018 // ГАС «Правосудие».

³ См.: Правила взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с организатором распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 745 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 32, ст. 4518; 2020. № 18, ст. 2906. П. 9, 10.

Неоспоримо, что Федеральный закон № 149-ФЗ содержит немало общих, неконкретных положений, на основании которых может быть ограничен доступ практически к любой информации в сети Интернет.

Вместе с тем полагаем, что названная проблема возникает во многом из-за отсутствия эффективного контроля деятельности органов власти по ограничению доступа к информации в сети Интернет: если бы суды чаще удовлетворяли требования граждан, пострадавших от неоправданного ограничения доступа к сведениям, злоупотреблений правом на защиту от информации со стороны органов исполнительной власти было бы существенно меньше.

Разумеется, злоупотребление правом на защиту от информации исходит также от физических, юридических лиц частного права.

Так, к злоупотребительному поведению мы относим случаи, в которых лицо, осознавая либо допуская оценочный характер распространенных сведений, требует их опровержения, удаления, привлечения распространителя к ответственности и т.д.

К злоупотреблению правом на защиту информации относятся и такие ситуации, при которых лицо, в отношении которого распространены в целом соответствующие действительности сведения, требует удалить весь материал на том основании, что какая-то незначительная часть информации недостоверна.

Приведем несколько примеров из судебной практики для наглядности.

Гражданин обратился в суд к журналисту, распространившему сведения о возбуждении уголовного дела в отношении гражданина в связи с приемкой неоконченных подрядных работ. Истец заявлял, что на момент публикации материала никаких уголовных дел в отношении него не возбуждено. Первые две инстанции истца поддержали, но суд кассационной инстанции направил дело на новое рассмотрение, отметив, что журналист не обладает профессиональными познаниями в юриспруденции и мог некорректно интерпретировать информацию,

в целом соответствовавшую действительности: имелись нарушения в деятельности приемочной комиссии по приемке незавершенных работ¹.

При новом рассмотрении суд оставил заявление без рассмотрения в связи с неявкой истца по повторному вызову суда²: являться было некому, поскольку к тому моменту истец приговорен к лишению свободы за нарушения при приемке³.

Другое дело инициировано по иску Министерства культуры Республики Башкортостан, усмотревшего в статье общественного деятеля о бездействии властей по ремонту филармонии и о притеснениях неугодных деятелей культуры несоответствующие действительности и порочащие репутацию министерства сведения. Суды встали на сторону общественного деятеля, отметив, что факт долгого отсутствия ремонта в здании сгоревшей филармонии имел место быть, а сведения о притеснениях распространены в форме оценочных суждений⁴.

Наконец, в третьем деле должностное лицо пыталось привлечь к ответственности журналиста за то, что в статье о споре между властью и населением журналист назвал его холуем и предателем. По мнению истца, имело место оскорбление, однако суд не согласился с этим, отметив, что употребленные слова не являются унижительными, их нельзя признать грубыми, циничными, они не являются неприличными по форме и оскорбительными по смыслу⁵.

Еще одним проявлением злоупотребления правом на защиту от информации выступают повсеместные ограничения доступа к страницам российских средств

¹ См.: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 3 декабря 2020 г. по делу № 88-17566/2020 // ГАС «Правосудие».

² См.: Определение Первомайского районного суда г. Омска от 16 февраля 2021 г. по делу № 2-288/2021 // ГАС «Правосудие».

³ См.: Суд переквалифицировал дело, но всё равно арестовал главу Исилькуля Омской области Владимира ГИЛЛЯ. URL: <https://kvnews.ru/news-feed/125367> (дата обращения: 19 февраля 2024 г.).

⁴ См.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 1 марта 2021 г. по делу № 88-4493/2021 // ГАС «Правосудие».

⁵ См.: Решение Куединского районного суда Пермского края от 27 января 2020 г. по делу № 12-8/2020 // ГАС «Правосудие».

массовой информации и органов власти на иностранных интернет-площадках якобы в связи с проведением Россией специальной военной операции¹.

Более того, правительства иностранных государств и подконтрольные им распространители информации без какого-либо обоснования, в отсутствие вступивших в законную силу судебных актов ограничивают доступ к масс-медиа, так или иначе связанным с Российской Федерацией².

В результате в государствах, в которых распространители информации таким образом злоупотребили правом на защиту от информации, осталась одна точка зрения (удобная исключительно одной стороне) на причины специальной военной операции на Украине. При этом часть распространителей информации разрешили пользователям призывать к насилию в отношении российских военнослужащих³.

Такая однобокая, направленная лишь против одной точки зрения «свобода массовой информации» по своей сути наносит непоправимый ущерб праву на информацию и заставляет задуматься о том, существует ли свобода массовой информации как один из столпов демократического государства в странах Запада.

Применительно же к данному исследованию очевидна злоупотребительная природа такого поведения (злоупотребляющие ссылаются на защиту от информации, якобы призывающей к насилию, агрессии), которая нарушает право каждого на информацию.

¹ См., напр.: Google заблокировал каналы Совета Федерации на YouTube. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/10/2022/634e5a889a79470dcacd7a87> (дата обращения: 19 февраля 2024 г.); Google объяснил блокировку YouTube-канала Госдумы санкциями. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/04/2022/625180449a79471947c69646 (дата обращения: 19 февраля 2024 г.); Spotify закрыл офис в России и скрыл контент государственных СМИ. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/03/2022/62205ced9a79476ba7d42feb (дата обращения: 19 февраля 2024 г.).

² См., напр.: Russian-backed TV news channel disappears from UK screens. URL: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-60584092> (дата обращения: 19 февраля 2024 г.); YouTube блокирует каналы российских государственных СМИ. URL: <https://www.pnp.ru/politics/youtube-blokiruet-kanaly-rossiyskikh-gosudarstvennykh-smi.html> (дата обращения: 19 февраля 2024 г.).

³ См.: В Meta заявили, что новая политика будет применяться только на Украине. URL: <https://ria.ru/20220311/sotsseti-1777767873.html> (дата обращения: 19 февраля 2024 г.).

Отметим, что, злоупотребляя правом на защиту от информации, субъекты в первую очередь нарушают права других лиц на информацию, что недопустимо. Мы не считаем основной причиной злоупотребительного поведения нечеткость норм частного права (в принципе имеющего в своей сути диспозитивное начало): по нашему мнению, такой причиной является уровень правовой культуры в обществе и у конкретного субъекта. Лицо с низкой правовой культурой гораздо вероятнее пойдет на злоупотребление правом на защиту от информации, которая претит данному лицу, чем субъект с высоким уровнем правовой культуры.

Таким образом, по первому критерию классификации злоупотреблений в информационных правоотношениях выделяются злоупотребления правом на информацию, на защиту информации и на защиту от информации.

Мы сознательно посвятили значительную часть настоящего параграфа примерам злоупотребления информационными правами, чтобы более кратко подойти к выделению видов злоупотреблений по иным критериям: как показано в первой главе настоящего диссертационного исследования, права на информацию, на защиту информации и на защиту от информации носят основополагающий характер для выделения информационных правоотношений, в связи с чем и рассмотрение злоупотреблений в информационных правоотношениях с точки зрения использования данных прав во вред другим лицам представляется крайне важным.

Вторым критерием выступает правовой режим информации – общий и специальный. Общий характеризуется открытостью и доступностью сведений, а специальный – ограничением доступа к информации, ее использованию и распространению, установлением особенностей ее сбора, хранения, передачи, распространения и уничтожения. При злоупотреблении правом происходит нарушение правового режима информации. И в зависимости от того, какой правовой режим (общий или специальный) нарушен, могут быть выделены два вида злоупотреблений.

К злоупотреблениям, нарушающим общий правовой режим информации, относится сокрытие органами власти и их должностными лицами сведений о

своей деятельности, не подлежащих отнесению к информации ограниченного доступа (в том числе отказ в предоставлении запрашиваемых сведений).

Кроме того, злоупотреблением данного вида являются случаи необоснованного ограничения доступа к информации, размещенной на сайтах в сети Интернет, неправомерного требования удалить неуютный материал либо привлечь распространившее лицо к ответственности.

К злоупотреблениям правами, влекущими нарушение специального правового режима информации, относятся случаи посягательств на разного вида тайны – частной жизни, профессиональной, коммерческой и т.д.

Так, сбор, обработка, распространение составляющей тайну информации без правовых оснований могут быть признаны злоупотреблением правом, если действия не нарушили границу субъективного права на информацию и при этом создали угрозу причинения вреда другому лицу, обществу, государству либо причинили такой вред и осуществлялись в целях удовлетворения незаконного интереса (например, получить прибыль от распространения информации¹).

Третьим критерием классификации видов злоупотреблений в информационных правоотношениях выступают пределы субъективного права, которые нарушаются при злоупотребительном поведении. Как выше отмечено, при злоупотреблении правом в границах субъективного права могут нарушаться общие пределы субъективного права (добросовестность и разумность) и специальные пределы субъективного права (в информационных правоотношениях в общем виде сводятся к соблюдению всеми лицами общего и специального правовых режимов в отношении информации). Следовательно, и злоупотребление информационными правами может быть классифицировано на нарушающее общие пределы без нарушения специальных пределов субъективного права и на нарушающее специальные пределы субъективного права. Приведем примеры.

¹ См., напр.: О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 2015. 30 июня. П. 44.

К первому виду относятся злоупотребления, выражающиеся в необоснованном и неоднократном обращении граждан в органы власти с одними и теми же обращениями, которые не нарушают специальных пределов субъективного права. Но говорить о соблюдении кверулянтном общих пределов права, то есть о добросовестности и разумности, не приходится.

К данному виду мы причисляем и случаи необоснованных требований акционера предоставить информацию с целью затруднить, замедлить работу организации и при отсутствии реального интереса в запрашиваемых сведениях. Данное поведение также не нарушает специальных пределов права, но является явно недобросовестным.

При злоупотреблении, нарушающем специальные пределы субъективного права, лицо сознательно использует свои информационные права с целью, противной правовому режиму информации, но поведение злоупотребляющего не запрещено под угрозой применения мер юридической ответственности.

Так, к нарушению специальных пределов субъективного права, выражающихся в попрании общего правового режима информации, относится сокрытие органами власти, их должностными лицами сведений об их деятельности, в том числе отказ предоставить информацию в связи с якобы отнесением ее к категории ограниченного доступа.

К данному виду причисляются неоправданные ограничения органами власти доступа к информации, в том числе в сети Интернет, а также попытки привлечь лиц, распространивших не носящие противоправного характера сведения, к юридической ответственности.

Нарушением специальных пределов права, посягающим на специальный правовой режим информации, является незаконный сбор, в том числе органами власти, информации о частной жизни (если не имеется состава правонарушения).

Таким образом, по третьему критерию классификации выделяются такие виды злоупотребительного поведения, как нарушающие общий предел субъективного права без нарушения специального предела, а также нарушающие специальный предел субъективного права.

Четвертый критерий связан с предыдущим: классифицирующим признаком является вред, который причиняет или может причинить злоупотребление информационными правами. Выше отмечалось, что вред может быть для физического лица моральным, психическим, имущественным, для юридического лица – репутационным, имущественным, для общества – нравственным, для государства – политическим, экономическим. Схожим образом могут быть классифицированы и злоупотребления правом.

Сбор, обработка, распространение сведений о частной жизни человека, распространение порочащих и несоответствующих действительности сведений (в том числе обращение в органы власти с заведомо ложным обвинением в совершении правонарушения) могут нанести моральный вред личности.

Распространение деструктивной информации (к примеру, демонстрирующей насилие, жестокое обращение с животными), с одной стороны, способно нанести вред психике (особенно детской), а с другой, негативно сказывается на общественной нравственности. Такой дуализм очевиден: информация, которая может причинить вред здоровью и (или) развитию одного человека, имеет такую же потенцию и в отношении неопределенного круга лиц, а следовательно, и общества в целом.

Юридическому лицу также может быть нанесен вред: так, диффамация умаляет его репутацию, а неоднократные и безосновательные обращения участника корпоративной организации с требованием о предоставлении сведений негативно сказываются на деятельности через уменьшение его имущества за счет выполнения обязанности по предоставлению таких сведений.

Злоупотребление правом причиняет вред и государству. Так, через неоднократные и единообразные по сути обращения кверулянта в органы власти государство вынуждено тратить ресурсы, которые могли быть пущены на разрешение иных проблем.

В целом, в зависимости от вреда, который может нанести или нанесло злоупотребительное поведение, злоупотребления информационными правами

могут быть: против определенного лица (физического или юридического), против общества и против государства.

Пятый критерий выделяется по признаку субъектного состава участников информационных правоотношений. Выше отмечалось, что такими субъектами являются обладатель информации, ее потребитель и распространитель. Значит, злоупотребления правами могут быть разделены на виды в зависимости от того, какой субъект использует право во вред другому лицу.

Примером злоупотребительного поведения обладателем информации является безосновательное ограничение доступа третьих лиц к сведениям через установление специального правового режима и попытки привлечь к ответственности лиц, получивших доступ к информации.

Физическое лицо самостоятельно определяет границы частной жизни и относит конкретную информацию к указанному виду тайны, в связи с чем сведения о личной, семейной жизни человека презюмируются как информация с ограниченным доступом¹. Вместе с тем выше приводились ситуации, в которых лицо, прикрываясь правом на неприкосновенность частной жизни, пыталось скрыть общественно значимую информацию, что является, безусловно, недопустимым.

Относительно других видов первичных тайн (коммерческой, служебной, государственной) и профессиональных тайн, как правило, имеются более четкие критерии отнесения сведений к тайнам, а также перечни сведений, которые не могут быть отнесены к тайнам². Однако недобросовестные обладатели информации иногда в нарушение требований нормативных правовых актов ограничивают доступ третьих лиц к сведениям вопреки требованиям закона.

¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1253-О // СПС «КонсультантПлюс». П. 2.

² См., напр.: Закон о гостайне. Ст.ст. 5, 7; О коммерческой тайне : Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 32, ст. 3283; 2022. № 29, ч. III, ст. 5278 (далее – *Закон о коммерческой тайне*). Ст.ст. 3–5.

Использование информационных прав таким образом, разумеется, негативно сказывается на общем правовом режиме информации.

Обладатель информации может и иными способами злоупотребить: например, распространить порочащие сведения о другом лице.

Злоупотребительное поведение характерно и для потребителя информации, к примеру, нарушающего специальный правовой режим информации: сбор и обработка сведений ограниченного доступа в целях удовлетворения обывательского интереса, извлечения прибыли и т.д.

Также о злоупотреблении может идти речь при неоднократных и необоснованных запросах информации (у корпоративной организации, участником которой является потребитель, у органов власти при запросе сведений, отнесенных к тайне, что заранее известно потребителю).

Распространители информации в рамках информационных правоотношений не реже злоупотребляют правами.

Так, они в нарушение прав неопределенного круга лиц на информацию допускают себе массовое и повсеместное ограничение доступа к российским средствам массовой информации, пик которого пришелся на период проведения специальной военной операции на Украине и о котором мы уже говорили выше применительно к злоупотреблению правом на защиту от информации.

Таким образом, использование информационных прав во вред другим лицам может быть классифицировано в зависимости от злоупотребляющего субъекта на злоупотребление правом со стороны обладателя информации, а также со стороны ее потребителя или распространителя.

На основании изложенного предлагаются пять критериев классификации злоупотреблений правом в информационных правоотношениях.

Первый критерий – информационные права, которыми субъект злоупотребляет с целью причинить вред другому лицу. На основании данного критерия выделены злоупотребления правами на информацию, на защиту информации и на защиту от информации.

Второй критерий – правовые режимы информации, нарушаемые при злоупотребительном поведении. На основании данного критерия выделены злоупотребления правом, посягающие на общий либо на специальный правовой режим информации.

Третий критерий – нарушенный предел субъективного информационного права. На основании данного критерия выделены злоупотребления правом, нарушившие общий предел субъективного права без нарушения специального предела, а также злоупотребления правом, нарушившие специальный предел субъективного права.

Четвертый критерий – вред, который причиняет или может причинить злоупотребление правом. На основании данного критерия выделены злоупотребления правом, которые могут причинить моральный, психический, имущественный вред физическому лицу, репутационный, имущественный вред – юридическому лицу, нравственный вред – обществу, политический, экономический вред – государству.

Наконец, пятый критерий – субъектный состав участников правоотношений. На основании данного критерия выделены злоупотребления правом, совершаемые обладателем информации, ее потребителем и распространителем.

Мы признаем, что возможны и иные критерии для выделения новых классификаций (к примеру, по критерию формы деяния – злоупотребления правом, совершенные в форме действия или в форме бездействия: данное разделение активно использовалось нами при анализе злоупотребления правом на защиту информации). Нашей задачей в настоящей главе было в первую очередь проанализировать и систематизировать все многообразие случаев злоупотребления правом субъектами информационных правоотношений, что, по нашему мнению, вполне может быть реализовано посредством использования вышеназванных критериев.

ГЛАВА 3. СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

3.1. Общеправовые способы противодействия злоупотреблению правом

В предыдущей главе установлено, что злоупотребление правом – явление общеправовое, характерное и для информационного права. Однако задача науки заключается не только в установлении проблемы, но и в приложении усилий для ее разрешения.

В этой связи в настоящей главе мы осветим возможные общеправовые способы противодействия злоупотреблению правом (первый параграф) и их воплощение в информационном праве (второй параграф).

Безусловно, злоупотребление правом как правовое явление динамичнее и разнообразнее, чем объективное право, поэтому мы не питаем надежду на то, что когда-либо злоупотребительное поведение канет в Лету.

Тем не менее полагаем, что представленные в настоящей главе способы противодействия позволяют сократить случаи злоупотреблений правом в том числе в информационных правоотношениях.

Вообще говоря, все предпосылки злоупотреблений правами могут быть, по сути, сведены к двум группам – объективные и субъективные.

Объективные не зависят от воли конкретного субъекта правоотношений: непроработанность нормативных правовых актов, неудовлетворительное состояние правоприменительной практики и низкий уровень развития общественного правосознания.

К субъективным предпосылкам относится низкий уровень развития правосознания конкретного субъекта правоотношений.

И если на субъективные предпосылки право лишь оказывает воздействие, эффективность которого рассматривается в конкретном случае, то сведение к минимуму объективных предпосылок – одна из задач государства по поддержанию и совершенствованию правопорядка.

В этой связи рассмотрим, какие способы противодействия объективным предпосылкам злоупотребления правом выделяются исследователями, и приведем на основании анализа собственную точку зрения на такие способы.

Как правило, в литературе основным способом противодействия называют правотворческую деятельность органов публичной власти, нацеленную на установление запрета злоупотребления правом, на устранение двусмысленных положений в нормативном правовом регулировании.

Так, о необходимости установления специального запрета злоупотребления правом говорит Е.М. Офман¹.

А.В. Юдин настаивает на том, что одна из задач законодателя – максимально точно определить, что является злоупотреблением правом и какие виды злоупотреблений могут быть выделены².

Схожей логики придерживается К.М. Баева, отмечающая необходимость установления в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации запрета злоупотребления правом участниками уголовного процесса, а также критериев, позволяющих отличить злоупотребительное поведение от правомерного³.

Н.И. Сухова также полагает, что формулирование дефиниции злоупотребления правом и установление четких пределов добросовестного поведения способны оказать противодействие злоупотреблению правом. При этом автор осознает, что поставленная задача – не из легких в силу научных споров о феномене злоупотребления правом, ввиду чего ее реализация – дело не ближайшего будущего⁴, с чем мы не можем не согласиться.

Представляется, самого по себе запрета злоупотребительного поведения в правовом акте недостаточно для того, чтобы предотвратить такое поведение. Так, наличие части третьей статьи 17 Конституции Российской Федерации, в

¹ См.: Офман, Е.М. Указ. соч. С. 99–100.

² См.: Юдин, А.В. Указ. соч. С. 14.

³ См.: Баева, К.М. Нравственные основы предупреждения и преодоления злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 89–90.

⁴ См.: Сухова, Н.И. Снижение оценочности понятия «злоупотребление правом» в целях противодействия его осуществлению // Сборник 2019 г. С. 410–411.

соответствии с которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, не дает оснований полагать, что с принятием Конституции злоупотребление правом прекратило существование.

Более того, наличие специального запрета злоупотребления правом в отдельной отрасли законодательства не требуется: конституционные нормы имеют высшую юридическую силу, прямое действие на всей территории России.

В этой связи согласны с авторами, идущими дальше декларативного запрета злоупотребления правом.

Так, В.И. Крусс среди законодательных мер противодействия злоупотреблению правом называет юридико-техническую доработку норм, определяющих возможности дозволенного и формы обязательного поведения¹.

А.А. Рудаков отмечает: «Неуточнение меры возможного поведения (вариантов поведения) влечет за собой образование “правового вакуума”, в котором субъекту достаточно трудно становится определиться с границами допустимого и недопустимого, что вполне естественно приводит к злоупотреблениям и нарушениям»².

Мы в целом можем разделить стремление исследователей, желающих установить границы и пределы субъективных прав. Однако недопустимо чрезвычайно подробно регламентировать правопользование субъектами правоотношений: в таком случае без веских оснований ограничиваются права добросовестных участников правоотношений. И даже регламентация осуществления прав юридических лиц публичного права хотя и более оправданна, не может быть основой для противодействия злоупотреблению правом.

В этом отношении мы разделяем позицию В.Л. Вольфсона, отмечающего, что непрекращающиеся уточнения правовых норм, регламентирующих

¹ См.: Крусс, В.И. Указ. соч. С. 151.

² Рудаков, А.А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей. С. 94.

реализацию осуществления прав субъектами правоотношений, не только бессмысленны, но и губительны¹.

Бессмысленны оттого, что объективное право в принципе «бедно» на возможные варианты жизненных ситуаций, возникающих при реализации права: сколько бы законодатель не регламентировал процедур реализации субъективных прав, лица найдут еще одну, которую государству, вероятно, снова придется регламентировать. При этом мы не против регламентации как таковой, но в той мере, в какой это в разумных пределах устанавливает порядок реализации права (например, исключает двусмысленность норм права). То есть регламентация подачи искового заявления, участия в судебном процессе вполне допустима, но установление на законодательном уровне, в какой конкретно срок лицо должно направить документы процессуальному оппоненту, явно излишне.

В этой связи обоснована позиция Н.А. Власенко: пробел в праве – это не зло, с которым необходимо бороться с огромными усилиями на законодательном уровне; такой пробел может быть восполнен при конкретизации в праве (к примеру, посредством аналогии права или аналогии закона)². Другой вопрос – насколько корректно будет осуществлена конкретизация в праве уже непосредственно на уровне правоприменителя.

Таким образом, установление пределов и границ субъективного права (через общеотраслевые и отраслевые правовые принципы, правовые запреты) в большей степени способствует нормальному существованию правоотношений и противодействию злоупотреблению правом, чем подробная регламентация использования субъективных прав.

¹ См.: Вольфсон, В.Л. Указ. соч. С. 62.

² См.: Власенко, Н.А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 60–75.

Некоторые исследователи также полагают эффективным способом противодействия злоупотреблению правом переквалификацию части проявлений злоупотребительного поведения в правонарушения¹.

Е.Н. Крымова вовсе предложила установить административную ответственность за «злоупотребление правом в процессе реализации функций должностными лицами и государственными служащими исполнительных органов государственной власти»². В целом поддерживая юридическую ответственность за общественно вредные (и опасные) проявления злоупотребления правом, мы не согласны со столь широкой диспозицией предлагаемой нормы: запрет определенного поведения не может быть сформулирован так, чтобы допускалось произвольное толкование при правоприменении.

В отличие от формального запрета злоупотребления правом перевод части наиболее общественно вредных проявлений злоупотреблений правом в ранг правонарушений как установление границ субъективного права крайне полезен для противодействия злоупотреблению правом. Так, после установления запрета на определенное поведение лицо будет понимать, что за совершение конкретного деяния, которое ранее могло и не повлечь каких-либо негативных последствий, отныне оно будет нести юридическую ответственность.

Мы не будем анализировать соотношение таких понятий, как меры защиты, меры охраны, юридическая ответственность и санкции. Примем с оговоркой на условность и спорность в науке то, что санкции и иные названные понятия соотносятся как общее и частное. То есть к санкциям мы одинаково относим и отказ в защите права, и применение мер административного реагирования, и привлечение к административной или уголовной ответственности.

Стоит отметить, что даже в науке гражданского права вопрос о последствиях злоупотребления правом является дискуссионным, несмотря на существование статьи 10 ГК РФ.

¹ См.: *Крусс, В.И.* Указ. соч. С. 151; *Камалова, Г.Г.* Проблемы противодействия злоупотреблению правом в информационной сфере // *Правовая культура.* 2016. № 4. С. 119.

² См.: *Крымова, Е.Н.* Указ. соч. С. 12.

Так, часть исследователей настаивает на том, что единственно возможное последствие – отказ в защите права, а какие-либо иные санкции (признание сделки недействительной, взыскание убытков, понуждение к совершению определенных действий и т.д.) применять недопустимо¹.

Например, И.В. Сазанова настаивает, что только отказ в защите права возможен в качестве реакции на злоупотребление правом: возложение обязанностей (в том числе посредством привлечения к юридической ответственности) ставит управомоченного в более невыгодное положение, чем правообязанного, что противоречит принципу справедливости².

При этом некоторые авторы отмечают, что отказ в защите права может иметь несколько форм. Например, В.П. Грибанов называет «отказ в принудительном осуществлении права, отказ в конкретном способе защиты права, лишение правомочий на результат злоупотребления, лишение субъективного права в целом, отказ в защите конкретно избранной формы осуществления права»³.

Другая же часть исследователей относит к последствиям злоупотребления правом существенно большее количество санкций⁴.

Так, В.И. Червонюк причисляет к ним не только отказ в различных его формах, но и возложение обязанностей по возмещению убытков, признание сделки недействительной (автор отмечает, что перечень открытый)⁵.

А.Я. Курбатов к последствиям злоупотребления правом относит отказ в защите права, уменьшение размера штрафных санкций, недействительность

¹ См.: Волков, А.В. Указ. соч. С. 287–288; Дерюгина, Т.В. Указ. соч. С. 94; Радченко, С.Д. Указ. соч. С. 138; Сазанова, И.В. Квалификация поведения субъектов как злоупотребление гражданским правом : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.03. СПб., 2010. С. 8.

² См.: Сазанова, И.В. Указ. соч. С. 8.

³ Грибанов, В.П. Указ. соч. С. 79.

⁴ См.: Бекназар-Юзбашев, Г.Т. Указ. соч. С. 24–25; Белоножкин, А.Ю. Указ. соч. С. 9; Вердиян, Г.В. Концепция добросовестности в гражданском праве и проблемы злоупотребления правом // Аграрное и земельное право. 2012. № 4. С. 130; Ибрагимова, М.В. Указ. соч. С. 19–20; Смирнова, Я.А. Указ. соч. С. 14.

⁵ См.: Червонюк, В.И. Указ. соч. С. 170.

сделки, приостановление или прекращение деятельности, признание актов органов публичной власти незаконными¹.

О.А. Слепенкова считает, что основная санкция – отказ в защите права, но правоприменитель не ограничен в применении иных мер, например: признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения, признание оспоримой сделки недействительной, возмещение убытков².

Как видно, даже обращение к статье 10 ГК РФ не гарантирует того, что в науке сложится компромисс относительно последствий злоупотребления правом. Можно ли говорить об очевидности санкций за злоупотребление правом в отраслях, в которых нет аналогичной нормы? Вряд ли, во многом и потому, что в науке нет компромисса о природе злоупотребления правом.

Выше мы установили, что злоупотребление правом проявляется при нарушении общих и (или) специальных пределов субъективного права, но в границах субъективного права.

Соответственно, санкции за злоупотребление правом следует устанавливать зависимо от того, какому виду злоупотребления оказывается противодействие.

Так, при нарушении общих пределов субъективного права лицу может быть лишь отказано в признании за ним права на совершение действий (в том числе на требование о совершении действий третьим лицом).

Мы сознательно не употребляем термин «отказ в защите права», поскольку отказ в признании за лицом права – категория более широкая, чем отказ в защите. Отказать в признании за лицом права могут не только судебные органы, но и субъекты правоотношений, столкнувшиеся со злоупотребительным поведением.

При этом мы согласны с тем, что отказ в защите права (в признании права) не влечет прекращения субъективного права как такового³.

¹ См.: Курбатов, А.Я. Недопустимость злоупотребления правом как способ установления пределов реализации (удовлетворения) интересов // Хозяйство и право. 2000. № 12. С. 43–44.

² См.: Слепенкова, О.А. К вопросу о санкциях за нарушение принципа недопустимости злоупотребления гражданскими правами // Юрист. 2008. № 9. С. 56–57; ГК РФ. Ч. I. Ст. 12.

³ См.: Волков, А.В. Указ. соч. С. 285–286; Смирнова, Я.А. Указ. соч. С. 74.

Выше отмечалось, что надобности фиксировать в отраслевых актах запрет злоупотребления правом не имеется: он установлен на конституционном уровне.

В этой связи не требуется предусматривать норму об отказе в признании за злоупотребляющим права, поскольку отказ имманентен конституционному запрету злоупотребительного поведения: то есть лицо вправе отказать в признании за другим права на осуществление определенных действий независимо от того, зафиксировано ли такое право на отказ в нормативном акте или нет.

Вместе с тем в целях минимизации административного и судебного усмотрения при реакции органов власти на нарушение общих пределов субъективного права необходимо указывать в нормативных правовых актах, в каких случаях лицу, не осуществляющему публичную власть, может быть отказано в признании за ним права.

При нарушении специальных пределов субъективного права в отношении злоупотребляющего субъекта не могут быть применены меры юридической ответственности (если не нарушены границы субъективного права: в этом случае речь идет о правонарушении). Однако, как выше сказано, санкции не ограничиваются только мерами ответственности.

Наряду с отказом в признании права в отношении злоупотребляющего могут быть применены иные меры, не относящиеся к мерам юридической ответственности.

В частноправовых отношениях к таким мерам относятся способы защиты гражданских прав, в том числе указанные в статье 12 ГК РФ, как то: признание недействительным акта органа власти, компенсация морального вреда.

В публично-правовых отношениях перечень способов противодействия злоупотреблению правом не менее широк. Все многообразие можно свести к двум группам: меры административного реагирования (применяются органами власти самостоятельно, без привлечения органов правосудия) и судебного воздействия (применяются только судом в порядке административного судопроизводства).

В отличие от поведения, при котором нарушаются общие пределы субъективных прав, фиксировать нарушение специальных пределов необходимо

как в силу большей общественной вредности поведения, так и ввиду необходимости указания правоприменителям на конкретные санкции, которые могут быть применены к нарушившему такие пределы субъективного права.

Как выше отмечено, нарушение границ субъективного права представляет собой классическое правонарушение. Нет никаких сомнений в том, что лицо может быть привлечено к юридической ответственности лишь на основании четких и ясных норм права, устанавливающих такую ответственность.

В этой связи в целях предотвращения наиболее общественно вредных (опасных) злоупотреблений правом законодатель может устанавливать юридическую ответственность за совершение таких деяний (к примеру, предусматривать административную, а впоследствии и уголовную ответственность за распространение фейк-ньюс), тем самым совершая изъятие конкретной формы реализации субъективного права и переводя определенное деяние из ранга злоупотребительного в правонарушающее.

Таким образом, законодатель в зависимости от степени общественной вредности (опасности) злоупотребления правом вправе предусмотреть в качестве последствий злоупотребления применение санкций – отказ в признании права, применение мер административного реагирования и судебного воздействия.

При этом в целях общей и частной превенции наиболее вредных проявлений злоупотребительного поведения законодатель устанавливает четкие границы субъективного права и санкции за их нарушение. Осознавая, что за границами субъективного права нет злоупотребления правом, тем не менее полагаем, что, вводя юридическую ответственность за ранее бывшее легальным определенное злоупотребительное деяние, законодатель тем самым противодействует такому типу злоупотребления правом самым решительным образом. В этой связи установление мер юридической ответственности также является способом противодействия злоупотреблению правом.

Следует отметить, что вышеназванными примерами не исчерпываются законодательные способы противодействия злоупотребительному поведению.

В.Л. Вольфсон обратил внимание, что со временем у управомоченного лица неминуемо и постепенно исчезает интерес в реализации права: презюмируется, что если лицо в течение трех лет со дня просрочки контрагентом исполнения обязательства не совершает действий по понуждению к его исполнению (в том числе не обращается в суд за защитой нарушенных прав), то оно не имеет интереса реализовать субъективное право¹. Обращение же в суд через десять лет со дня просрочки, когда у контрагента уже нет документов, подтверждающих надлежащее исполнение в силу окончания сроков хранения, – это действие в отсутствие интереса, то есть злоупотребление правом².

Именно в связи с необходимостью защиты интересов должника от недобросовестных действий кредитора появился материально-правовой институт исковой давности, суть которого В.Л. Вольфсон крайне точно охарактеризовал следующим образом: «Срок исковой давности означает момент времени, когда объективная ценность интереса истца в судебной защите считается понизившейся настолько, а объективная ценность интереса ответчика в оставлении обязанности неисполненной соответственно настолько возросшей, что становится возможным отрицать право на судебную защиту»³.

Нам представляется крайне важным данное наблюдение, а закрепление аналогичных норм в законодательстве – эффективным способом противодействия злоупотреблению правом.

Подводя итог правотворческой деятельности органов власти как способу противодействия злоупотреблению правом, отметим, что наиболее эффективным является закрепление правовых последствий такого поведения (отказ в признании права, применение мер административного реагирования и судебного воздействия), установление границ субъективного права (введение публично-правовых запретов на совершение действий под угрозой привлечения к юридической ответственности) и введение по мере надобности норм, согласно

¹ См.: Вольфсон, В.Л. Указ. соч. С. 51–53.

² См.: Там же. С. 75–76.

³ Там же. С. 78–79.

которым с наступлением определенных событий, истечением установленных сроков реализации права лицо лишается права требовать исполнения обязанности в связи с презумпцией о «непозволительно» уменьшившейся заинтересованности злоупотребляющего субъекта в реализации субъективного права.

При этом во введении в отраслевое законодательство специального запрета злоупотребления правом не усматривается какой-либо пользы (равно как и вреда), а регламентация использования прав полезна в разумных пределах – без ущемления прав добросовестных субъектов правоотношений.

Безусловно, противодействие злоупотреблению правом не может зиждиться только на совершенствовании нормативной базы, поскольку мало принять нормативный правовой акт – необходимо, чтобы его реализовывали в соответствии с тем смыслом, который вложил в акт правотворческий орган.

Для этого требуется высокий уровень развития общественного правосознания: при низком уровне (распространение правового инфантилизма или даже нигилизма) несмотря на идеальность нормативной базы злоупотребление правом будет нередким явлением; и наоборот, при высоком уровне недостатки нормативной базы будут сглаживаться через сознательное стремление большинства к обеспечению законности и правопорядка.

В юридической науке общепризнанным является то, что структурными элементами правосознания выступают как минимум правовая идеология («совокупность взглядов, целеполагающих концепций, политико-правовых устремлений и представлений, которые... отражают и оценивают правовую действительность, определяя ее состояние и желаемые перспективы развития»¹) и правовая психология («совокупность чувств, привычек, стереотипов поведения, в которых выражается эмоционально-психологическое отношение... к праву в целом и отдельным его нормам, правопорядку, к юридическим учреждениям»²).

¹ Проблемы теории государства и права. С. 485.

² Там же. С. 485.

Решающую роль в становлении общественного правосознания играет правовое воспитание, выражающееся в обучении граждан (как в общеобразовательных, так и профессиональных учебных заведениях) основам права для повышения уровня правовой грамотности, в пропаганде идей об уважении к праву как к значимому социальному регулятору и о неприятии деяний, нарушающих принципы правового регулирования и (или) запреты.

Реализация данных мер (при прочих равных) в рамках правообучающей формы правовой политики государства будет способствовать определению более четких пределов правовой толерантности¹ – общественного неприятия не только явно правонарушающих деяний (убийство, изнасилование, разбой и т.д.), но и злоупотреблений правом.

Последний способ противодействия злоупотреблению правом связан непосредственно с правоприменением как деятельностью органов публичной власти по разрешению конкретной ситуации.

Даже при высоком уровне общественного правосознания существуют граждане, негативно относящиеся к правовым институтам в силу различных причин (окружение, экономическое положение и т.д.). Правоприменительные органы должны предотвращать попытки нарушения правопорядка или пресекать совершающиеся социально вредные деяния. Возможна ли полноценная реализация данных функций при низком уровне правоприменительной практики в условиях, при которых органы власти настолько специфически толкуют норму права, что можно говорить не о толковании, но об извращении нормы? Полагаем, что нет, в связи с чем государство обязано обеспечить значительный уровень профессионализма правоприменителей и их заинтересованность в защите прав и законных интересов граждан, что не может быть осуществлено без контроля за деятельностью правоприменителей со стороны Федерального Собрания Российской Федерации (парламентский контроль), органов прокуратуры

¹ См. об этом: *Панченко, К.С.* Определение пределов правовой толерантности как условие эффективного противодействия злоупотреблению правом // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 4. С. 273–277.

(прокурорский надзор), судов (осуществление правосудия в ходе обжалования действий органов власти и их должностных лиц) и других органов власти.

При этом не следует забывать и об общественном контроле, так как он «позволит повысить ответственность государственных и муниципальных служащих за свою деятельность, сделает более эффективной борьбу с коррупцией, растратами, со злоупотреблением должностным положением»¹.

На основании изложенного предлагаются следующие общеправовые способы противодействия злоупотреблению правом.

Первый способ – правотворческая деятельность органов публичной власти. В целях противодействия злоупотреблению правом следует закреплять в нормативных правовых актах правовые последствия злоупотребительного поведения (отказ в признании за злоупотребляющим права, применение мер административного реагирования и судебного воздействия), устанавливать границы субъективного права (введение публично-правовых запретов на совершение действий под угрозой привлечения к ответственности) для пресечения наиболее общественно вредных проявлений злоупотреблений и вводить нормы, позволяющие презюмировать «непозволительно» уменьшившуюся заинтересованность злоупотребляющего лица при наступлении определенных событий, истечении установленных сроков реализации права.

Второй способ противодействия – правовое воспитание как правообучающая форма реализации правовой политики государства, выраженная в системе правового обучения и правовой пропаганды, нацеленной на формирование у общества высокого уровня правосознания и, как следствие, неприятия деяний, нарушающих принципы правового регулирования, установленные законодательством запреты.

И третий способ – обеспечение значительного уровня профессионализма правоприменительных органов и их заинтересованности в защите прав и

¹ См.: Терещенко, Л.К. Доступ к информации: правовые гарантии // Журнал российского права. 2010. № 10. С. 46.

законных интересов граждан, в том числе посредством постоянного контроля за деятельностью таких органов со стороны общественных институтов (общественный контроль), Федерального Собрания Российской Федерации (парламентский контроль), органов прокуратуры (прокурорский надзор), судов (осуществление правосудия в ходе обжалования действий органов публичной власти и их должностных лиц) и других органов власти.

3.2. Способы противодействия злоупотреблению правом в информационных правоотношениях

В предыдущем параграфе рассматривался вопрос об общеправовых способах противодействия злоупотреблению правом. В настоящем – обратимся к тому, как данные способы воплощаются в информационном праве в целях противодействия злоупотреблениям в информационных правоотношениях.

Противодействие злоупотреблению в информационных правоотношениях обеспечивается во многом правотворческой деятельностью органов власти.

Г.Г. Камалова одним из способов противодействия называет закрепление в Федеральном законе № 149-ФЗ принципа добросовестности и запрета злоупотребления правом¹.

Выше мы отмечали, что запрет злоупотребления правом носит общеотраслевой характер ввиду закрепления на конституционном уровне.

Также Г.Г. Камалова отмечает, что злоупотребления в информационных правоотношениях возникают ввиду отсутствия порядка реализации норм права².

Иные авторы предлагают для снижения случаев злоупотребления правом на обращение в органы власти усовершенствовать административные процедуры посредством перевода личного приема граждан в дистанционный формат «с фиксированными сроками эфира», ограничения количества символов в

¹ См.: Камалова, Г.Г. Указ. соч. С. 122.

² См.: Там же. С. 117, 120–121.

обращении, направляемом по сети Интернет, введения требования при обращении в электронной форме использовать электронную подпись¹.

Далеко не со всеми предложениями можно согласиться. Так, вызывает сомнения обоснованность ограничения количества символов в обращении, направленном в электронной форме, поскольку в этом случае права граждан ставятся в зависимость от формы обращения: заказным почтовым отправлением гражданин может направить стостраничную жалобу на действия должностных лиц, а через электронную форму ему придется обдумывать, как сложившуюся проблему описать, к примеру, в двухстах символах.

Также не можем разделить предложение об обязанности использовать при направлении обращения по сети Интернет электронной подписи. Исходя из того, что авторы предлагают это «для устранения фактов направления электронных обращений не от своего имени», под электронной подписью они понимают именно усиленную подпись, а не простую, которая не препятствует направлению обращений от чужого имени. При этом не все граждане обеспечены усиленными электронными подписями, в связи с чем такое нововведение существенно ограничит права физических лиц на обращение в органы власти.

О недопустимости необоснованной и ущемляющей права добросовестных субъектов правоотношений регламентации реализации прав мы говорили ранее.

Один из эффективных способов противодействия злоупотреблению в информационных правоотношениях – закрепление в правовых актах последствий злоупотребительного поведения и установление границ информационных прав.

Поскольку мы признали ненужность закрепления в отраслевых правовых актах запрета злоупотребления правом и имманентность такому запрету отказа в признании права, нет оснований для фиксации данной санкции как правового последствия нарушения общих пределов субъективных прав в законодательстве, регулирующем информационные отношения, за исключением случаев, при

¹ См., напр.: *Мещерягина, В.А.* Злоупотребление правом на обращение: современное состояние и перспективы правового противодействия // *Юридическая наука и практика.* 2019. Т. 15, № 2. С. 114.

которых орган власти может отказать лицу, не осуществляющему публичную власть, в признании права при злоупотребительном поведении.

Например, орган власти «при получении письменного обращения, в котором содержатся нецензурные либо оскорбительные выражения... вправе оставить обращение без ответа по существу поставленных в нем вопросов и сообщить лицу, направившему обращение, о недопустимости злоупотребления правом»¹.

В данном случае орган власти не лишает обратившегося гражданина права на обращение в органы власти, но отказывает в признании злоупотребительной реализации права в качестве основания для возникновения у органа власти обязанности ответить на обращение гражданина.

При нарушении специальных пределов субъективных прав в отношении злоупотребляющего могут быть применены меры административного реагирования и судебного воздействия (применение данных мер не препятствует отказу в признании права), перечень которых не является исчерпывающим.

Приведем примеры установлений в законодательстве, регулирующем информационные правоотношения, мер административного реагирования в отношении злоупотребивших правами.

Так, при обнаружении на новостном агрегаторе фактов распространения недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений Роскомнадзор направляет владельцу агрегатора предписание о незамедлительном прекращении распространения информации². Аналогичные по своей сути меры установлены в отношении владельца аудиовизуального сервиса³.

Также Роскомнадзор вправе требовать от владельца социальной сети отмены мер по ограничению доступа к информации пользователя такой сети в

¹ Федеральный закон № 59-ФЗ. Ст. 11. Ч. 3.

² См.: Федеральный закон № 149-ФЗ. Ст. 10.4. Ч. 9.

³ См.: Там же. Ст. 10.5. Ч. 13.

случае отсутствия нормативных оснований для такого ограничения (то есть при возможном злоупотреблении правом на защиту от информации)¹.

К мерам судебного воздействия мы относим право суда ограничить доступ к информационным ресурсам, на которых размещена информация, обрабатываемая с нарушением законодательства Российской Федерации о персональных данных².

Стоит отметить и возможность обжаловать в судебном порядке действия (бездействие) органов власти и оспаривать нормативные и ненормативные правовые акты, нарушающие права и законные интересы лица³. Как мы установили ранее, юридические лица публичного права также могут покушаться на информационные права граждан (к примеру, неправомерно ограничив доступ к информации), в связи с чем возможность предъявления иска к органам власти – гарантия против злоупотреблений ими правом.

Как отмечено ранее, в качестве способа противодействия злоупотреблению правом может быть выделено определение границ субъективного права посредством установления запрета на совершение определенных действий и юридической ответственности за нарушение таких запретов.

К нарушителям в сфере информационных правоотношений может быть применен целый спектр мер административного реагирования и судебного воздействия в дополнение к мерам юридической ответственности.

Так, Роскомнадзор может сделать письменное предупреждение учредителю и (или) редакции (главному редактору) средства массовой информации за злоупотребление свободой массовой информации (наличие нецензурной брани в материале, разглашение охраняемой законом тайны и т.д.)⁴.

¹ См.: Федеральный закон № 149-ФЗ. Ст. 10.6. Ч. 10.

² См.: Там же. Ст. 15.5. Ч. 5, 7.

³ См., напр.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10, ст. 1391; 2024. № 8, ст. 1042. Ст. 1.

⁴ См.: Закон о СМИ. Ст. 16. Ч. 3.

За нарушение статьи 4 Закона о СМИ при распространении продукции зарубежного периодического печатного издания на территории Российской Федерации Роскомнадзор и вовсе может аннулировать разрешение на такое распространение¹.

Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» установлена возможность Роскомнадзора вынести производителю и (или) распространителю информационной продукции «предписание об устранении выявленного нарушения в случае, если в экспертном заключении [информационной продукции] содержится вывод о наличии в данной информационной продукции информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей»².

На основании Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» при наличии «достаточных и предварительно подтвержденных сведений о готовящихся противоправных действиях, содержащих признаки экстремистской деятельности, и при отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель либо подчиненный ему соответствующий прокурор или его заместитель направляет руководителю... организации... предостережение в письменной форме о недопустимости такой деятельности с указанием конкретных оснований объявления предостережения»³.

Особо обратим внимание на полномочия органов власти по признанию распространенной информации нарушающей нормативные запреты и по ограничению доступа к ней.

¹ См.: Закон о СМИ. Ст. 54. Ч. 5.

² См.: О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1, ст. 48; 2023. № 18, ст. 3255. Ст. 19. П. 1.

³ О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031; 2024. № 8, ст. 1042 (далее – *Федеральный закон № 114-ФЗ*). Ст. 6.

Например, согласно статье 15.1 Федерального закона № 149-ФЗ органы власти признают информацию в сети Интернет запрещенной к распространению на территории России (например, материалы о способах совершения самоубийства), а Роскомнадзор на основании этого принимает решение об ограничении доступа к информации¹.

В соответствии со статьей 15.1-1 Федерального закона № 149-ФЗ и на основании требования Генеральной прокуратуры Российской Федерации Роскомнадзор принимает решение об ограничении доступа к материалам, запрещенным в соответствии с так называемым законом об оскорблении власти².

Согласно статье 15.1-2 Федерального закона № 149-ФЗ Роскомнадзор во внесудебном порядке на основании обращения Генеральной прокуратуры Российской Федерации принимает решение об ограничении доступа к недостоверной информации, которая порочит честь и достоинство физического лица или подрывает его репутацию и связана с обвинением такого лица в совершении преступления³.

Статья 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ устанавливает возможность для Роскомнадзора ограничить доступ к информации, дискредитирующей Вооруженные Силы Российской Федерации, а равно содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, к фейк-ньюс⁴.

По обращению Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, нижестоящих избирательных комиссий, органов власти Роскомнадзор

¹ См.: Федеральный закон № 149-ФЗ. Ст. 15.1. Ч. 5. П. 1

² См.: Там же. Ст. 15.1-1. Ч. 1, 2.

³ См.: Там же. Ст. 15.1-2. Ч. 1, 5, 6.

⁴ См.: Там же. Ст. 15.3. Ч. 1, 2.

ограничивает доступ к информации (в том числе агитационным материалам), распространяемой с нарушением законодательства о выборах и референдумах¹.

К мерам судебного воздействия возможно отнести следующее.

Статьей 16 Закона о СМИ установлена возможность за неоднократные факты злоупотреблений свободой массовой информации прекратить в судебном порядке деятельность средства массовой информации².

На основании статьи 15.1 Федерального закона № 149-ФЗ органы правосудия вправе принять решение о запрете распространения на территории Российской Федерации информации в сети Интернет. Перечень сведений, распространение которых может быть запрещено судом, открыт (в отличие от сведений, признающихся запрещенными во внесудебном порядке)³.

Меры юридической ответственности за нарушение границ субъективного права в информационных правоотношениях могут быть различными.

Пример гражданско-правовой ответственности – возмещение убытков лицу, пострадавшему от нарушения режима коммерческой тайны⁴.

К дисциплинарной ответственности в виде увольнения может быть привлечен работник, разгласивший «охраняемую законом тайну (государственную, коммерческую, служебную и т.д.), персональные данные другого работника, ставшие ему известными в связи с исполнением трудовых обязанностей»⁵.

Из десяти возможных к применению видов административных наказаний за нарушение границ информационных прав наиболее часто применяется административный штраф. Его могут наложить за злоупотребление свободой

¹ См.: Там же. Ст. 15.3-1. Ч. 1, 2.

² См.: Закон о СМИ. Ст. 16. Ч. 1, 3.

³ См.: Федеральный закон № 149-ФЗ. Ст. 15.1. Ч. 5. П. 2.

⁴ См.: Закон о коммерческой тайне. Ст. 14. Ч. 1; ГК РФ. Ч. I. Ст. 15.

⁵ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. I, ст. 3; 2024. № 8, ст. 1039. Ст. 81. Ч. 1. П. 6. Пп. «В».

массовой информации (в том числе за распространение фейк-ньюс), нарушение законодательства о распространении массовой информации и т.д.¹

К дисквалификации сроком до трех лет может быть привлечено лицо за совершение незаконных действий по получению и (или) распространению информации, составляющей кредитную историю, либо за незаконное распространение сведений о защищаемых лицах².

Также деятельность юридических лиц может быть приостановлена за нарушение законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию³.

В исключительных случаях за нарушение границ субъективного права в форме административного правонарушения может быть применена санкция в виде административного ареста. Речь идет о таких правонарушениях, посягающих на общественный порядок и безопасность, а именно: дела по так называемым составам об оскорблении власти, публичное демонстрирование нацистской, экстремистской и иной запрещенной законом атрибутики и символики, возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, расы, языка и т.д.⁴

При этом наряду с основным видом наказания может применяться и дополнительный – конфискация предмета административного правонарушения (к примеру, продукции средства массовой информации, в которой содержится противоправная информация)⁵.

Относительно уголовно-правовых санкций за нарушение границ субъективных информационных прав отметим, что фактически уголовный закон более вариативен в силу обязательной индивидуализации наказания. В этой связи обратимся лишь к статье 44 УК РФ, в которой перечислены все виды применяемых наказаний, и заметим, что за преступления в информационной

¹ См.: КоАП РФ. Ст.ст. 13.15, 13.21.

² См.: КоАП РФ. Ст.ст. 5.53, 17.13.

³ См.: Там же. Ст. 6.17. Ч. 1.

⁴ См.: Там же. Ст. 20.1. Ч. 4, 5; Ст. 20.3. Ч. 1; Ст. 20.3.1.

⁵ См.: Там же. Ст.ст. 6.17, 13.15, 13.21, 20.3.

сфере может быть применено практически любое наказание, за исключением пожизненного заключения и смертной казни.

К юридической ответственности может быть привлечено и государство, которое, как заметила В.В. Романова, является субъектом ответственности в широком смысле (то есть как система органов, должностные лица которых могут нести самостоятельно ответственность за свои противоправные деяния) и в узком (как некая цельная структура, несущая ответственность от своего лица)¹.

И если применительно к международно-правовой или конституционной ответственности государства, по нашему мнению, сложно говорить о правонарушении (нарушаются лишь специальные пределы субъективного права), то о гражданско-правовой ответственности юридического лица публичного права (при разглашении коммерческой тайны) или об административной, уголовной ответственности должностных лиц органов власти – вполне допустимо.

К примеру, орган власти в отсутствие правовых оснований ограничил доступ к сайту в сети Интернет, из которого физическое лицо систематически извлекало прибыль. В данном случае имеются причины для привлечения органа власти к гражданско-правовой ответственности в виде обязательства возместить причиненный реальный ущерб и возместить упущенную выгоду².

Отметим, что к правонарушителю могут быть применены не только меры юридической ответственности, но и меры административного реагирования или судебного воздействия (либо лицу могут отказать в признании за ним права). Так, непривлечение лица к юридической ответственности (например, в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности) не препятствует применению в отношении такого лица иных мер: признание информационного материала экстремистским не зависит от того, привлечено ли

¹ См.: Романова, В.В. Юридическая ответственность государства : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.01. Казань, 2007. С. 7.

² См.: ГК РФ. Ч. I. Ст. 15; ГК РФ. Ч. II. Ст. 1069.

лицо, которое изготовило такой информационный материал, к ответственности или нет¹.

К схожим выводам пришел Е.В. Знамеровский, отмечавший, что за злоупотребление свободой массовой информации в отношении лица могут быть применены «административно-принудительные меры пресекательного характера» (вынесение предупреждения, приостановление или прекращение деятельности средства массовой информации) и «меры административной ответственности»².

Кроме закрепления правовых последствий злоупотребительного поведения и установления границ субъективного права, среди нормативных способов возможно рассмотреть нормы, которые позволяли бы презюмировать «непозволительно» уменьшившуюся заинтересованность злоупотребляющего субъекта при наступлении определенных событий, истечении установленных сроков реализации права.

Строго говоря, в законодательстве, регламентирующем реализацию права на информацию, есть такая норма: устанавливается как минимальное количество голосующих акций, которыми акционер должен владеть для реализации права на запрос некоторых документов, так и период, в течение которого документы могут быть запрошены (не более чем за три года до даты обращения, при этом период не может быть раньше даты, с которой началось владение акциями организации)³. Данная норма хотя и не полностью избавляет от злоупотреблений, но способствует снижению их количества: презюмируется «непозволительно» малый интерес акционера с одной акцией на запрос бухгалтерской отчетности, равно как на требование предоставить документы десятилетней давности, что позволяет отклонять такие требования акционерным обществам.

¹ См.: Федеральный закон № 114-ФЗ. Ст. 13. Ч. 2.

² См.: *Знамеровский, Е.В.* Административная ответственность за злоупотребление свободой массовой информации : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.14. Хабаровск, 2003. С. 17.

³ См.: Об акционерных обществах : Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1, ст. 1; 2024. № 1, ч. I, ст. 12. Ст. 91.

Обратим внимание на проблему, связанную с явным злоупотреблением лицами, обращающимися в суд с требованиями признать сведения несоответствующими действительности и удалить их по прошествии нескольких лет со дня распространения таких сведений. Фактически речь идет о применении тех же сроков исковой давности. Современное регулирование (статья 152 ГК РФ и статья 45 Закона о СМИ) не позволяет однозначно определить сроки исковой давности по этим искам: суды отмечают, что на требования о признании сведений несоответствующими действительности данные сроки не распространяются¹.

Вместе с тем полагаем такой вывод спорным: как известно, обязанность доказать соответствие распространенных сведений действительности возлагается на ответчика². Следует ли из этого, что лицу, распространившему некие сведения, необходимо вечно хранить доказательства соответствия действительности? Исходя из логики судов, вероятно, да. Однако разумно ли это требование (особенно применительно к информационным агентствам)? Полагаем, что нет.

В этой связи для предотвращения возможного злоупотребительного поведения со стороны субъектов правоотношений (к примеру, лицо через пять лет «внезапно» обнаружило информацию о себе в сети Интернет) следует более четко сформулировать нормативное положение, которое позволяло бы презюмировать «непозволительно» уменьшившуюся заинтересованность злоупотребляющего субъекта по истечении установленных сроков реализации права на защиту чести, достоинства и деловой репутации (к примеру, три года со дня распространения сведений).

Как ранее отмечено, имеются и другие способы противодействия злоупотреблению правом. Так, среди способов названо правовое воспитание как правообучающая форма реализации правовой политики.

¹ См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 10 июля 2020 г. по делу № 33-20281/2020 // ГАС «Правосудие».

² См.: О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 // Российская газета. 2005. 15 марта. П. 9. Абз. 1.

Мы в полной мере поддерживаем укрепление в умах правопользователей общих принципов права как социального института, формирование представлений о различных отраслях права.

При этом не стоит забывать и о том, что право – это не только теория, но и практика. В этой связи граждане должны быть обучены и тому, как разрешать с точки зрения права некоторые типичные жизненные ситуации (к примеру, как отличить трудовой договор от гражданско-правового, с какого возраста лицо может быть привлечено к юридической ответственности).

Информационное право как бурно развивающаяся отрасль права не должно быть обойдено стороной в данном вопросе: гражданин должен не только знать о своих информационных правах (например, о праве на обращение в органы власти), но и иметь представление, каким образом они реализуются без нанесения вреда третьим лицам (к примеру, понимать, что не допускается в обращении распространять заведомо недостоверные сведения о другом лице).

Безусловно, у лица должно быть и желание применить знание на практике, не нарушая пределов субъективного права. Впрочем, в данном случае право как социальный регулятор имеет ограниченный набор средств воздействия (мы едва ли можем назвать иные способы, кроме перечисленных в настоящем исследовании) – безусловно, должны учитываться и иные факторы влияния на правомерное поведение (прежде всего экономические).

К примеру, распространители информации в лице владельцев информационных ресурсов, разумеется, знают о правах человека на информацию, что, впрочем, не препятствует им неправомерно ограничивать доступ к определенным сведениям, о чем мы говорили ранее.

Российский законодатель принял ряд норм, которые в обычных условиях способны подвигнуть к соблюдению информационных прав граждан Российской

Федерации¹, но в условиях экстраординарных, как показал 2022 г., такие меры незначительно влияют на политику крупнейших распространителей информации.

Следовательно, соблюдение запретов и выполнение обязанностей зиждется не только на нормах права и правовом воспитании. Однако неправовые способы противодействия злоупотреблению правом явно выходят за пределы настоящего исследования, в связи с чем мы вынуждены вопрос об исчерпывающих средствах борьбы со злоупотребительным поведением оставить открытым.

Третий способ – обеспечение значительного уровня профессионализма правоприменительных органов и их заинтересованности в защите прав и законных интересов граждан. В сфере информационных правоотношений влияние органов власти так же существенно, как и в других сферах.

К примеру, выше отмечено, что органы власти имеют значительные полномочия по ограничению доступа к информации, в том числе в сети Интернет. Даже с учетом разработанных критериев отнесения информации к запрещенной к распространению на территории Российской Федерации возможно ли говорить², что органы власти во всех случаях без исключения обоснованно и правомерно ограничивают доступ к сведениям? Представляется, что нет, в связи с чем

¹ См.: О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53, ч. I, ст. 7597; 2023. № 25, ст. 4442. Ст. 3.3; О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации : Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27, ч. I, ст. 5064. Ст. 9; Ст. 10. Ч. 5.

² См., напр.: Критерии оценки материалов и (или) информации, необходимые для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено : утверждены приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27 февраля 2023 г. № 25 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 17 апреля 2023 г., 1 декабря 2023 г.

постоянное совершенствование профессионализма должностных лиц органов власти — залог положительной динамики в правоприменительной практике в сфере информационного права.

В этой связи следует осуществлять постоянный контроль за деятельностью правоприменительных органов со стороны общественных институтов (общественный контроль), Федерального Собрания Российской Федерации (парламентский контроль), органов прокуратуры (прокурорский надзор), судов (осуществление правосудия в ходе обжалования действий органов публичной власти и их должностных лиц) и других органов публичной власти.

К сожалению, уровень знаний контролирующих органов в информационной сфере не всегда отвечает современным реалиям, что обусловлено лавинообразным развитием информационных технологий и не поспевающими за таким развитием кадровыми обновлениями. Впрочем, отчасти данную проблему возможно решить постоянным повышением квалификации кадров, что перекликается со вторым способом противодействия злоупотреблению правом.

Таким образом, способы противодействия злоупотреблению правом в информационных правоотношениях по своей сути не отличаются от общеправовых, и их следует рассматривать в качестве эффективных лишь в совокупности: как выше отмечалось, возможный непрофессионализм не способен исправить идеальное законодательство, как и высокий уровень правоприменительной практики не может в полной мере противостоять злоупотребительному поведению в условиях низкого уровня правосознания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интенсивное развитие информационных технологий, во многом благодаря которому формируется информационное общество, напрямую сказывается на всех сферах жизни общества – экономической, политической, социальной и духовной, что в полной мере осознается правотворческими органами публичной власти, фиксирующими связь между национальной безопасностью и состоянием информационной безопасности Российской Федерации. Указанное обстоятельство, в свою очередь, ставит перед юридической наукой и органами власти задачу по формированию правового регулирования общественных отношений в информационной сфере, которое отвечало бы современным реалиям развития таких общественных отношений, в том числе учитывало угрозы информационной безопасности.

Как показано в настоящем диссертационном исследовании, решение данной задачи не может быть в полной мере осуществлено без всестороннего изучения такого явления правовой действительности, как злоупотребление правом в информационных правоотношениях.

Ранее отмечалось, что, несмотря на имеющиеся в законодательстве Российской Федерации нормы, воспреещающие то или иное проявление злоупотребительного поведения в информационных правоотношениях, правовое регулирование данных правоотношений в части пресечения злоупотребления правом нельзя назвать системным.

Во многом это связано с практически не разработанными теоретическими аспектами злоупотребления правом в информационных правоотношениях, поскольку данная проблема в науке информационного права ранее не становилась предметом самостоятельного исследования.

В настоящем диссертационном исследовании впервые предпринята попытка комплексного анализа злоупотребления правом в информационных правоотношениях, проведенного на основе накопленных теорией права и отраслевыми юридическими науками знаний. При этом в исследовании по-новому рассматривается в целом злоупотребление правом как общеотраслевое явление,

определяется сфера информационных правоотношений, что, в свою очередь, способствует более полному анализу злоупотребления правом в информационных правоотношениях.

Диссертационное исследование впервые в юридической науке позволило сформировать единый подход к феномену злоупотребления правом в информационных правоотношениях посредством определения и установления характерных свойств указанного феномена.

В ходе решения поставленных в настоящем исследовании задач получены следующие результаты.

Нами предложено под информационными понимать такие правоотношения, в которых единственным объектом является информация, субъектами выступают производитель, потребитель, распространитель информации, а содержанием – права на информацию, на защиту информации, на защиту от информации с корреспондирующими им обязанностями субъектов правоотношений.

При этом установлено, что специфичность объекта, особый состав субъектов и характерное содержание информационных правоотношений позволяют рассматривать данные правоотношения в качестве самостоятельного вида правоотношений, а злоупотребление правом в них – в качестве специфического вида злоупотребления правом.

Кроме того, нами выделены признаки злоупотребления правом, применимые к злоупотреблению правом в информационных правоотношениях:

- наличие соответствующего субъективного права у субъекта правоотношения;
- деяние в форме действия или бездействия (если лицо уклоняется от исполнения обязанности, ссылаясь на имеющееся субъективное право);
- умышленный характер деяния (лицо знает о наличии субъективного права и сознательно использует его во вред другим субъектам);
- вредоносность деяния (независимо от того, причинен ли вред в результате злоупотребления правом или создана лишь угроза его причинения);

- нарушение пределов субъективного права – общих (добросовестность и разумность), специальных (соблюдение отраслевых норм-принципов и норм-целей), но в границах такого права, устанавливаемых запретительными нормами права (за границами права лицо совершает правонарушение);
- незаконный интерес, нацеленный на нарушение общеправовых принципов, в том числе принципа недопустимости использования субъективного права в ущерб другому лицу.

На основании специфики информационных правоотношений мы выделили отличия злоупотребления правом в информационных правоотношениях от злоупотреблений в иных видах правоотношений:

- объектом злоупотребления выступает информация, в связи с чем злоупотребление правом возникает при ее поиске, получении, передаче, производстве, распространении, ограничении доступа третьих лиц к ней без согласия управомоченного лица и ограничении ее получения от третьих лиц;
- злоупотребляющим субъектом является обладатель, потребитель или распространитель информации (одно и то же лицо может выступать в качестве обладателя, потребителя и распространителя информации, в связи с чем возможно злоупотребление правами в различных статусах);
- содержательно злоупотребление правом выражается в использовании права на информацию, на защиту информации и на защиту от информации таким образом, что субъект, используя свое информационное право, нарушает аналогичное или иное информационное право другого лица;

В связи с тем, что в каждой отрасли права может быть выделен собственный специальный предел субъективного права, нами установлено, что в информационных правоотношениях злоупотребляющий, как правило, нарушает специальный предел субъективных прав, установленный Федеральным законом № 149-ФЗ, который в общем виде может быть сформулирован как соблюдение всеми лицами установленных правовых режимов информации – общего (режим

открытой, доступной информации) и специального (режим, при котором правообладатель устанавливает ограничения при обращении с информацией).

Также в рамках диссертационного исследования мы предложили пять критериев классификации злоупотреблений правом в информационных правоотношениях и виды злоупотреблений, выделяемые на основании таких критериев:

- информационное право, используемое во вред другому лицу; виды злоупотреблений – злоупотребления правом на информацию, на защиту информации и на защиту от информации;
- правовой режим информации, нарушаемый при злоупотреблении; виды злоупотреблений – злоупотребления правом, посягающие на установленный общий либо на специальный правовой режим информации;
- предел субъективного права, нарушаемый при злоупотреблении правом; виды злоупотреблений – злоупотребления, нарушившие общий предел субъективного права без нарушения специального предела, и злоупотребления, нарушившие специальный предел субъективного права;
- причиняемый злоупотреблением вред; виды злоупотреблений – злоупотребления правом, которые могут причинить моральный, психический, имущественный вред физическому лицу, репутационный, имущественный вред – юридическому лицу, нравственный вред – обществу, политический, экономический вред – государству;
- субъектный состав участников правоотношений; виды злоупотреблений – злоупотребления правом, совершаемые обладателем информации, ее потребителем и распространителем.

Наконец, к общеправовым способам противодействия злоупотреблению правом (наряду с правовым воспитанием и обеспечением значительного уровня профессионализма правоприменительных органов) нами отнесена правотворческая деятельность органов публичной власти.

Мы выделили три направления такой деятельности:

1) закрепление правовых последствий злоупотребления правом, которые могут применяться как по отдельности, так и совокупно:

- отказ в признании за злоупотребляющим субъективного права (к примеру, возможность органа власти отказать в рассмотрении по существу обращения гражданина, содержащего нецензурную брань);

- применение мер административного реагирования (например, направление органом власти владельцу новостного агрегатора предписания о незамедлительном прекращении распространения недостоверной общественно значимой информации);

- применение мер судебного воздействия (к примеру, ограничение на основании решения суда доступа к информационным ресурсам, на которых размещена информация, обрабатываемая с нарушением законодательства Российской Федерации в области персональных данных);

2) установление границ субъективного права посредством закрепления публично-правовых запретов на совершение определенных действий под угрозой привлечения к юридической ответственности в целях общей и частной превенции наиболее общественно вредных проявлений злоупотребления правом (к примеру, установление ответственности за распространение так называемых фейк-ньюс и за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации);

3) введение норм, которые позволяют презюмировать «непозволительно» уменьшившуюся заинтересованность злоупотребляющего субъекта в реализации субъективного права при наступлении определенных событий, истечении установленных сроков реализации субъективного права (например, презумпция «непозволительно» малого интереса акционера на требование предоставить документы акционерного общества десятилетней давности, дающая возможность обществам отклонять такие требования).

Полученные результаты углубляют теоретические знания в науке информационного права, а содержащиеся в диссертационном исследовании положения могут быть использованы для дальнейшей работы как по настоящей проблеме, так и по связанным с ней вопросам.

Настоящее исследование позволило выявить возможные направления дальнейшего развития нормативной базы, регулирующей информационную сферу, и обосновать необходимость совершенствования правоприменительной деятельности органов публичной власти в целях противодействия злоупотреблению правом в информационных правоотношениях.

При этом во всяком случае настоящее диссертационное исследование не исчерпывает всего содержания рассматриваемой проблематики. К примеру, по объективным причинам не исследовались злоупотребления правами в правоотношениях, объектами которых являются результаты интеллектуальной деятельности, имущественные права (безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права), большая часть нематериальных благ, за исключением личной и семейной тайны. Представляется, что данные вопросы могут стать самостоятельным предметом исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. – 1993. – 25 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 6 октября 2022 г.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32, ст. 3301; 2023. – № 31, ч. III, ст. 5777.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5, ст. 410; 2023. – № 31, ч. III, ст. 5765.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52, ч. I, ст. 5496; 2024. – № 6, ст. 767.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46, ст. 4532; 2024. – № 1, ч. I, ст. 20.
6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10, ст. 1391; 2024. – № 8, ст. 1042.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1, ч. I, ст. 1; 2024. – № 1, ч. I, ст. 50.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1, ч. I, ст. 3; 2024. – № 8, ст. 1039.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1, ч. I, ст. 3; 2024. – № 8, ст. 1038.

10. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 27-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 12, ст. 1217.

11. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 28-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 12, ст. 1218.

12. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 14, ч. I, ст. 2029; 2024. – № 1, ч. I, ст. 2.

13. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 10, ст. 1388; 2022. – № 29, ч. III, ст. 5257.

14. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 5 декабря 2022 г. № 479-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 50, ч. III, ст. 8773.

15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 277-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 29, ч. III, ст. 5244.

16. О внесении изменений в статьи 8.32 и 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 25 марта 2022 г. № 62-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 13, ст. 1951.

17. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 14, ч. I, ст. 2030.

18. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 10, ст. 1389.

19. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 13, ст. 1952.

20. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31, ч. I, ст. 4825.

21. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей : Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 19, ст. 2302; 2017. – № 31, ч. I, ст. 4825.

22. О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 30-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 12, ст. 1220.

23. О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 12, ст. 1221.

24. О государственной тайне : Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 // Российская газета. – 1993. – 21 сентября; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 32, ч. I, ст. 6164.

25. О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации : Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27, ч. I, ст. 5064.

26. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1, ст. 48; 2023. – № 18, ст. 3255.

27. О коммерческой тайне : Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 32, ст. 3283; 2022. – № 29, ч. III, ст. 5278.

28. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53, ч. I, ст. 7597; 2023. – № 25, ст. 4442.

29. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19, ст. 2060; 2023. – № 32, ч. I, ст. 6212.

30. О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 10, ст. 1566.

31. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30, ст. 3031; 2024. – № 8, ст. 1042.

32. О реабилитации жертв политических репрессий : Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1991. – № 44, ст. 1428; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 1, ч. I, ст. 16.

33. О рекламе : Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 12, ст. 1232; 2023. – № 31, ч. III, ст. 5785.

34. О средствах массовой информации : Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 7, ст. 300; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 25, ст. 4416.

35. Об акционерных обществах : Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1, ст. 1; 2024. – № 1, ч. I, ст. 12.

36. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31, ч. I, ст. 3448; 2023. – № 51, ст. 9161.

37. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 7, ст. 776; 2022. – № 29, ч. III, ст. 5237.

38. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52, ч. I, ст. 6217; 2022. – № 29, ч. III, ст. 5304.

39. Об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 472-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 1, ч. I, ст. 11.

40. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 53, ч. I, ст. 8424; 2023. – № 49, ч. III, ст. 8675.

41. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утверждена указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 50, ст. 7074.

42. Положение о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций : утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2009 г. № 228 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 12, ст. 1431; 2023. – № 47, ст. 8436.

43. Правила взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с организатором распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» : утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 745 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 32, ст. 4518; 2020. – № 18, ст. 2906.

44. Правила оказания телематических услуг связи : утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2021 г. № 2607 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 3, ст. 579.

45. Критерии оценки материалов и (или) информации, необходимые для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-

телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено : утверждены приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27 февраля 2023 г. № 25 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 17 апреля 2023 г., 1 декабря 2023 г.

46. Положение о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел : утверждено приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации № 375, Министерства внутренних дел Российской Федерации № 584, Федеральной службы безопасности Российской Федерации № 352 от 25 июля 2006 г. // Российская газета. – 2006. – 22 сентября.

47. Об информации, информатизации и защите информации : Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 8, ст. 609; 2003. – № 2, ст. 167.

Судебная практика

48. *Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway*, application no. 21980/93, Grand Chamber Judgment of 20 May 1999 // The HUDOC database.

49. *Dalban v. Romania*, application no. 28114/95, Grand Chamber Judgment of 29 September 1999 // The HUDOC database.

50. *Perna v. Italy*, application no. 48898/99, Grand Chamber Judgment of 6 May 2003 // The HUDOC database.

51. *Cumpănă and Mazăre v. Romania*, application no. 33348/96, Grand Chamber Judgment of 17 December 2004 // The HUDOC database.

52. *Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France*, applications nos. 21279/02 and 36448/02, Grand Chamber Judgment of 22 October 2007 // The HUDOC database.

53. *Axel Springer AG v. Germany*, application no. 39954/08, Grand Chamber Judgment of 7 February 2012 // The HUDOC database.
54. *Delfi AS v. Estonia*, application no. 64569/09, Grand Chamber Judgment of 16 June 2015 // The HUDOC database.
55. *Couderc and Hachette Filipacchi Associés v. France*, application no. 40454/07, Grand Chamber Judgment of 10 November 2015 // The HUDOC database.
56. *Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom*, applications nos. 58170/13, 62322/14 and 24960/15, Grand Chamber Judgment of 25 May 2021 // The HUDOC database.
57. *Lingens v. Austria*, application no. 9815/82, Judgment of 8 July 1986 // The HUDOC database.
58. *Prager and Oberschlick v. Austria*, application no. 15974/90, Judgment of 26 April 1995 // The HUDOC database.
59. *Lehideux and Isorni v. France*, application no. 24662/94, Judgment of 23 September 1998 // The HUDOC database.
60. *Sürek v. Turkey (no. 1)*, application no. 26682/95, Judgment of 8 July 1999 // The HUDOC database.
61. *Eerikäinen and Others v. Finland*, application no. 3514/02, Judgment of 10 February 2009 // The HUDOC database.
62. *Egeland and Hanseid v. Norway*, application no. 34438/04, Judgment of 16 April 2009 // The HUDOC database.
63. *MGN Limited v. the United Kingdom*, application no. 39401/04, Judgment of 18 January 2011 // The HUDOC database.
64. *Mosley v. the United Kingdom*, application no. 48009/08, Judgment of 10 May 2011 // The HUDOC database.
65. *Söderman v. Sweden*, application no. 5786/08, Judgment of 12 November 2013 // The HUDOC database.
66. *Haldimann and Others v. Switzerland*, application no. 21830/09, Judgment of 24 February 2015 // The HUDOC database.

67. *Roman Zakharov v. Russia*, application no. 47143/06, Judgment of 4 December 2015 // The HUDOC database.
68. *Dmitriyevskiy v. Russia*, application no. 42168/06, Judgment of 3 October 2017 // The HUDOC database.
69. *Savva Terentyev v. Russia*, application no. 10692/09, Judgment of 28 August 2018 // The HUDOC database.
70. *Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom*, applications nos. 58170/13, 62322/14 and 24960/15, Judgment of 13 September 2018 // The HUDOC database.
71. *Kablis v. Russia*, applications nos. 48310/16, 59663/17, Judgment of 30 April 2019 // The HUDOC database.
72. *Atamanchuk v. Russia*, application no. 4493/11, Judgment of 11 February 2020 // The HUDOC database.
73. *Bulgakov v. Russia*, application no. 20159/15, Judgment of 23 June 2020 // The HUDOC database.
74. *OOO Flavus and Others v. Russia*, applications nos. 12468/15, 323489/15, 419074/16, Judgment of 23 June 2020 // The HUDOC database.
75. *Vladimir Kharitonov v. Russia*, application no. 10795/14, Judgment of 23 June 2020 // The HUDOC database.
76. *Garaudy v. France*, Decision as to the admissibility of the application no. 65831/01, 24 June 2003 // The HUDOC database.
77. *Muscio v. Italy*, Decision as to the admissibility of the application no. 31358/03, 13 November 2003. – URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2466358/2466358-006.htm> (дата обращения: 18 февраля 2024 г.).
78. *Norwood v. the United Kingdom*, Decision as to the admissibility of the application no. 23131/03, 16 November 2004 // The HUDOC database.
79. *Witzsch v. Germany*, Decision as to the admissibility of the application no. 7485/03, 13 December 2005 // The HUDOC database.
80. *Pavel Ivanov v. Russia*, Decision as to the admissibility of the application no. 35222/04, 20 February 2007 // The HUDOC database.

81. *M'Bala M'Bala v. France*, Decision as to the admissibility of the application no. 25239/13, 20 October 2015 // The HUDOC database.

82. *Roj TV A/S v. Denmark*, Decision as to the admissibility of the application no. 24683/14, 17 April 2018 // The HUDOC database.

83. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 г. № 24-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 40, ч. III, ст. 5489.

84. По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 235 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ИЗИ ЧАЙНА КОРПОРЕЙТ» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 22-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 19, ст. 3519.

85. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Дорофеева Максима Леонидовича и Евсюкова Сергея Борисовича на нарушение их конституционных прав частью 5 статьи 11 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2019 г. № 840-О // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (далее – СПС «КонсультантПлюс»).

86. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Михайлина Виктора Евгеньевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 1114-О // СПС «КонсультантПлюс».

87. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сергиенко Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 1 и 3 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации», а также положениями статей 3 и 15 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 3085-О // СПС «КонсультантПлюс».

88. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1253-О // СПС «КонсультантПлюс».

89. О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ : информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 18 января 2011 г. № 144 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 3. – С. 144–153.

90. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 // Российская газета. – 2012. – 3 октября; 2022. – 17 июня.

91. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. – 2015. – 30 июня.

92. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 // Российская газета. – 2005. – 15 марта.

93. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 3900/98 от 24 ноября 1998 г. – URL: http://sudbiblioteka.ru/as/text1/vasud_big_2966.htm (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).

94. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. по делу № 18-КГ14-13 // СПС «КонсультантПлюс».

95. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 мая 2019 г. по делу № 18-КГ19-19 // СПС «КонсультантПлюс».

96. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2019 г. по делу № 1-АД19-4 // СПС «КонсультантПлюс».

97. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 13 августа 2020 г. по делу № 1-АД20-1 // СПС «КонсультантПлюс».

98. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 3 августа 2020 г. по делу № 88-17566/2020 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие»).

99. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 февраля 2020 г. по делу № 88А-2512/2020 // ГАС «Правосудие».

100. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2021 г. по делу № 88а-7512/2021 // ГАС «Правосудие».

101. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 апреля 2020 г. по делу № 16-1551/2020 // ГАС «Правосудие».

102. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2020 г. по делу № 88-25744/2020 // ГАС «Правосудие».

103. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27 января 2021 г. по делу № 88а-1045/2021 // ГАС «Правосудие».

104. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2021 г. по делу № 88а-7401/2021 // ГАС «Правосудие».

105. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12 ноября 2019 г. по делу № 88а-260/2019 // ГАС «Правосудие».

106. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 1 марта 2021 г. по делу № 88-4493/2021 // ГАС «Правосудие».

107. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 2 февраля 2021 г. по делу № 88а-4377/2021 // ГАС «Правосудие».

108. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28 августа 2020 г. по делу № 16-5612/2020 // ГАС «Правосудие».

109. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 января 2021 г. по делу № 16-215/2021 // ГАС «Правосудие».

110. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12 февраля 2021 г. по делу № 16-234/2021 // ГАС «Правосудие».

111. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 2 марта 2020 г. по делу № 16-107/2020 // ГАС «Правосудие».

112. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 апреля 2020 г. по делу № 16-522/2020 // ГАС «Правосудие».

113. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17 апреля 2020 г. по делу № 16-1737/2020 // ГАС «Правосудие».

114. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июля 2020 г. по делу № 16-4618/2020 // ГАС «Правосудие».

115. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 февраля 2021 г. по делу № 16-617/2021 // ГАС «Правосудие».

116. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 февраля 2021 г. по делу № 16-300/2021 // ГАС «Правосудие».

117. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28 апреля 2020 г. по делу № 16-795/2020 // ГАС «Правосудие».

118. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26 июня 2020 г. по делу № 16-2312/2020 // ГАС «Правосудие».

119. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18 декабря 2020 г. по делу № 16-4180/2020 // ГАС «Правосудие».

120. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2021 г. по делу № 16-724/2021 // ГАС «Правосудие».

121. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2020 г. по делу № 16-830/2020 // ГАС «Правосудие».

122. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16 октября 2020 г. по делу № 16-6213/2020 // ГАС «Правосудие».

123. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 4 декабря 2020 г. по делу № 16-7903/2020 // ГАС «Правосудие».

124. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24 мая 2021 г. по делу № 16-3611/2021 // ГАС «Правосудие».

125. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15 февраля 2016 г. по делу № А12-21772/2015 // Картотека арбитражных дел.

126. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 22 октября 2013 г. по делу № А40-144904/12 // Картотека арбитражных дел.

127. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 17 апреля 2014 г. по делу № А49-1266/2013 // Картотека арбитражных дел.

128. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 14 ноября 2012 г. по делу № А50-2205/2012 // Картотека арбитражных дел.

129. Апелляционное определение Белгородского областного суда от 27 сентября 2018 г. по делу № 33а-5068/2018 // ГАС «Правосудие».

130. Апелляционное определение Белгородского областного суда от 25 марта 2019 г. по делу № 33а-2445/2019 // ГАС «Правосудие».

131. Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 4 июня 2018 г. по делу № 33а-3281/2018 // ГАС «Правосудие».

132. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 апреля 2019 г. по делу № 33-19355/2019 // ГАС «Правосудие».

133. Апелляционное определение Московского городского суда от 10 июля 2020 г. по делу № 33-20281/2020 // ГАС «Правосудие».

134. Апелляционное определение Московского городского суда от 14 декабря 2020 г. по делу № 33а-5987/2020 // ГАС «Правосудие».

135. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 25 июня 2019 г. по делу № 33-4572/2019 // ГАС «Правосудие».

136. Постановление Архангельского областного суда от 15 октября 2019 г. по делу № 4а-568/2019 // ГАС «Правосудие».

137. Постановление Верховного суда Республики Алтай от 24 ноября 2017 г. по делу № 4А-100/2017 // ГАС «Правосудие».

138. Постановление Верховного суда Республики Мордовия от 2 августа 2019 г. по делу № 4-а-140/2019 // ГАС «Правосудие»

139. Постановление Калининградского областного суда от 30 ноября 2016 г. по делу № 4А-534/2016 // ГАС «Правосудие».

140. Постановление Московского городского суда от 6 ноября 2018 г. по делу № 4а-6374/2018 // ГАС «Правосудие».

141. Постановление Московского городского суда от 9 марта 2021 г. по делу № 10-3235/2021 // ГАС «Правосудие».

142. Постановление Нижегородского областного суда от 26 января 2021 г. по делу № 22-374/2021 // ГАС «Правосудие».

143. Постановление Пермского краевого суда от 15 сентября 2020 г. по делу № 22-5184/2020 // ГАС «Правосудие».

144. Решение Архангельского областного суда от 30 июля 2019 г. по делу № 7п-376/2019 // ГАС «Правосудие».

145. Решение Верховного суда Республики Карелия от 17 апреля 2019 г. по делу № 21-129/2019 // ГАС «Правосудие».

146. Решение Воронежского областного суда от 2 октября 2017 г. по делу № 21-581/2017 // ГАС «Правосудие».

147. Решение Ивановского областного суда от 7 февраля 2017 г. по делу № 21-38/2017 // ГАС «Правосудие».

148. Решение Оренбургского областного суда от 5 ноября 2019 г. по делу № 12-238/2019 // ГАС «Правосудие».

149. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 июня 2020 г. по делу № А40-259924/2019 // Картотека арбитражных дел.

150. Определение Первомайского районного суда г. Омска от 16 февраля 2021 г. по делу № 2-288/2021 // ГАС «Правосудие».

151. Постановление Буйнакского городского суда Республики Дагестан от 2 июля 2020 г. по делу № 1-110/2020 // ГАС «Правосудие».

152. Постановление Кировского районного суда г. Ярославля от 14 мая 2019 г. по делу № 5-67/2019 // ГАС «Правосудие».

153. Постановление Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 20 ноября 2019 г. по делу № 5-1030/2019 // ГАС «Правосудие»/

154. Постановление Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 11 августа 2020 г. по делу № 5-1330/2020 // ГАС «Правосудие».

155. Постановление Селемджинского районного суда Амурской области от 26 апреля 2020 г. по делу № 5-9/2020 // ГАС «Правосудие».

156. Постановление Советского районного суда г. Брянска от 29 мая 2019 г. по делу № 5-327/2019 // ГАС «Правосудие».

157. Постановление Советского районного суда г. Владивостока от 11 августа 2020 г. по делу № 5-1211/2020 // ГАС «Правосудие».

158. Постановление Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 23 июля 2020 г. по делу № 5-2892/2020 // ГАС «Правосудие».

159. Приговор Балахнинского городского суда Нижегородской области от 21 июля 2020 г. по делу № 1-208/2020 // ГАС «Правосудие».

160. Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 10 июля 2018 г. по делу № 1-493/2018 // ГАС «Правосудие».

161. Приговор Южно-Сахалинского городского суда Сахалинской области от 8 февраля 2017 г. по делу № 1-72/2017 // ГАС «Правосудие».

162. Решение Куединского районного суда Пермского края от 27 января 2020 г. по делу № 12-8/2020 // ГАС «Правосудие».

163. Решение Одинцовского городского суда Московской области от 16 декабря 2020 г. по делу № 2а-10016/2020 // ГАС «Правосудие».

164. Решение Октябрьского районного суда города Красноярска от 22 января 2021 г. по делу № 12-30/2021 // ГАС «Правосудие».

165. Решение Псковского городского суда Псковской области от 1 ноября 2019 г. по делу № 12-148/2019 // ГАС «Правосудие».

166. Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 21 декабря 2015 г. по делу № 12-1752/2015 // ГАС «Правосудие».

167. Решение Таганского районного суда г. Москвы от 13 апреля 2018 г. по делу № 02-1779/2018 // ГАС «Правосудие».

168. Решение Таганского районного суда г. Москвы от 6 августа 2018 г. по делу № 02а-0121/2018 // ГАС «Правосудие».

169. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 13 сентября 2018 г. по делу № А40-93234/18 // Картотека арбитражных дел.

Монографии и научно-практические издания

170. *Агарков, М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 192 с.

171. *Александров, Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе / Н.Г. Александров. – М.: Госюриздат, 1955. – 176 с.

172. *Алексеев, С.С.* Общая теория права : в двух томах / С.С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1982. – Т. 2. – 360 с.

173. *Баев, О.Я.* Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам / М.О. Баев, О.Я. Баев. – М.: Проспект, 2014. – 216 с.

174. *Братусь, С.Н.* Субъекты гражданского права / С.Н. Братусь. – М.: Госюриздат, 1950. – 367 с.

175. *Братусь, С.Н.* Юридические лица в советском гражданском праве. Ученые труды: Понятие, виды, государственные юридические лица / С.Н. Братусь. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – Вып. 12. – 364 с.

176. *Вагизова, Э.Р.* Злоупотребление правом участниками земельных правоотношений / Э.Р. Вагизова. – М.: Статут, 2014. – 160 с.

177. *Венедиктов, А.В.* Государственная социалистическая собственность / А.В. Венедиктов. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 839 с.

178. *Войниканис, Е.А.* Информация. Собственность. Интернет: Традиция и новеллы в современном праве / Е.А. Войниканис, М.В. Якушев. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 176 с.

179. *Волков, А.В.* Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики / А.В. Волков. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 464 с.

180. *Волков, Ю.В.* Информация – термин юридический / Ю.В. Волков. – М.: ООО Универсальная Типография «Альфа Принт», 2016. – 150 с.
181. *Вольфсон, В.Л.* Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве / В.Л. Вольфсон. – М.: Проспект, 2014. – 144 с.
182. *Гаджиев, Г.А.* Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации) / Г.А. Гаджиев. – М.: Юристъ, 2002. – 286 с.
183. *Гаджиева, З.Р.* Конституционное право человека и гражданина на информацию о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления / З.Р. Гаджиева. – М.: Проспект, 2015. – 120 с.
184. *Грибанов, В.П.* Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2001. – 411 с.
185. *Дерюгина, Т.В.* Пределы осуществления гражданских прав / Т.В. Дерюгина. – М.: Зерцало-М, 2010. – 248 с.
186. *Ермаков, В.Г.* Право граждан на информацию в современной России / В.Г. Ермаков, А.А. Кривоухов, Е.М. Бледнова. – Курск: Курская академия гос. и муниципальной службы, 2012. – 136 с.
187. *Жарова, А.К.* Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере / А.К. Жарова. – М.: Янус-К, 2016. – 248 с.
188. *Зверева, Е.А.* Правовой режим информации в отношениях с участием субъектов предпринимательской деятельности / Е.А. Зверева. – М.: Юстицинформ, 2008. – 400 с.
189. *Иоффе, О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1949. – 144 с.
190. *Кудрявцев, В.Н.* Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. – 287 с.
191. *Лейст, О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву / О.Э. Лейст. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 240 с.

192. *Липинский, Д.А.* Общая теория юридической ответственности / Д.А. Липинский Р.Л. Хачатуров. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 950 с.
193. *Лукьяненко, М.Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность / М.Ф. Лукьяненко. – М.: Статут, 2010. – 423 с.
194. *Малеин, Н.С.* Юридическая ответственность и справедливость / Н.С. Малеин. – М.: Юридическая литература, 1992. – 215 с.
195. *Малиновский, А.А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование) / А.А. Малиновский. – М.: Юрлитинформ, 2007. – URL: <https://mgimo.ru/files/33503/33503.pdf> (дата обращения: 15 февраля 2024 г.).
196. *Матузов, Н.И.* Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. – 292 с.
197. *Морозов А.В.* Организационно-правовое обеспечение информационной безопасности / А.В. Морозов, Т.А. Полякова. – М.: РПА Минюста России, 2013. – 276 с.
198. *Новицкий, И.Б.* Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. – М.: Юридическая литература, 1950. – 412 с.
199. *Офман, Е.М.* Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений / Е.М. Офман. – М.: Проспект, 2011. – 128 с.
200. *Погорелова, М.А.* Конституционное право на информацию: правовая природа, содержание, структура, особенности регулирования и реализации в Интернете / М.А. Погорелова. – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2010. – 120 с.
201. *Поротикова, О.А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом / О.А. Поротикова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 280 с.
202. *Рудаков, А.А.* Парные юридические категории: теория прав и обязанностей / А.А. Рудаков. – М.: Проспект, 2015. – 232 с.

203. *Стрельцов, А.А.* Правовое обеспечение информационной безопасности России: теоретические и методологические основы / А.А. Стрельцов. – Минск: «Беллітфонд», 2005. – 304 с.

204. *Тихомиров, Ю.А.* Теория компетенции / Ю.А. Тихомиров. – М.: Юстицинформ, 2001. – 354 с.

205. *Толстой, Ю.К.* К теории правоотношения / Ю.К. Толстой. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. – 88 с.

206. *Халфина, Р.О.* Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. – М.: Юридическая литература, 1974. – 352 с.

207. *Чиркин, В.Е.* Юридическое лицо публичного права / В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2007. – 352 с.

Научные статьи, публикации в журналах и сборниках

208. *Anthony R. Pratkanis.* The Cargo-Cult Science of Subliminal Persuasion. The Committee for Skeptical Inquiry. Vol. 16.3, Spring 1992. Pp. 260–272.

209. *Агарков, М.М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / М.М. Агарков // Известия АН СССР, отделение экономики и права. – 1946. – № 6. – С. 424–436.

210. *Аксенова, О.В.* К вопросу о пределах осуществления гражданских процессуальных прав / О.В. Аксенова // Теория и практика субъективных прав и процессуальные формы их защиты : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2000. – С. 103–106.

211. *Алексеева, М.В.* О проблемных вопросах реализации конституционного права на информацию как одного из основных прав и свобод человека и гражданина / М.В. Алексеева // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 7. – С. 16–20.

212. *Алферов, А.Н.* Человек как явный субъект права в информационных правоотношениях / А.Н. Алферов // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 3. – С. 3–9.

213. *Амелин, Р.В.* Правовые отношения в сфере создания и использования государственных информационных систем / Р.В. Амелин // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 9. – С. 32–49.

214. *Атаманов, Г.А.* Об информации, субъектах информационных отношений и информационном праве / Г.А. Атаманов // Защита информации. Инсайд. – 2011. – № 2. – С. 18–25.

215. *Баева, К.М.* Нравственные основы предупреждения и преодоления злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве / К.М. Баева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 4. – С. 84–90.

216. *Бармина, О.Н.* Злоупотребления в праве. Как обеспечить добросовестное использование прав? / О.Н. Бармина // Вестник Вятского государственного университета. – 2013. – № 4-1. – С. 86–90.

217. *Башаратьян, М.К.* Информация как объект права и содержание права на информацию / М.К. Башаратьян // Современное право. – 2006. – № 12. – С. 36–43.

218. *Бородин, М.В.* Признаки электронного документа как объекта информационных правоотношений / М.В. Бородин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2014. – № 3. – С. 66–70.

219. *Братусь, С.Н.* О пределах осуществления гражданских прав / С.Н. Братусь // Правоведение. – 1967. – № 3. – С. 79–86.

220. *Брауде, И.Л.* К вопросу об объекте правоотношения по советскому гражданскому праву / И.Л. Брауде // Советское государство и право. – 1951. – № 3. – С. 56–58.

221. *Бундин, М.В.* Система информации ограниченного доступа и конфиденциальность / М.В. Бундин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 120–130.

222. *Буянов, Ю.Г.* Гражданское правоотношение: его содержание и правовая природа / Ю.Г. Буянов // Марийский юридический вестник. – 2011. – Вып. 8. – С. 191–196.

223. *Венгеров, А.Б.* Информационные отношения в управлении народным хозяйством как объект правового регулирования / А.Б. Венгеров // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1973. – Вып. 29. – С. 40–60.

224. *Вердиян, Г.В.* Концепция добросовестности в гражданском праве и проблемы злоупотребления правом / Г.В. Вердиян // Аграрное и земельное право. – 2012. – № 4. – С. 129–133.

225. *Власенко, Н.А.* Конкретизация в праве: методологические основы исследования / Н.А. Власенко // Журнал российского права. – 2014. – № 7. – С. 60–75.

226. *Волков, Ю.В.* Базовые субъекты информационного права / Ю.В. Волков // Законодательство. – 2019. – № 9. – С. 48–55.

227. *Вопленко, Н.Н.* Злоупотребление правом как родовое понятие юридической науки / Н.Н. Вопленко // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. – 2011. – № 1. – С. 7–15.

228. *Выпханова, Г.В.* Состав и содержание эколого-информационных правоотношений / Г.В. Выпханова // Аграрное и земельное право. – 2008. – № 2. – С. 67–72.

229. *Даровских, О.И.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: понятие и признаки / О.И. Даровских // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 43. – С. 23–27.

230. *Даровских, О.И.* Классификация злоупотребления правами в уголовном судопроизводстве / О.И. Даровских // Проблемы права. – 2013. – № 1. – С. 153–158.

231. *Дозорцев, В.А.* Информация как объект исключительного права / В.А. Дозорцев // Дело и право. – 1996. – № 4. – С. 27–38.

232. *Егорова, Н.А.* Управленческие преступления и злоупотребление правом / Н.А. Егорова // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 27–31.

233. *Емельянов, В.И.* Запрет злоупотребления гражданскими правами / В.И. Емельянов // Законность. – 1999. – № 10. – С. 53–56.

234. *Журавлев, М.С.* Персональные данные в трудовых отношениях: допустимые пределы вмешательства в частную жизнь работника / М.С. Журавлев // Информационное право. – 2013. – № 4. – С. 35–38.

235. *Зайцева, Е.С.* Злоупотребление правом в законотворческой деятельности / Е.С. Зайцева // Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 23–24 мая 2019 года) / под ред. В.А. Толстика, В.М. Баранова, П.В. Васильева. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019 (далее – *Сборник 2019 г.*). – С. 48–57.

236. *Ильин, И.В.* Вопросы противодействия злоупотреблению правом участниками гражданского и арбитражного процесса / И.В. Ильин // Сборник 2019 г. – С. 197–201.

237. *Инюшкин, А.А.* Информация в системе объектов гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных / А.А. Инюшкин // Информационное право. – 2016. – № 4. – С. 4–7.

238. *Казина, Т.В.* Права и злоупотребление правом в производстве по делам об административных правонарушениях / Т.В. Казина // Гражданин и право. – 2016. – № 3. – С. 24–32.

239. *Камалова, Г.Г.* Проблемы противодействия злоупотреблению правом в информационной сфере / Г.Г. Камалова // Правовая культура. – 2016. – № 4. – С. 115–123.

240. *Каташук, Д.В.* Объект правоотношения и его понимание на современном этапе / Д.В. Каташук // Актуальные проблемы гражданского права. – 2014. – № 1. – С. 205–211.

241. *Кирдяшова, Е.В.* Информация как объект интеллектуальной собственности / Е.В. Кирдяшова // Законодательство и практика средств массовой информации. – 1997. – № 11. – С. 1–5.

242. *Китайчик, М.М.* Право на защиту от информации / М.М. Китайчик // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 3. – С. 12–18.

243. *Колесниченко, В.А.* Злоупотребление правом на информацию в практике Европейского суда по правам человека / В.А. Колесниченко // Закон и право. – 2021. – № 12. – С. 15–18.

244. *Колесниченко, В.А.* Правоприменительная практика привлечения к административной ответственности по делам об «оскорблении власти» / В.А. Колесниченко // Вестник Московского Университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 225–231.

245. *Колесниченко, В.А.* Распространение недостоверной общественно значимой информации как проявление злоупотребления правом на информацию: правоприменительная практика / В.А. Колесниченко // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 12. – С. 162–164.

246. *Колесниченко, В.А.* Ограничение доступа к информации как проявление злоупотребления правом на защиту от информации: правоприменительная практика / В.А. Колесниченко // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 12. – С. 263–264.

247. *Колесниченко, В.А.* Информационные права как составная часть содержания информационных правоотношений / В.А. Колесниченко // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 129–130.

248. *Кузнецов, П.У.* Информация как объект правоотношений в сфере обеспечения информационной безопасности / П.У. Кузнецов // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 3. – С. 41–56.

249. *Кузьмин, В.П.* Понятие и юридическая сущность информации и пути формирования информационного общества в России / В.П. Кузьмин // Информационное право. – 2009. – № 2. – С. 3–9.

250. *Куликов, М.Ю.* Злоупотребление избирательными правами: основные подходы научного определения / М.Ю. Куликов // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 2. – С. 21–26.

251. *Куликов, М.Ю.* Формы и виды злоупотреблений избирательными правами (классификация злоупотреблений избирательными правами) / М.Ю. Куликов // Избирательное право. – 2015. – № 4. – С. 16–25.

252. Курбатов, А.Я. Недопустимость злоупотребления правом как способ установления пределов реализации (удовлетворения) интересов / А.Я. Курбатов // Хозяйство и право. – 2000. – № 12. – С. 34–44.

253. Курбатов, А.Я. Недопустимость злоупотребления правом как общеправовой принцип реализации прав / А.Я. Курбатов, А.С. Подмаркова // Хозяйство и право. – 2009. – № 2. – С. 104–115.

254. Ларин, В.В. К вопросу о противоправности злоупотребления правом / В.В. Ларин // Право и политика. – 2007. – № 3. – С. 26–30.

255. Липинский, Д.А. Субъективное право и юридическая обязанность как меры позитивной юридической ответственности / Д.А. Липинский, А.Г. Шишкин // Государство и право. – 2014. – № 10. – С. 5–14.

256. Лушникова, М.В. Природа злоупотребления / М.В. Лушникова // Кадровик. Трудовое право для кадровика. – 2010. – № 1–2. – URL: <http://base.garant.ru/5850270/> (дата обращения: 15 февраля 2024 г.).

257. Магазинер, Я.М. Объект права / Я.М. Магазинер // Очерки по гражданскому праву : сборник статей. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1957. – С. 65–78.

258. Маслов, В.А. К вопросу о месте злоупотребления правом в структуре правового поведения / В.А. Маслов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 3. – С. 43–53.

259. Мещерягина, В.А. Злоупотребление правом на обращение: современное состояние и перспективы правового противодействия / В.А. Мещерягина, А.С. Морозова, М.Н. Вилачева // Юридическая наука и практика. – 2019. – Т. 15, № 2. – С. 111–116.

260. Мирских, И.Ю. К вопросу о правовом регулировании информации в условиях информационной экономики / И.Ю. Мирских, Ж.А. Мингалева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – Вып. 38. – С. 430–445.

261. *Настин, П.С.* Формы корпоративных правоотношений по предоставлению информации, складывающихся в деятельности хозяйственных обществ / П.С. Настин // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 4 (46). – С. 125–136.

262. *Озерова, А.С.* О необходимости изменения подхода к понятию «информация» в законодательстве и судебной практике / А.С. Озерова // Правоведение. – 2019. – Т. 63, № 1. – С. 137–156.

263. *Окусова, С.А.* Злоупотребление правом как способ реализации правовой нормы: критерии определения / С.А. Окусова // Юрист–Правоведъ. – 2011. – № 4. – С. 96–100.

264. *Панченко, К.С.* Определение пределов правовой толерантности как условие эффективного противодействия злоупотреблению правом / К.С. Панченко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2019. – № 4. – С. 273–277.

265. *Пашин, В.М.* Институт злоупотребления субъективными правами *de lege ferenda* / В.М. Пашин // Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей / под ред. О.Ю. Шиловцова. – Вып. 7. – М.: Норма, 2003. С. 28–62.

266. *Пашин, В.М.* Выявление злоупотребления / В.М. Пашин // ЭЖ-Юрист. – 2005. – № 5. – URL: <http://base.garant.ru/5159415/> (дата обращения: 15 февраля 2024 г.).

267. *Пашнина, Т.В.* Дискуссионные аспекты определения термина «право на информацию» / Т.В. Пашнина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2017. – № 2. – С. 98–105.

268. *Пашнина, Т.В.* Объекты информационных правоотношений в сфере библиотечного дела / Т.В. Пашнина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 12. – С. 149–155.

269. *Поляков, М.П.* Идея асимметрии оценки допустимости доказательств в уголовном процессе как идеологическая предпосылка злоупотребления правом на защиту / М.П. Поляков // Сборник 2019 г. – С. 335–343.

270. Полякова, Г.В. Информация как общенаучная категория / Г.В. Полякова // Власть. – 2013. – № 9. – С. 98–101.

271. Пономарев, В.Г. О сущности злоупотребления правом и его месте в уголовном законодательстве Российской Федерации / В.Г. Пономарев // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. – 2012. – № 1. – С. 158–167.

272. Радько, Т.Н. Юридическая ответственность. Основные подходы к ее понятию в современной юридической науке / Т.Н. Радько // Юридическая ответственность. Основные подходы в современной науке. Материалы круглого стола. Круглый стол № 2. – М.: КноРус, 2015. – С. 6–10.

273. Рябцева, Е.В. Злоупотребление правом на подачу жалобы в Европейский суд по правам человека / Е.В. Рябцева // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1. – С. 66–73.

274. Рясенцев, В.А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав / В.А. Рясенцев // Советская юстиция. – 1962. – № 9. – С. 7–10.

275. Ситдикова, Л.Б. Информация как правовая и как гражданско-правовая категория: статус информации в гражданском праве / Л.Б. Ситдикова // Гражданское право. – 2007. – № 2. – С. 41–47.

276. Скоробогатов, А.В. Злоупотребление правом: феноменологический подход / А.В. Скоробогатов, А.В. Краснов // Сборник 2019 г. – С. 387–393.

277. Слепенкова, О.А. К вопросу о санкциях за нарушение принципа недопустимости злоупотребления гражданскими правами / О.А. Слепенкова // Юрист. – 2008. – № 9. – С. 56–59.

278. Соболева, А.К. Злоупотребление правом в практике Европейского суда по правам человека: аргументативная легитимация решений об отказе в рассмотрении жалобы / А.К. Соболева // Сборник 2019 г. – С. 35–47.

279. Сухова, Н.И. Снижение оценочности понятия «злоупотребление правом» в целях противодействия его осуществлению / Н.И. Сухова // Сборник 2019 г. – С. 407–411.

280. *Терещенко, Л.К.* Информация в обществе: правовой аспект / Л.К. Терещенко // Журнал российского права. – 1998. – № 4–5. – С. 128–132.

281. *Терещенко, Л.К.* К вопросу о правовом режиме информации / Л.К. Терещенко // Информационное право. – 2008. – № 1. – С. 20–27.

282. *Терещенко, Л.К.* Доступ к информации: правовые гарантии / Л.К. Терещенко // Журнал российского права. – 2010. – № 10. – С. 46–53.

283. *Терещенко, Л.К.* Понятийный аппарат информационного и телекоммуникационного права: проблемы правоприменения / Л.К. Терещенко // Журнал российского права. – 2016. – № 10. – С. 101–118.

284. *Терещенко, Л.К.* Информационные посредники в российском праве / Л.К. Терещенко, О.И. Тиунов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 6. – С. 46–51.

285. *Титова, Е.А.* Юридический состав злоупотребления правом: общетеоретическая характеристика / Е.А. Титова // Сборник 2019 г. – С. 412–416.

286. *Ткачев, В.Н.* К вопросу о правовой природе некоторых форм злоупотребления правом / В.Н. Ткачев // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2011. – № 1. – С. 59–65.

287. *Толстик, В.А.* Техничко-юридические способы противодействия злоупотреблению правом / В.А. Толстик // Сборник 2019 г. – С. 105–120.

288. *Толстик, В.А.* К вопросу о злоупотреблении правом / В.А. Толстик, В.А. Куманеев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2001. – № 3. – С. 45–48.

289. *Травников, Н.О.* Информация как правовая категория / Н.О. Травников // Государство и право. – 2016. – № 3. – С. 78–87.

290. *Трофименко, А.В.* Информационные объекты в относительных гражданских правоотношениях / А.В. Трофименко // Наука и общество. – 2014. – № 1. – С. 59–65.

291. *Хужина, О.Н.* К вопросу о злоупотреблении правом адресатом согласования / О.Н. Хужина // Сборник 2019 г. – С. 434–439.

292. *Чеботарева, А.А.* Теоретико-правовые проблемы законодательного обеспечения информационных прав и свобод / А.А. Чеботарева // Юридический мир. – 2015. – № 1. – С. 49–53.

293. *Червонюк, В.И.* Злоупотребление правом в сфере действия частного и публичного права / В.И. Червонюк // Вестник Московского университета МВД России. Юридические науки. – 2017. – № 3. – С. 166–170.

294. *Чиркин, В.Е.* Двойственная природа правосубъектности юридических лиц публичного права / В.Е. Чиркин // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ : сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / под ред. В.Ф. Яковлева, Т.Я. Хабриевой, В.К. Андреева и др. – М.: Проспект, 2020. – С. 370–380.

295. *Чубукова, С.Г.* Система субъектов информационного права как актуальное направление научных исследований / С.Г. Чубукова // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 210-летию со дня рождения К.А. Неволлина, 85-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и 45-летию Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: [б.и.], 2017. – С. 203–208.

296. *Чубукова, С.Г.* Теоретические проблемы системы субъектов информационного права / С.Г. Чубукова // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 12. – С. 101–105.

297. *Шайо, А.* Злоупотребление основными правами, или парадоксы преднамеренности / А. Шайо // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 2. – С. 162–182.

298. *Шокиров, Г.А.* Информация как основной объект информационных правоотношений: теоретический и практический аспекты / Г.А. Шокиров // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 415. – С. 212–216.

299. *Яичков, К.К.* К учению о гражданском правоотношении / К.К. Яичков // Вестник Московского университета. – 1956. – № 1. – С. 129–140.

300. *Яковлева, Т.В.* Реализация субъективного права и злоупотребление правом как гражданское правонарушение / Т.В. Яковлева // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 4. – С. 85–88.

Диссертационные исследования и авторефераты

301. *Агеев, А.С.* Право на доступ к информации, находящейся в распоряжении государственных органов (особенности конституционно-правового регулирования в России и в Германии) : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Агеев Александр Сергеевич. – М., 2016. – 251 с.

302. *Аксенова, О.В.* Субъективные гражданские права и их осуществление в гражданском процессе : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.03, 12.00.15 / Аксенова Ольга Валерьевна. – М., 2004. – 27 с.

303. *Амелин, Р.В.* Правовые аспекты разработки и применения автоматизированных информационных систем в государственном и муниципальном управлении : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Амелин Роман Владимирович. – Саратов, 2010. – 27 с.

304. *Барзилова, Ю.В.* Юридические обязанности как элемент правового статуса личности : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Барзилова Юлия Владимировна. – Саратов, 2006. – 26 с.

305. *Бармина, О.Н.* Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.01 / Бармина Ольга Николаевна. – М., 2015. – 28 с.

306. *Бекназар-Юзбашев, Г.Т.* Злоупотребление правом и принцип доброй совести в гражданском праве России и Германии : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Бекназар-Юзбашев Геворг Тигранович. – М., 2010. – 25 с.

307. *Белоножкин, А.Ю.* Содержание и формы злоупотребления субъективным гражданским правом : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Белоножкин Андрей Юрьевич. – Волгоград, 2005. – 29 с.

308. *Бояринцева, О.А.* Государственные и муниципальные (публичные) базы данных как объекты информационных правоотношений : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.13 / Бояринцева Ольга Анатольевна. – М., 2019. – 205 с.

309. *Бундин, М.В.* Персональные данные в системе информации ограниченного доступа : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.13 / Бундин Михаил Вячеславович. – М., 2017. – 22 с.

310. *Бутакова, Н.А.* Правоотношения в структуре правовой действительности : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Бутакова Надежда Александровна. – СПб., 2006. – 22 с.

311. *Васев, И.Н.* Субъективное право как общетеоретическая категория : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Васев Игорь Николаевич. – Екатеринбург, 2011. – 27 с.

312. *Гавришов, Д.В.* Гарантии реализации субъективного права на информацию: конституционно-правовой аспект : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Гавришов Дмитрий Валентинович. – Белгород, 2010. – 22 с.

313. *Дурново, Н.А.* Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ) : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.01 / Дурново Наталья Александровна. – Н. Новгород, 2003. – 27 с.

314. *Емельянов, В.И.* Недопустимость злоупотребления гражданскими правами по российскому законодательству : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Емельянов Владимир Иванович. – М., 2001. – 24 с.

315. *Ермолаева, Е.В.* Объект правоотношения: историко-теоретическое исследование : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ермолаева Елена Вячеславовна. – Казань, 2004. – 25 с.

316. *Журавлев, М.С.* Правовые аспекты информационной безопасности в телемедицине : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Журавлев Михаил Сергеевич. – М., 2021. – 191 с.

317. *Зайцева, С.Г.* «Злоупотребление правом» как правовая категория (вопросы теории и практики) : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.01 / Зайцева Светлана Геннадиевна. – Волгоград, 2003. – 26 с.

318. *Знамеровский, Е.В.* Административная ответственность за злоупотребление свободой массовой информации : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.14 / Знамеровский Евгений Васильевич. – Хабаровск, 2003. – 23 с.

319. *Ибрагимова, М.В.* Злоупотребление субъективным гражданским правом: понятие, сущность, виды и последствия : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ибрагимова Марина Владиславовна. – Рязань, 2005. – 21 с.

320. *Избрехт, П.А.* Злоупотребление гражданскими правами в сфере предпринимательской деятельности : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Избрехт Павел Александрович. – Екатеринбург, 2005. – 27 с.

321. *Ишина, А.А.* Реализация конституционного права на информацию подразделениями информации и общественных связей МВД России : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ишина Анастасия Анатольевна. – СПб., 2005. – 22 с.

322. *Каримова, Р.Р.* Юридические права: сущность и проблемы реализации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Каримова Рузиля Рамилевна. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.

323. *Короткова, М.В.* Конституционные основы взаимодействия органов публичной власти Российской Федерации и гражданина в информационной сфере : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Короткова Маргарита Валерьевна. – Саратов, 2014. – 204 с.

324. *Коршунова, И.В.* Обязанность как правовая категория : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Коршунова Ирина Викторовна. – М., 2004. – 27 с.

325. *Красавчиков, О.А.* Теория юридических фактов в советском гражданском праве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Красавчиков Октябрь Алексеевич. – Свердловск, 1950. – 14 с.

326. *Крымова, Е.Н.* Злоупотребление правом в процессе функционирования исполнительных органов государственной власти в Российской Федерации: содержание и формирование концепции противодействия : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.14 / Крымова Екатерина Николаевна. – Воронеж, 2009. – 24 с.

327. *Липинский, Д.А.* Общая теория юридической ответственности : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Липинский Дмитрий Анатольевич. – Саратов, 2004. – 46 с.

328. *Максименко, С.Т.* Осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / Максименко Светлана Тимофеевна. – Саратов, 1970. – 17 с.

329. *Малиновский, А.А.* Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Малиновский Алексей Александрович. – М., 2009. – 52 с.

330. *Малышева, Е.Ю.* Элементы гражданско-правовых отношений в области интеллектуальной собственности : автореф. дис... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Малышева Елена Юрьевна. – М., 1997. – 23 с.

331. *Минбалеев, А.В.* Система информации: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Минбалеев Алексей Владимирович. – Челябинск, 2006. – 33 с.

332. *Минбалеев, А.В.* Теоретические основания правового регулирования массовых коммуникаций в условиях развития информационного общества : автореф. ... дисс. докт. юрид. наук : 12.00.14 / Минбалеев Алексей Владимирович. – Челябинск, 2012. – 45 с.

333. *Настин, П.С.* Корпоративные информационные правоотношения в деятельности хозяйственных обществ : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Настин Павел Сергеевич. – Екатеринбург, 2016. – 35 с.

334. *Наумов, А.Е.* Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.01 / Наумов Александр Евгеньевич. – М., 2010. – 25 с.

335. *Ноянова, А.А.* Нравственно-правовые начала арбитражного судопроизводства в Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Ноянова Алтана Артуровна. – Саратов, 2016. – 23 с.

336. *Огородов, Д.В.* Правовые отношения в информационной сфере : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Огородов Дмитрий Владимирович. – М., 2002. – 241 с.

337. *Одегнал, Е.А.* Злоупотребление правом как явление правовой действительности : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.01 / Одегнал Екатерина Александровна. – Ставрополь, 2009. – 19 с.

338. *Пашнина, Т.В.* Правовое обеспечение доступа к информации в библиотечной сфере : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.13 / Пашнина Татьяна Викторовна. – М., 2020. – 254 с.

339. *Радченко, С.Д.* Злоупотребление правом в гражданском праве России : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Радченко Сергей Дмитриевич. – М., 2007. – 203 с.

340. *Романова, В.В.* Юридическая ответственность государства : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.01 / Романова Вера Витальевна. – Казань, 2007. – 26 с.

341. *Рудаков, А.А.* Права и обязанности как парные юридические категории (вопросы теории) : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рудаков Алексей Александрович. – Красноярск, 2006. – 30 с.

342. *Сазанова, И.В.* Квалификация поведения субъектов как злоупотребление гражданским правом : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Сазанова Ирина Владимировна. – СПб., 2010. – 24 с.

343. *Самойлова, М.В.* Право личной собственности граждан СССР : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / Самойлова Маргарита Викторовна. – Л., 1965. – 18 с.

344. *Селиванова, О.Ю.* Субъективное право: сущность, структура и ценность : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Селиванова Оксана Юрьевна. – Н. Новгород, 2001. – 22 с.

345. *Сенников, И.Е.* Использование права как форма непосредственной реализации юридических норм : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сенников Игорь Евгеньевич. – Н. Новгород, 2003. – 21 с.

346. *Ситдикова, Л.Б.* Правовое регулирование отношений в сфере оказания информационных и консультационных услуг в Российской Федерации :

автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Ситдикова Любовь Борисовна. – М., 2009. – 41 с.

347. *Смирнова, Я.А.* Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Смирнова Яна Александровна. – М., 2019. – 246 с.

348. *Советников, И.В.* Злоупотребление правом в избирательном процессе : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Советников Иван Васильевич. – М., 2006. – 26 с.

349. *Солодовниченко, Т.А.* Субъективные юридические права и обязанности в частном и публичном праве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Солодовниченко Татьяна Анатольевна. – Омск, 2016. – 29 с.

350. *Терещенко, Л.К.* Правовой режим информации : дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Терещенко Людмила Константиновна. – М., 2011. – 415 с.

351. *Тюрина, Н.И.* Правомерное поведение как объект юридического исследования : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Тюрина Наталья Ивановна. – Саратов, 2003. – 27 с.

352. *Федосенко, В.А.* Субъективные права в публичной сфере : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Федосенко Виктор Александрович. – М., 2007. – 28 с.

353. *Фоминова, Н.А.* Злоупотребление правом в налоговых правоотношениях : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.14 / Фоминова Надежда Александровна. – М., 2009. – 25 с.

354. *Хижняк, В.С.* Конституционное право человека и гражданина на информацию в Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Хижняк Вероника Сергеевна. – Саратов, 1998. – 222 с.

355. *Хохлова, Е.М.* Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Хохлова Елена Михайловна. – Саратов, 2008. – 26 с.

356. *Цикунов, Е.А.* Злоупотребление правом в сфере налогов и сборов : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук : 12.00.14 / Цикунов Евгений Александрович. – М., 2013. – 26 с.

357. *Черемисинова, М.Е.* Правовой статус субъектов в сети Интернет : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Черемисинова Мария Евгеньевна. – М., 2020. – 273 с.

358. *Шаповалова, Е.В.* Гражданско-правовые формы оборота информации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Шаповалова Екатерина Валерьевна. – М., 2008. – 26 с.

359. *Шевердяев, С.Н.* Проблемы конституционно-правового регулирования информационных отношений в Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Шевердяев Станислав Николаевич. – М., 2002. – 210 с.

360. *Юдин, А.В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : автореф. ... дисс. д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Юдин Андрей Владимирович. – СПб., 2009. – 47 с.

361. *Яговкина, В.А.* Налоговое правоотношение (теоретико-правовой аспект) : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Яговкина Вита Александровна. – М., 2003. – 24 с.

362. *Ястребов, О.А.* Юридическое лицо публичного права: сравнительно-правовое исследование : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Ястребов Олег Александрович. – М., 2010. – 60 с.

Справочные издания, учебники, словари

363. Актуальные проблемы информационного права : учебник / под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. – 532 с.

364. *Александрова, З.Е.* Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. – 11-е изд., доп. и перераб. – М.: Русский язык, 2001. – 568 с.

365. *Алексеев, С.С.* Проблемы теории права : курс лекций в двух томах / С.С. Алексеев. – Свердловск: Наука, 1972. – Т. 1. – 396 с.

366. *Алексеев, С.С.* Теория государства и права : учебник для вузов / С.С. Алексеев. – М.: Норма, 2005. – 496 с.

367. *Бачило, И.Л.* Информационное право : учебник / И.Л. Бачило. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. – 522 с.
368. *Белов, В.А.* Гражданское право: Общая и Особенная части : учебник / В.А. Белов. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – 960 с.
369. *Боер, В.М.* Информационное право : учебное пособие : часть первая / В.М. Боер, О.Г. Павельева. – СПб.: Редакционно-издательский центр ГУАП, 2006. – 116 с.
370. *Городов, О.А.* Информационное право : учебник / О.А. Городов. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2019. – 304 с.
371. Гражданское право: учебник в трех частях : часть первая / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. – СПб.: Теис, 1996. – 550 с.
372. Информационное право : учебник / отв. ред. И.М. Рассолов. – М.: Проспект, 2015. – 352 с.
373. Информационное право : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / авт.-сост. В.Ю. Рогозин, С.Б. Вепрев, А.В. Остроушко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 191 с.
374. *Кириллов, В.И.* Логика : учебник / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015. – 240 с.
375. *Ковалева, Н.Н.* Информационное право России : учебник / под ред. Н.Н. Ковалевой. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2007. – 360 с.
376. *Кожевников, С.Н.* Правомерное поведение и правонарушение. Сущность и содержание : учебно-методическое пособие по курсу «Общая теория права» / С.Н. Кожевников. – Н. Новгород: Изд-во «Общество «Интелсервис», 2001. – 72 с.
377. *Комаров, С.А.* Общая теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям и направлениям / С.А. Комаров. – 7-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 512 с.

378. *Копылов, В.А.* Информационное право / В.А. Копылов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – 427 с.

379. *Крусс, В.И.* Злоупотребление правом : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция» / В.И. Крусс. – М.: Норма, 2010. – 176 с.

380. *Кузнецов, П.У.* Основы информационного права : учебник для бакалавров : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция» / П.У. Кузнецов. – М.: Проспект, 2015. – 312 с.

381. *Ловцов, Д.А.* Информационное право : учебное пособие / Д.А. Ловцов. – М.: РАП, 2011. – 228 с.

382. *Марченко, М.Н.* Правоведение : учебник / М.Н. Марченко, Е.М. Дерябина. – М.: Проспект, 2004. – 416 с.

383. *Морозов, А.В.* Информационное право и информационная безопасность. Часть первая : учебник для магистров и аспирантов / А.В. Морозов, Л.В. Филатова, Т.А. Полякова. – М.: ВГУЮ (РПА Минюста России); Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2016. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/72395.html> (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).

384. *Мусарский, С.В.* Обзор судебной практики применения норм о запрете злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) (полный анализ всей судебной практики за 1995–2011 годы). – 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

385. *Парошин, А.А.* Информационная безопасность: стандартизованные термины и понятия / А.А. Парошин. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 216 с.

386. Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. В.М. Сырых. – М.: Эксмо, 2008. – 528 с.

387. Российское гражданское право : учебник в двух томах / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – Т. I : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – 958 с.

388. *Фатьянов, А.А.* Основные правовые системы ограничения в доступе к информации в Российской Федерации : учебник / А.А. Фатьянов. – М.: КНОРУС, 2022. – 384 с.

Иные источники

389. A Brief Explanation of the Overton Window. – URL: <https://www.mackinac.org/OvertonWindow> (дата обращения: 18 февраля 2024 г.).

390. Google заблокировал каналы Совета Федерации на YouTube. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/10/2022/634e5a889a79470dcacd7a87> (дата обращения: 19 февраля 2024 г.).

391. Google объяснил блокировку YouTube-канала Госдумы санкциями. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/04/2022/625180449a79471947c69646 (дата обращения: 19 февраля 2024 г.).

392. Resolution CM/Res(2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe / Adopted by the Committee of Ministers on 16 March 2022 at the 1428ter meeting of the Ministers' Deputies. – URL: <https://rm.coe.int/0900001680a5da51> (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).

393. Russian-backed TV news channel disappears from UK screens. – URL: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-60584092> (дата обращения: 19 февраля 2024 г.).

394. Spotify закрыл офис в России и скрыл контент государственных СМИ. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/03/2022/62205ced9a79476ba7d42feb (дата обращения: 19 февраля 2024 г.).

395. YouTube блокирует каналы российских государственных СМИ. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/youtube-blokiruet-kanaly-rossiyskikh-gosudarstvennykh-smi.html> (дата обращения: 19 февраля 2024 г.).

396. В Meta заявили, что новая политика будет применяться только на Украине. – URL: <https://ria.ru/20220311/sotsseti-1777767873.html> (дата обращения: 19 февраля 2024 г.).

397. Жителя губернии привлекли к ответственности за фейк о прививке от COVID-19. – URL: https://samara.aif.ru/incidents/scene/zhitelya_gubernii_privlekli_k_otvetstvennosti_za_feyk_o_privivke_ot_covid-19 (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).

398. Жителя Курганской области оштрафовали за фейки о вакцинации в соцсетях. – URL: <https://iz.ru/1194936/2021-07-19/zhitelia-kurganskoi-oblasti-oshtrafovali-za-feiki-o-vaktcinatcii-v-sotcsetiakh> (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).

399. О мессенджере Телеграмм. – URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73050.htm> (дата обращения: 18 февраля 2024 г.).

400. Рекомендация от 30 октября 1997 г. № R(97)20 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам по вопросам «разжигания ненависти» // Язык вражды в СМИ. Правовые и этические стандарты / под ред. Г.Ю. Араповой. – Воронеж: ООО Фирма «Элист», 2011. – С. 8–15.

401. Роскомнадзор vs Telegram: итоги первой недели. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3612517?from=doc_vrez (дата обращения: 18 февраля 2024 г.).

402. Руководители СМИ попросили Жарова разъяснить штрафы за ссылки на страницы с матом. – URL: <https://www.vedomosti.ru/media/news/2019/11/18/816519-matom> (дата обращения: 18 февраля 2024 г.).

403. *Сергеева, Ю.* Интернет и соцсети в России в 2021 году – вся статистика. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/> (дата обращения: 23 июля 2023 г.).

404. СМИ попросили Роскомнадзор объяснить штрафы за ссылки на мат. – URL: <https://www.vedomosti.ru/media/news/2020/07/23/835230-smi-poprosili-roskomnadzor-obyasnit-shtrafi> (дата обращения: 18 февраля 2024 г.).

405. Суд переквалифицировал дело, но все равно арестовал главу Исилюкля Омской области Владимира ГИЛЛЯ. – URL: <https://kvnews.ru/news-feed/125367> (дата обращения: 19 февраля 2024 г.).

406. *Суханов, Е.А.* Стенограмма вводной лекции для слушателей Российской школы частного права. – URL: <https://pandia.ru/text/77/433/26006.php> (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).

407. *Чуранов, Е.* Статистика интернета и соцсетей на 2022 год – цифры и тренды в мире и в России: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 11 февраля 2024 г.).